

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

О. Г. Иванова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
ПО ИЗБРАНИЮ СУДОМ
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

О. Г. Иванова

Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения

Монография

Красноярск
СФУ
2019

УДК 343.85
ББК 67.410.207
И209

Рецензенты:

А. Б. Судницын, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России;

Н. Г. Стойко, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Иванова, О. Г.

И209 Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения : монография / О. Г. Иванова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 176 с.
ISBN 978-5-7638-4203-6

Описаны универсальные подходы и положения ко всему производству по избранию меры пресечения судом в целом. Предложенная схема соответствующего производства может работать независимо от того, какую меру в конечном счете избирает суд (или отказывает в избрании).

Предназначена научным работникам, преподавателям юридических дисциплин, аспирантам, студентам и практическим работникам.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 343.85
ББК 67.410.207

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Производство по избранию меры пресечения судом: понятие и особенности уголовно-процессуальной формы.....	8
1.1. Дифференциация уголовно-процессуальной формы. Понятие и признаки самостоятельного уголовно-процессуального производства	8
1.2. Производство по избранию меры пресечения судом как самостоятельное уголовно-процессуальное производство	18
1.3. Функции субъектов производства по избранию меры пресечения судом	38
Глава 2. Особенности доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом	63
2.1. Предмет и пределы доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом.....	63
2.2. Прогнозирование поведения обвиняемого (подозреваемого): средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании меры пресечения судом	101
Заключение	124
Список использованных источников и литературы.....	130
Приложения.....	164
Приложение А. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	164
Приложение Б. Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения	168
Приложение В. Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения	169
Приложение Г. Статистика рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения судом по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2015–2018 годы.....	170
Приложение Д. Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2015–2018 годы.....	172

Введение

Ежедневно в силу своей профессиональной деятельности российские правоприменители — дознаватели, следователи, прокуроры и судьи — решают вопросы по избранию меры пресечения в отношении обвиняемых и подозреваемых¹. Чтобы мера пресечения была действительно эффективна и при этом ограничивала права обвиняемого (подозреваемого) лишь в конституционно оправданной мере, нужно избирать её только в необходимых случаях с учетом конкретной ситуации и особенностей личности обвиняемого (подозреваемого).

Домашний арест, залог, запрет определенных действий и особенно заключение под стражу максимально ограничивают свободу и личную неприкосновенность граждан, наиболее сильно из всех мер пресечения воздействуют на обвиняемого (подозреваемого) психологически. В связи с этим процессуальное законодательство устанавливает особые гарантии законности и обоснованности избрания и применения этих мер пресечения, к числу которых относится судебное санкционирование и усложненная процедура. Тем не менее сегодня содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не — редкость и не исключение, а типичная практика и даже общее правило, когда «удобство» проведения расследования ставится выше права человека на свободу и личную неприкосновенность. Об этом

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год [Электронный ресурс]: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 10.07.2018). (Так, по данным судебной статистики, в 2017 году судами было рассмотрено 125 129 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и 213 582 ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Статистика по результатам первого полугодия 2018 года демонстрирует близость к показателям первого полугодия 2017 года).

свидетельствует судебная статистика. Так, по состоянию на 1 января 2019 года в российских СИЗО находились 99722 человека¹. Согласно данным Мосгорсуда, в 2018 году судами города Москвы удовлетворен 91 % ходатайств следственных органов об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения². В регионах уровень удовлетворения соответствующих ходатайств следствия несколько ниже — 89 %³.

Продление срока содержания под стражей имеет еще более «автоматический» характер. Например, отечественные суды за первое полугодие 2018 года оставили без удовлетворения только 2 % ходатайств о продлении заключения под стражей — из 107455 постановлений таких только 2621⁴. При этом московские суды из 32357 ходатайств о продлении срока содержания под стражей удовлетворили 31997⁵, то есть 99 %, а суды российских регионов — 98 % ходатайств.

Из изученных автором 204 постановлений суда о продлении срока содержания под стражей⁶ постановлений об отказе в продлении срока содержания под стражей только 8, что составляет 3,9 %. Практически все постановления о продлении срока содержания под стражей фактически не обосновывались судом.

Такие тенденции правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу позволяют говорить о наличии проблем системного характера, существование которых затрудняет достижение целей уголовного процесса в целом, без необходимости

¹ См.: Борзенкова Е. Все в СИЗО: статистика продления арестов [Электронный ресурс] // ПравоРу. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. — URL: <https://pravo.ru/story/208811/> (дата обращения: 25.07.2019).

² Статистические сведения из сообщения пресс-службы Московского городского суда от 05 февраля 2019 года [Электронный ресурс]: Сообщение пресс-службы Московского городского суда // Суды общей юрисдикции города Москвы. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-moskovskih-sudov-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 25.07.2019).

³ См.: Борзенкова Е. Указ. соч.

⁴ См.: Борзенкова Е. Указ. соч.

⁵ Статистические сведения из сообщения пресс-службы Московского городского суда от 05 февраля 2019 года [Электронный ресурс]: Сообщение пресс-службы Московского городского суда // Суды общей юрисдикции города Москвы. Электрон. дан. [Б. м.], 2019. — URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/podvedeny-itogi-raboty-moskovskih-sudov-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 25.07.2019).

⁶ Имеются в виду материалы, рассмотренные судами городов Томска и Красноярска в 2016–2017 годах.

существенно ограничивая права и законные интересы лиц, в отношении которых избираются меры пресечения.

Внесение всё новых изменений в нормативно-правовую регламентацию вопросов избрания и продления мер пресечения, неоднократное обращение к этим вопросам Пленума Верховного суда РФ, наличие многочисленных Постановлений Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), которыми признано нарушение Россией права, предусмотренного ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция), в связи с необоснованным и чрезмерно продолжительным содержанием обвиняемых под стражей говорит о том, что работа по совершенствованию института избрания судом меры пресечения не закончена. Необходимо улучшение законодательства и правоприменительной практики, которые позволили бы в совокупности соблюдать справедливый баланс между интересами обеспечения хода предварительного расследования и правом обвиняемого (подозреваемого) на свободу и личную неприкосновенность.

Меры пресечения — это меры процессуального принуждения, которые имеют, по общему правилу, превентивный (упреждающий) характер. Наибольшая сложность при решении вопроса об избрании мер пресечения и при выборе конкретной меры пресечения заключается в необходимости прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого). Очевидно, что каждый правоприменитель не может и не должен разрабатывать свои собственные правила или методы решения вопросов по избранию мер пресечения, основываясь на личном опыте, интуиции. Он должен иметь возможность руководствоваться уже выработанным алгоритмом (порядком) действий, сформированными критериями достаточности/недостаточности сведений для принятия такого решения, которое бы обеспечивало обоснованное и законное принятие решения по вопросу об избрании мер пресечения. Однако до сих пор такой порядок и такие критерии не разработаны ни законодателем, ни в научных исследованиях. А значит, работа в сфере прогнозирования поведения обвиняемого (подозреваемого), определения достаточности данных для вывода о наличии/отсутствии оснований для избрания меры пресечения и выбора конкретной меры пресечения всё ещё не закончена.

Несовершенство законодательного регулирования и правоприменительной деятельности в данной области говорит о том,

что сегодня необходима комплексная научная разработка проблем, связанных с доказыванием при решении вопроса об избрании судом мер пресечения, определением пределов полномочий органов, ведущих процесс. Следует отметить, что в научных работах, посвященных проблемам избрания конкретных мер пресечения, не содержится анализа возможности прогнозирования индивидуального противоправного поведения, а также не отражены особенности такого прогнозирования и связанная с ним специфика доказывания, что определяет потребность в настоящем исследовании.

Глава 1

Производство по избранию меры пресечения судом: понятие и особенности уголовно-процессуальной формы

1.1. Дифференциация уголовно-процессуальной формы. Понятие и признаки самостоятельного уголовно-процессуального производства

Непосредственно о процессуальной форме написано немало. Процессуалисты дореволюционного, советского и современного периодов задавались этим вопросом, считая его одним из ключевых в понимании сущности процесса и направления его развития. И если долгое время процессуальную форму исследовали преимущественно в рамках отраслевых юридических наук, то сегодня можно констатировать, что представления о процессуальной форме как о предмете общей теории права и государства прочно утвердились в отечественном правоведении¹. Это понятие уже вышло за рамки конкретной процессуальной отрасли. Вопрос об избрании судом меры пресечения как об уголовно-процессуальном производстве — это во многом вопрос о том, дифференцирован ли (и каким образом) наш уголовный процесс на отдельные производства и насколько существенно или не существенно такие производства отличаются друг от друга (обладают ли самостоятельностью).

В свою очередь, вопрос о дифференциации уголовного процесса традиционно рассматривается как вопрос о дифференциации его процессуальной формы, которую представляют чаще всего как:

¹ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. Гл. 7.

1) совокупность условий, закрепленных процессуальным законодательством для совершения процессуальных действий¹; установленный законом правовой режим уголовно-процессуальной деятельности²; порядок осуществления процессуальной деятельности³, выраженный в условиях, требованиях к производству процессуальных действий⁴, их оформлению и последовательности совершения⁵; форму государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства, его принципами⁶ и основанными на них правилами, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства⁷;

2) производство по уголовному делу, регламентированный правом порядок⁸, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности⁹ или порядок деятельности судов при разрешении правовых конфликтов¹⁰; предусмотренный законом порядок,

¹ См.: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учеб. изд. М., 2003. С. 6; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 51; Доля Е.А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // Законность. 2009. № 10. Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. М., 1965. С. 60.

² См.: Тукиев А.С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестн. Караганд. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 66.

³ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 32; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 49; и др.

⁴ См.: Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 22; Вандышев В.В. Уголовный процесс: конспект лекций. СПб., 2002. С. 20; и др.

⁵ См.: Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102–103; и др.

⁶ См.: Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

⁷ См.: Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. Оренбург, 2005. С. 14.

⁸ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 313, 336–337.

⁹ См.: Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. 173 с.

¹⁰ См.: Зипунникова Ю. К вопросу о пределах действия процессуальной формы [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8. Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Арбитражный процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. — 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 480 с.

процедуру деятельности участников уголовного дела¹; установленную законом последовательность, порядок проведения следственных действий²;

3) систему отношений, возникающих в процессе деятельности субъектов процесса³; особую юридическую конструкцию, которая воплощает в себе наиболее оптимальную процедуру осуществления определенных полномочий конкретными субъектами, в частности, процедуру осуществления юридической деятельности, регулируемую уголовно-процессуальным законом⁴;

4) совокупность уголовно-процессуальных институтов и правил, процедуры и последовательности стадий⁵.

По сути речь идет о четырех близких друг другу понятийных подходах.

Первый из них, на наш взгляд, так или иначе опирается на формообразующее значение задач (целей), функций и принципов уголовного процесса (явно подразумевается в определении М. С. Строговича⁶ и однозначно связывается с определением И. Б. Михайловской⁷).

В целом с подобной трактовкой можно согласиться, если иметь в виду, что цель удерживает субъектов деятельности «в пути», функции указывают на его направления (через определение того, что делают некоторые субъекты или группы субъектов), а принципы задают рамки (границы) этого пути. Вот почему вряд ли прав Е. А. Доля, утверждающий, что под уголовно-процессуальной формой принято понимать установленные законом условия и порядок осуществления следственных, судебных действий и принятия процессуальных решений, а не его цель, принципы, функциональную структуру судопроизводства⁸. Ведь

¹ См.: Давлетов А. А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Рос. юрид. журн. 2012. № 6. С. 97–102.

² См.: Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 24.

³ См.: Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 13.

⁴ См.: Францифорова С. Ю. Уголовно-процессуальная форма — гарантия обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 121; и др.

⁶ Разумеется, речь идет только о нашей интерпретации.

⁷ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. 142 с.

⁸ Доля Е. А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // Законность. 2009. № 10.

если содержание уголовного процесса реально определяется через действия и решения, то в «принятом подходе» его также следует реально определить. Вряд ли это можно сделать без обращения к целям (задачам), функциям и принципам, даже признавая, что они являются формобразующими элементами и не тождественны форме во всех ее общих и частных проявлениях (внешней выраженности). Причем в контексте сказанного некоторая внутренняя противоречивость позиции И. Б. Михайловской, заявляющей о приоритете процессуальной формы над целью установления фактических обстоятельств уголовного дела, не имеет значения¹.

Необходимо учитывать, как справедливо отмечает Н. Г. Стойко, что форма — это то, что удерживает содержание в определённых рамках². Он пишет о том, что содержание реально и требует выражения в соответствующей структуре (форме), которая, таким образом, организует данное содержание, развертывая его в нормативной системе уголовного процесса, судах и правоохранительных органах, целенаправленных действиях субъектов и т. п.³. Будучи развернутым содержанием, форма влияет на него, зависит от него, образует с ним единство, но не сводится к нему⁴.

Неслучайно, по-видимому, в этой связи появление таких определений процессуальной формы, в которых она предстает как связь формы и содержания (явное смешение) или как механизм обеспечения законности (фактически отождествление с механизмом правового регулирования)⁵. В свою очередь процессуальная деятельность (процесс) нередко сводится к форме как

Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Это не исключает теоретической и практической значимости затронутого вопроса вообще, равно как и весомости контраргументации Е. А. Доля, приведенной им в указанной выше работе.

² Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. Гл. 1, § 3. С. 51–68.

³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765. (О взаимосвязи ценностей и социального содержания бытия); Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С. 506–507.

⁴ См.: Керимов Д. А. Методология права: предмет; функции; проблемы философии права. М., 2001. С. 170–185. (О диалектике формы и содержания права.)

⁵ См.: Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 11–12.

системе конкретных процессуальных производств, правовых порядков (вне различения с содержанием)¹.

При втором подходе (сходном с достаточно часто встречающимся в западной процессуальной литературе²), напротив, демонстрируется (явно или неявно) отсутствие интереса к понятийному разграничению процессуального содержания и формы. Уголовный процесс характеризуется как формальный механизм, метод, спор, совокупность правовых норм, стадий, урегулированное правом движение уголовного дела, система действий компетентных органов. Причем процессуальная форма чаще всего определяется через такие категории, как порядок производства процессуальных действий и принятия решений, порядок производства по уголовным делам³. Иначе говоря, акцент делается не на формообразующие элементы (как при первом подходе), а на юридическую соорганизованность субъектов деятельности и ее внешние проявления.

Тем не менее подобный подход не только вполне удовлетворяет задаче определения понятия уголовно-процессуальной формы, но и существенно не противоречит первому подходу. Во всяком случае, при обоих подходах процессуальная форма может быть понята как условие существования уголовного процесса, когда

¹ См.: Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1999. С. 398; Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2001. С. 21–28.

² См.: Гуценко К.Ф., Головкин А.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 1–4, 45–46, 164–167, 294–296, 402–403; Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. London, 1995. P. 13; Perkins R. Criminal Law. 2 ed. Mineola; New York, 1969. P. 1; Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases. Los Angeles, California, 1968. P. 55; Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices» // Yale Law Journal. 1970. Vol. 79, № 3. P. 368–369; Goldschmidt J. Der Prozeß als Rechtslage. Berlin, 1925; Pradel J. Procédure pénale. 9 éd. Paris, 1997. P. 17.

³ См.: Якуб М.Л. Процессуальная форма в Советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 9, 17; Гуценко К.Ф. Сущность и основные понятия уголовного процесса. М., 1996. С. 18; Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право: учебник. — 2-е изд. М., 1997. С. 38; Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 1998. С. 17; Канафин Д.К. Понятие и дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства. Алматы, 1998. С. 18; Уголовный процесс: учебник / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2001. С. 7; Безлепкина Б.Т. Уголовный процесс России. М., 2008. С. 27; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М., 2008. С. 38; Тукиев А.С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы // Вестн. Караганд. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. 2004. Вып. 2 (10). С. 66.

условия уголовно-процессуальной деятельности рассматриваются в качестве важнейшего признака процессуальной формы. То есть речь идёт о нормативно выраженном порядке (юридической регламентации процессуальной деятельности как процедуры) и порядке реальной деятельности конкретных субъектов (как отражении нормативно выраженного порядка на практике).

При третьем подходе упор делается на понятие процессуальных отношений. Процессуальная форма рассматривается в качестве интегративного образования, охватывающего уголовно-процессуальное право и систему отношений, выступающих в качестве объекта правового регулирования¹. В таком виде это регламентированная уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил, процедура и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом².

Близость данного подхода со вторым очевидна. Разница состоит лишь в том, что акцент делается на внешнюю выраженность нормативного порядка в уголовно-процессуальных отношениях, то есть на правовую связанность субъектов между собой. Однако при том и другом подходе, так или иначе, речь идет о нормативно связанном порядке.

При четвёртом подходе уголовно-процессуальную форму понимают как совокупность уголовно-процессуальных институтов, правил, процедур и стадий. В широком смысле слова процессуальная форма здесь совпадает с закреплённым законом порядком судопроизводства, а в узком — отражает его структурное деление³.

¹ См.: Цыганенко С.С. Производство по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 13–14. (По мнению С.С. Цыганенко, процессуальная форма охватывает не всё множество отношений и связей, существующих в процессе раскрытия и разрешения уголовных дел, а только те, которые наиболее значимы для правосудия.)

² См.: Кобликов А.С. Сущность и задачи уголовного процесса. М., 1995. С. 13; Громов Н.А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М., 1998. С. 20; и др.

³ См.: Пругченкова Г.Н. Процессуальная форма и её значение для совершенствования правовой регламентации предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 8.

При всем внешнем различии этот подход совпадает с предшествующим, поскольку явно или неявно подразумевает внешнюю выраженность нормативного порядка.

Таким образом, если не принимать во внимание частности и терминологические расхождения, можно прийти к выводу, что все четыре подхода не отрицают, а дополняют друг друга, поскольку сходным образом отвечают на вопрос: как организована (построена или устроена) уголовно-процессуальная деятельность. Они раскрывают организацию этой деятельности путем указания на нормативно заданные и внешне выраженные способы ее удержания. Иначе говоря, при всех подходах деятельность — это содержание, а ее организация — форма.

При этом очевидно, что процессуальная форма имеет структурирующее значение, то есть представляет собой такую юридическую конструкцию, которая выполняет функцию структуры самого процесса¹, отражая его внутреннее строение (показывает части целого)². Вот почему вопрос о процессуальной форме тесно связан с вопросом о ее дифференциации.

Как следует из позиции Ю.К. Якимовича³, уголовный процесс структурирован (и тем самым дифференцирован) по производствам, а производства — по стадиям. Естественно, что дифференциация в таком случае понимается как способ построения процесса (и в данной связи характерная черта процессуальной формы)⁴, когда целое делится на части (подсистемы, реализующие те или иные функции)⁵. Причем дифференциация не исключает наличия единого организующего начала (целей, принципов, функций) для всего процесса, но предполагает различия по способу организации его субъектов, по-разному взаимодействующих между собой в рамках отдельных производств (и стадий)⁶. Следовательно, процессуальная форма — это совокупность

¹ См.: Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987 С. 64.

² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989; и др. (О понятии структуры.)

³ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 52.

⁴ См.: Великий Д.П. Указ. соч. С. 24–25; и др.

⁵ См.: Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 1997. С. 363; Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. Г.В. Осипова. М., 1998. 672 с.

⁶ См.: Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России. СПб., 2006. С. 63–64.

нормативно установленных правил и требований (единых и обязательных), организующих (приводящих в движение, упорядочивающих) уголовно-процессуальную деятельность на всем её протяжении. В свою очередь, процессуальное содержание — это юридически организованный процесс совершения его субъектами (органами, ведущими уголовный процесс)¹ действий (взаимодействий) и принятия решений, выраженный в системе уголовно-процессуальных (и уголовно-правовых) отношений, а также в структурированной и дифференцированной (по стадиям и производствам) практике.

Дополнительно подчеркну, что единство уголовно-процессуальной формы определяется нормативно заданными целями, функциями и принципами (структурно), а также нормативно заданным порядком движения уголовного дела, совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений (процедурно). *Таким образом, процессуальная форма — это нормативно заданный порядок, процедурно выраженный в движении уголовного дела (в переходе от стадии к стадии), последовательности совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, структурными элементами которого выступают нормативно заданные цели, функции и принципы.*

Другими словами, можно сказать, что дифференциация формы выражается в делении уголовного процесса на ряд самостоятельных производств², каждое из которых представляет собой порядок движения уголовного дела (по стадиям уголовного процесса и в их рамках), характеризующийся своеобразием общих целей, функций и принципов, предполагающий статусно-ролевую

¹ См.: Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 24. (Что касается участников уголовного процесса — частных лиц, — то, разумеется, они должны иметь возможность влиять на органы, ведущие уголовный процесс, в том числе в целях побуждения соответствующих должностных лиц к исполнению обязанностей, корреспондирующих их правам и законным интересам.)

² См.: Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенёва. Харьков, 1983. С. 65, 85–91; Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 58; и др. (О понятии производства по юридическим делам); Цыганенко С.С. Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 57–83, 90; Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 46. (О понятии производства в уголовном процессе.)

соорганизацию субъектов уголовного процесса и обладающий собственным предметным и доказательственным содержанием деятельности и судебным способом ее завершения. То есть претендующий на самостоятельность порядок движения дела — это такая совокупность процессуальных действий и решений субъектов уголовного процесса, которая направлена на достижение конкретных собственных целей (задач), соотносящихся с целями уголовного процесса, обладающая собственным предметом рассмотрения, реализуемая субъектами уголовного процесса (органами, ведущими уголовный процесс) в соответствии с закрепленной в законе процедурой уголовно-процессуальной деятельности, итогом которой является судебное решение¹. «В противном случае, — как верно отметила Т. В. Трубникова, — следовало бы признать, что в действующем уголовном процессе существует значительное число производств, различающихся... лишь мелкими деталями»².

Значит, принципиальное значение приобретает процессуальное наполнение (признаки) того, что здесь называется самостоятельным производством³, а не мелкими отличиями в рамках единого уголовно-процессуального порядка⁴.

В данной связи (и в контексте сказанного) любое уголовно-процессуальное производство, на наш взгляд, должно обладать определенным набором признаков.

1. Реализуется органами, ведущими уголовный процесс (всегда есть несколько субъектов при обязательном участии суда как органа, принимающего итоговое решение).

2. Характеризуется полистадийностью (всегда включает в себя более одной стадии или этапа уголовного процесса).

3. Является доказательственным (всегда возникает в связи с необходимостью установления некоторых обстоятельств и представляет собой процесс доказывания).

¹ Автором настоящей работы ранее это раскрывалось понятие, и подробно анализировались виды производств в следующей статье: Иванова О. Г. Понятие и виды уголовно-процессуальных производств // Право и общество. 2011. № 7. С. 30–37.

² Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных производств. Томск, 1999. С. 9.

³ См.: Свиридов М. К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987. С. 241–242.

⁴ См.: Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 11.

4. Направлено на достижение собственных, конкретных целей (задач), которые согласуются с общими целями уголовного процесса, но отличаются от них.

5. Имеет собственный предмет рассмотрения, который задаётся обстоятельствами, подлежащими доказыванию в данном производстве.

6. Нормативно упорядочено (регламентировано УПК РФ).

7. Завершается вынесением итогового судебного акта (решения, имеющего форму процессуального документа).

Очевидно, что все семь перечисленных признаков указывают на определенную однородность производств¹, при наличии которой их совокупность будет образовывать единый уголовный процесс. Очевидно также, что каждый из этих признаков применительно к конкретному производству будет отличаться большим или меньшим своеобразием, существенно различаясь в предметно-целевом отношении. В этом смысле можно говорить о делении уголовного процесса на отличные друг от друга производства, приспособленные удовлетворять различные потребности², или о предметно-целевом критерии выделения самостоятельного производства³, в том числе производства по избранию меры пресечения судом (и его разновидностей).

На этой основе можно предложить комплексное определение уголовно-процессуального производства, согласно которому уголовно-процессуальное производство — это порядок движения уголовного дела (по стадиям уголовного процесса и в их рамках), характеризующийся своеобразием собственных целей и функций участников, который предполагает статусно-ролевую организацию деятельности, обладает собственным предметным и доказательственным содержанием и предполагающий судебный способ завершения.

¹ См.: Витрук Н. Н. Указ. соч. С. 24. (Н. Н. Витрук указывал на однородность как важную характеристику производств)

² См.: Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 8–9; Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 19.

³ См.: Якимович Ю. К. Уголовно-процессуальные производства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10–13; Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001. С. 21, 65–70; Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д., 2003. С. 83–86, 90–93.

1.2. Производство по избранию меры пресечения судом как самостоятельное уголовно-процессуальное производство

Конституционно-правовая природа мер принуждения в уголовном процессе (в смысле ч. 3 ст.ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), особенно мер пресечения, отражает их социальное предназначение защищать потерпевших от преступных посягательств (в смысле ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ), требуя от государственных органов обеспечивать в рамках уголовного дела как исполнения возложенных на его участников юридических обязанностей, так и соблюдения конституционных прав граждан¹. Иначе говоря, как точно отмечено в литературе, уголовно-процессуальное принуждение имеет двойственный характер².

Итак, исходя из своего социального предназначения, государство обязано гарантировать законное и обоснованное применение мер пресечения. Это возможно, если в законе будут определены четкие и точные границы такого применения: закреплён исчерпывающий перечень мер пресечения; установлены основания, условия и порядок избрания каждой из них. Тем самым принудительная сила государства будет ограничена, а произвол органов предварительного расследования, прокуратуры и суда минимизирован (если не исключен) настолько, насколько это возможно.

Однако не все из перечисленного выше однозначно и достаточно ясно сформулировано в законе, что порождает на практике определённые трудности в правоприменении и в ряде случаев приводит к следственным и судебным ошибкам.

При решении названных вопросов в данном исследовании **меры пресечения** (как это вытекает из уголовно-процессуального закона) понимаются как применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие или временно ограничивающие его права и свободы,

¹ См.: Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. С. 56–58; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2017. С. 111–113.

² См.: Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М., 2015. С. 62; и др.

в целях исключения возможности для обвиняемого (подозреваемого) уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора.

Меры пресечения, избираемые судом — это наиболее строгие меры уголовно-процессуального принуждения, решение о которых принимается в особом процессуальном порядке в целях обеспечения нормального хода предварительного расследования и суда, оказывает на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие и временно ограничивает его права и свободы.

Данные проведённого анкетирования судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов¹ показали следующую картину: на вопрос анкеты о том, достаточно ли подробно УПК РФ регламентирует вопросы избрания мер пресечения, мнения представителей юридической профессии разделились.

Так, среди адвокатов только 8,4 % сказали: «Да, всё предельно понятно», а 91,6 % опрошенных ответили: «Нет, на практике возникают сложности». Мнения следователей и дознавателей по этому вопросу разделились примерно поровну: «да» — 49 %, «нет» — 51 %. Из числа опрошенных прокурорских работников 72 % дали ответ «да», а 28 % выбрали противоположный ответ, признав, что законодательство в этой части несовершенно и на практике имеются сложности. Среди опрошенных судей 34,5 % считают, что в законе все предельно понятно, «нет» ответили 48,3 %, и ещё 17,2 % затруднились с ответом.

Таким образом, в целом более половины опрошенных (64,6 %) указали, что на практике институт применения мер пресечения вызывает определённые затруднения. При этом складывается интересная ситуация по разделению мнений представителей одной профессии: более 90 % адвокатов констатируют сложности в избрании мер пресечения на практике, хотя процент среди следователей, прокуроров и судей гораздо ниже². Возможно, это связано с тем, что адвокат имеет реальную возможность более внимательно работать с каждым случаем, но не несёт персональной

¹ В прил. Б размещена анкета, по которой проводился опрос лиц, работающих в системе правоохранительных органов.

² Эти данные и упомянутые далее в тексте можно увидеть в прил. В «Обобщение результатов анкетирования».

ответственности за принятое решение, а также чаще видит ситуацию с позиции клиента, то есть с точки зрения лица, поведение которого прогнозируется.

Избрание меры пресечения, исходя из логики законодателя, всегда происходит в три этапа: на первом устанавливается обоснованность подозрения, затем выясняется наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще. И если такая необходимость есть, то правоприменитель переходит к третьему этапу, на котором из предложенного законодателем компетентному органу перечня следует выбрать конкретную и подлежащую применению в данном случае меру пресечения. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ¹. При этом некоторые меры пресечения дознаватель или следователь могут избирать самостоятельно, например, подписку о невыезде или личное поручительство, другие же применяют лишь по судебному решению и никак иначе (залог, домашний арест, запрет определенных действий, заключение под стражу).

В рамках рассматриваемой проблематики возникают следующие вопросы: в каждом ли из этих случаев мы можем говорить о наличии производства по избранию меры пресечения? Когда имеет место производство по избранию меры пресечения и чем характеризуется?

В решении этих вопросов помогут ранее сформулированные признаки процессуального производства. Они станут своего рода индикаторами, маркерами. Лишь в случае, если процедура избрания меры пресечения будет соответствовать всем этим признакам, можно говорить о наличии процессуального производства по избранию мер пресечения. Для более наглядного и эффективного анализа разделим все меры пресечения по упомянутому критерию на две группы: избираются они самостоятельно органом, ведущим предварительное расследование (первая группа), или исключительно судом (вторая группа).

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ; (ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ч. 1, ст. 97 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

Как подчеркивалось ранее, под субъектами уголовно-процессуального производства по избранию меры пресечения судом понимаются те лица, от которых зависит ход и результат самого производства, то есть должностные лица органов, ведущих уголовный процесс¹. Именно на субъектах уголовного процесса лежит обязанность по соблюдению принципов уголовного процесса. Поэтому, говоря о производстве по избранию меры пресечения судом, нужно рассматривать это производство как деятельность компетентных государственных органов, к числу которых относятся *органы предварительного расследования, прокуратуры и суда (и соответствующие должностные лица, их представляющие)*.

Избрание одной из мер пресечения первой или второй группы характерно то, что эта процедура (будем пока называть её так) представляет собой некоторые отдельные действия или совокупность процессуальных действий и решений субъектов уголовного процесса. Это значит, что, с одной стороны, она реализуется компетентными должностными лицами и уполномоченными органами государства, то есть субъекты уголовного процесса вправе избирать меру пресечения для обвиняемого (или подозреваемого), но, с другой стороны, для разных мер пресечения субъекты, которые вправе их избрать, тоже разные. Меру пресечения из первой группы могут избирать следователь или дознаватель самостоятельно, а любую из мер пресечения второй группы — только суд, хотя инициируется этот вопрос по ходатайству следователя (с согласия руководителя следственного органа) или дознавателя (с согласия прокурора). Так, если дознаватель или следователь считает необходимым применить в качестве меры пресечения, например, заключение под стражу, то дополнительно в качестве субъектов уголовного процесса выступает не только суд, но и другие должностные лица, а именно руководитель следственного органа и прокурор, который уже в судебном заседании по этому поводу может поддержать такое ходатайство или не сделать этого. Само постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием обвиняемого (подозреваемого), прокурора и защитника, если

¹ См.: Шагинян А. С. Участники уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юрид. вузов / под ред. О. И. Андреевой. Ростов н/Д., 2015. Гл. 3. С. 59–82.

последний участвует в уголовном деле. Таким образом видно, что круг субъектов, участвующих в этой процедуре, значительно шире, чем когда в качестве меры пресечения избираются подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части или присмотр за несовершеннолетним обвиняемым.

Особенности рассматриваемого производства проявляются и в функциях субъектов этого производства, чему посвящен отдельный параграф работы. Следует также указать, что субъекты производства по избранию меры пресечения судом являются также и субъектами доказывания в рамках этого производства.

Мы говорили о том, что процессуальное производство всегда включает в себя более одной стадии уголовного процесса, то есть обладает признаком полистадийности. Из чего следует, что если субъект уголовного процесса может принять итоговое решение по определённому вопросу самостоятельно и в рамках текущей стадии уголовного процесса, то самостоятельного производства не образуется, а эта деятельность укладывается в рамки одной конкретной стадии уголовного процесса. Причем нужно обратить внимание на то, что если меру пресечения следователь или дознаватель избирает самостоятельно в рамках расследования уголовного дела (на досудебном этапе), не обращаясь за «разрешением» к иным субъектам, то не наблюдается никакой полистадийности и тем более специальной деятельности. Решение данного вопроса происходит в рамках предварительного расследования тем же субъектом, который это расследование ведёт. Иные органы и должностные лица в эту деятельность не вмешиваются, специально предусмотренной процедуры с «пошаговой инструкцией» в законе нет, есть лишь общие правила.

Таким образом, полистадийность означает, что любое производство включает в себя более одной стадии или этапа уголовного процесса. Так как итоговое решение по избранию рассматриваемых мер пресечения следователь или дознаватель принять не вправе, ему приходится получать согласие руководителя следственного органа или прокурора соответственно, а затем обращаться за решением этого вопроса в суд. И только суд выносит решение по поставленному вопросу. Таким образом, несмотря на то, что всё описанное происходит на стадии уголовного процесса, предварительное расследование здесь появляется

отдельный важный этап, на котором проводится полноценное судебное разбирательство по поставленному вопросу. Этот этап имеет значение стадии решения инициированного в рамках предварительного расследования вопроса об избрании меры пресечения.

Вместе с тем если следователь или дознаватель считает необходимым избрание такой меры пресечения, как залог, домашний арест, запрет определенных действий или заключение под стражу, то сам он принять такое решение не вправе. Ему приходится получать согласие руководителя следственного органа или прокурора, а затем обращаться за решением этого вопроса в суд. И только суд выносит решение по поставленному вопросу. Так появляется судебное разбирательство, имеющее значение не только особой процедуры (в смысле ст. 5 УПК РФ), но и судебного этапа или стадии решения инициированного в рамках предварительного расследования вопроса об избрании меры пресечения. Нарушение этого правила недопустимо.

В качестве примера приведём выдержку из справки Кемеровского областного суда от 16.02.2010 № 01–26/137: «В соответствии с п. 8 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ возбуждение следователем ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей рассматривается судьей в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в частности, с участием обвиняемого, прокурора, а также защитника, если последний участвует в уголовном деле. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 08.10.2009 отменено постановление Междуреченского городского суда от 28.08.2009 о продлении срока содержания под стражей до 02.12.2009 в отношении И. Судебная коллегия указала, что суд в нарушение требований ст. 108, 255 УПК РФ разрешил вопрос о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении И. фактически вне судебного заседания. Как видно из протокола судебного заседания от 28.08.2009, мнения сторон по данному вопросу судом не заслушивались, их доводы не исследовались. Обвиняемому не было обеспечено право участвовать в рассмотрении судом вопроса о продлении срока содержания под стражей, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства. Коллегия также указала, что суд в нарушение требований закона рассмотрел материалы в отношении И. формально,

свое решение о необходимости продления в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу должным образом не мотивировал, не обосновал свои выводы фактическими обстоятельствами дела, основывался лишь на тяжести инкриминируемого преступления»¹. Таким образом, очевидно: законодатель и правоприменитель справедливо отмечают тот факт, что судебное заседание должно быть именно разбирательством, а не носить формальный характер. В нём действительно надлежит заслушать все стороны, исследовать предоставленные материалы и доказательства и лишь после этого выносить решение.

Основываясь на сказанном, можно выделить три этапа производства по избранию меры пресечения. Первый — подготовительный этап, на котором происходят подготовка материалов следователем (дознавателем), согласование позиции с руководителем следственного органа или прокурором, направление материалов с ходатайством в суд. Второй — ознакомление стороны защиты с указанными материалами. Далее идёт третий (и основной) этап — судебное разбирательство, то есть судебная процедура рассмотрения заявленного ходатайства, завершающаяся принятием судебного решения.

В связи с тем, что итоговое решение принимается судом в результате судебного разбирательства, большинство общих условий судебного разбирательства, предусмотренных главой 35 УПК РФ, на него также должны распространяться. При любом уголовно-процессуальном производстве итоговое решение принимает такой субъект уголовного процесса, как суд. Этот акт должен соответствовать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, а также отражать принятое решение и обосновывать его. В таком акте должны быть отражены вопросы, которые являлись предметом рассмотрения, все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках данного производства. Известно, что об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд — определение².

¹ Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленным районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=1248#019409538340395405> (дата обращения: 01.07.2018).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ; (ред. от 1 апр. 2019 г.,

Следующий выделенный признак «нормативность» означает, что соответствующая процедура (как совокупность действий) должна быть подробным образом регламентирована и закреплена в УПК РФ. Законом должна быть специально предусмотрена «пошаговая инструкция» для субъектов процесса. Действующее законодательство РФ установило особый порядок избрания для таких мер пресечения, как залог, домашний арест, запрет определённых действий и заключение под стражу. В соответствии с ч. 2 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса РФ эти меры пресечения избираются по ходатайству дознавателя, следователя, поддержанного прокурором, только судом. Порядок (процедура) их избрания достаточно чётко и подробно описан(а) в УПК, что позволяет говорить о том, что признак нормативности однозначно присущ этой процедуре тогда, когда речь идёт об избрании перечисленных мер пресечения судом. Очевидно, что процедура более сложная и многоступенчатая по сравнению с тем, когда избирается, например, подписка о невыезде, которую следователь назначает самостоятельно. Вместе с тем порядок (совокупность действий) должностных лиц при избрании таких мер пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части или присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, подробно не регламентирован(а) законом. Да и можно ли его подробно «расписать», если решение принимает одно лицо и самостоятельно. Это означало бы описание мыслительного процесса следователя или дознавателя, чего сделать невозможно. УПК РФ включает лишь самые общие положения: основания и условия выбора меры пресечения, содержание этих мер пресечения и порядок ознакомления с принятым решением обвиняемого (подозреваемого) и его защитника. Избрание таких мер пресечения вообще не похоже на юридическую процедуру как цепочку действий и решений. Скорее, это юридически значимое действие, поскольку оно совершается одновременно и самостоятельно.

Итак, даже уже по четырём обозначенным выше критериям видно, что не существует самостоятельного производства в том случае, когда мера пресечения избирается следователем

с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ст. 101 // КонсультантПлюс — надёжная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

или дознавателем самостоятельно. И наоборот, если меру пресечения избирает суд, то можно говорить о наличии уголовно-процессуального производства. При самостоятельном избрании меры пресечения субъектом, ведущим предварительное расследование, нет ни многосубъектности, ни полистадийности, ни подробной законодательной регламентации этой процедуры. Представляется, что избрание меры пресечения следователем (дознавателем) есть лишь элемент основного производства по делу.

Иначе говоря, производство по избранию меры пресечения появляется только там, где есть судебный контроль. Решение об избрании меры пресечения суд принимает в результате осуществления своей факультативной функции — судебного контроля.

Вопрос о судебном контроле многие годы в литературе являлся дискуссионным. Некоторые ученые считают, что судебный контроль — часть правосудия, другие отстаивают точку зрения, что это самостоятельная функция суда. В настоящей работе под правосудием понимается деятельность суда по разрешению спора по существу, а под судебным контролем — деятельность суда по проверке законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования на досудебной стадии.

О.В. Химичева определяет судебный контроль как одно из направлений реализации судебной власти и самостоятельную уголовно-процессуальную функцию¹. Суд реализует свои контрольные полномочия только по инициативе заинтересованных лиц, то есть по мере поступления ходатайства следователя либо жалобы участника уголовного судопроизводства. Судебный контроль предполагает проведение судебного заседания со всеми свойственными ему атрибутами: активным участием сторон, состязательностью, гласностью, протоколированием и т. д.² Значит, итоговое решение принимает всегда суд после проведения судебного заседания. В данном случае при производстве об избрании меры пресечения итоговый процессуальный документ — это постановление или определение суда.

¹ Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10

² Там же. С. 21.

Таким образом, выделяемое производство соответствует рассмотренным признакам самостоятельного уголовно-процессуального производства. Производство по избранию судом меры пресечения по своей сути судебно-контрольное, поскольку имеет место лишь в том случае, когда решение о мере пресечения принимает суд при реализации функции судебного контроля. Данное производство является доказательственным (особенности доказывания рассматриваются во второй главе работы). Оно имеет цели обеспечения нормального хода основного производства по делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения.

Ранее указывалось, что любое производство является доказательственным. Безусловно, вопрос доказывания очень важный, стержневой, он тесно переплетается с вопросами целей и основания избрания мер пресечения, поэтому оставить его без внимания нельзя. Существуют разные подходы к определению доказывания и пониманию его сущности, выраженные в целом ряде работ таких известных процессуалистов, как В. Д. Арсеньев («Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе»), А. С. Барабаш («Публичное начало российского уголовного процесса»), А. Р. Белкин («Теория доказывания в уголовном судопроизводстве»), А. Я. Вышинский («Теория судебных доказательств в советском праве»), А. А. Давлетов («Основы уголовно-процессуального познания»), Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькиндр («Проблемы доказательств в советском уголовном процессе»), В. С. Курылев («Основы теории доказывания в советском правосудии»), М. С. Строгович («Избранные труды» (в 3 т. Т. 3). «Теория судебных доказательств»), С. А. Шейфер («Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования») и др.

Для пояснения самых общих установок, на которых построено данное исследование, кратко представим основные положения принятой модели доказывания по уголовному делу. В целом уголовно-процессуальное доказывание можно определить как специфический вид познания¹, осуществляемый субъектами

¹ То есть процесс познания универсален, как универсальны объективные законы, лежащие в его основе: все общие признаки познания свойственны уголовно-процессуальному доказыванию.

Уголовно-процессуальное доказывание — такой же познавательный процесс, как любой другой, только имеющий свои специфические объекты и цели,

доказывания (следователем, дознавателем, прокурором и судом) в особой уголовно-процессуальной форме, суть которого определяется целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Доказывание представляет собой процесс получения знания, и если речь идёт о доказывании по уголовному делу в рамках основного производства, то это знание о совершённом в прошлом преступном деянии. Уголовно-процессуальное доказывание, как и любая другая осознанная деятельность человека, является целенаправленной¹. Как уже было сказано, любое процессуальное производство является доказательственным, то есть для принятия итогового решения всегда необходимо установить те или иные обстоятельства по делу. Но для разных производств перечень этих обстоятельств разный и не совпадает с обстоятельствами, перечисленными в ст. 73 УПК РФ (теми, что необходимо установить в рамках основного производства по уголовному делу). В отличие от основного производства по уголовному делу, в производстве по избранию мер пресечения судом не должно сформироваться знание о произошедшем в прошлом деянии. Напротив, мы говорим о будущем поведении лица. У субъекта доказывания в итоге должно сформироваться обоснованное предположение о том, что обвиняемый (подозреваемый) скорее всего (с высокой долей вероятности) совершит противоправное деяние (предрасположен к противоправному поведению) в случае, если не будет избрана указанная мера пресечения.

Специфика доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом заключается именно в прогнозировании следователя (дознателя) суда, в том, что вывод всегда вероятностный. О.В. Качалова верно указывает, что «риски, выступающие в качестве основания для применения мер пресечения, носят вероятностный характер, полностью их исключить либо доказать неизбежность их наступления возможно только в редких случаях. Вместе с тем анализ фактических обстоятельств может привести к выводу, что такие опасения имеют под собой реальную

познаваемые в особой процессуальной форме; уголовно-процессуальное доказывание — это познание с указанием сферы его применения.

¹ См.: Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. С. 90–94. Изложение и разбор основных точек зрения, затрагивающих базовые понятия теории доказательств в уголовном процессе с современных научных позиций. См., например: Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М., 2015. С. 7–71.

основу»¹. Проблема прогнозирования поведения обвиняемого (подозреваемого) представляет наибольшую трудность при рассмотрении производства об избрании меры пресечения судом. Ей будет посвящен отдельный параграф работы.

Так как любое производство является доказательственным, то это значит, что для каждого производства существует и цель доказывания. Кроме того, уголовно-процессуальное производство всегда направлено на достижение собственных, конкретных целей, которые согласуются с целями и задачами уголовного процесса. В силу того, что доказывание является стержнем уголовного процесса, то одной из целей процессуального производства всегда будет цель доказывания по такому производству. Именно с цели доказывания и цели рассматриваемого производства начнём анализ.

Цель (как общефилософское понятие) — это предвосхищение результата в сознании субъекта, то желаемое, на достижение которого направлены действия субъекта. Именно цель обуславливает движение деятельности и задаёт её границы. Мы не вполне разделяем столь популярную среди процессуалистов-теоретиков точку зрения о том, что целью уголовно-процессуального доказывания есть установление истины по уголовному делу², так как истина — метафизическое философское понятие, точного (единого) определения которого до сих пор даже не выработано. Большинство учёных-процессуалистов под истиной понимают точное или объективное соответствие полученного знания действительности. Но ведь в процессе доказывания мы стремимся получить знание не о действительности (времени настоящем), а о деянии, произошедшем в прошлом. Невозможно сопоставить имеющиеся у следователя или дознавателя знания о событии с прошлым. Кроме того, представляется, что цель всегда должна быть конкретной и понятной для субъекта, реально достижимой. С нашей точки зрения, цель уголовно-процессуального доказывания — установление обстоятельств, подлежащих доказыванию.

¹ Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. С. 38–42.

² См.: Строгович М. С. *Курс советского уголовного процесса*. М., 1968. Т. 1. С. 296; Громов Н. А., Жога Е. Ю., Новиков И. В. Понятие процесса доказывания // *Право и политика*. 2005. № 2. (Этой точки зрения придерживались такие учёные, как С. В. Курyleв, Ф. Н. Фаткуллин, В. И. Басков, С. Д. Оспанов и др.)

«Сама же эта деятельность состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу по УПК»¹.

Вместе с тем, как видится, следует отграничить цель избрания меры пресечения и цель производства по избранию меры пресечения, так как в первом случае речь идёт о цели применения мер пресечения, а во втором — о цели процесса доказывания.

Учеными-процессуалистами высказывались разные мнения. Например, В. А. Михайлов отмечает, что основным предназначением мер уголовно-процессуального пресечения (как разновидности мер уголовно-процессуального принуждения) является обеспечение надлежащего порядка уголовно-процессуальной деятельности². Применение мер уголовно-процессуального принуждения позволяет устранить препятствия, возникающие или могущие возникнуть на пути осуществления уголовного судопроизводства. На основании этого Н. И. Капинус делает вывод о том, что общая цель мер уголовно-процессуального принуждения — это содействие успешному выполнению задач уголовного судопроизводства³. По его мнению, в том, что цели мер пресечения схожи и сопоставимы с основаниями их применения, нет ничего удивительного, поскольку именно целью определяются средства их достижения, а также способы и пределы их применения⁴.

Р. Х. Якупов указывает, что целью избрания мер пресечения будет установление конкретных правоограничений для обвиняемого (подозреваемого) для предупреждения нарушений и обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства, предупреждения попыток обвиняемого (подозреваемого) уклониться от участия в производстве по уголовному делу либо от мер обеспечения будущего приговора либо воспрепятствовать установлению истины по делу, а также продолжать преступную деятельность⁵.

¹ Лупинская П. А. Понятие доказывания // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 243.

² Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997. С. 7.

³ Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 35, 39.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 1998. С. 197–198.

В. Ю. Мельников пишет о том, что по общему правилу меры пресечения — это меры превентивного характера, применяемые для предупреждения противоправных действий со стороны обвиняемого (подозреваемого); при этом предупредительная природа мер пресечения отчётливо проявляется в их целях, определяемых автором: 1) предотвращение возможности обвиняемого (подозреваемого) скрыться от дознания, следствия и суда; 2) предупреждение или пресечение его преступной деятельности; 3) нейтрализация или устранение неправомерного противодействия обвиняемого (подозреваемого) установлению истины по уголовному делу; 4) обеспечение исполнения приговора¹.

По мнению А. В. Гриненко, цель избрания мер пресечения — превентивное воздействие, направленное на обеспечение надлежащего поведения перечисленных в законе участников уголовного судопроизводства при наличии обстоятельств, вызывающих необходимость применения этого воздействия².

Обратим внимание на то, что все упомянутые авторы пишут именно о цели избрания мер пресечения, а не о цели доказывания в рамках рассматриваемого дополнительного производства.

Говоря об этом, необходимо указать, что, на наш взгляд, цель применения мер пресечения — пресечь или предотвратить возможные нарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого), а не наказать за них. А поскольку под целью понимается желаемый результат, то, чего мы хотим добиться, применяя подобные меры, становится очевидным, что в УПК РФ как раз и перечислены цели избрания мер пресечения, а не основания для их выбора, то есть в формулировке ст. 97 УПК РФ произошло смешение оснований и целей применения мер пресечения. Законодатель перечислил в ст. 97 УПК РФ именно цели применения мер пресечения, и, расшифровывая текст кодекса, можно сказать буквально следующее: «Мы применяем меру пресечения к обвиняемому для того, чтобы он не сбежал (не скрылся)», или «мы применяем меру пресечения к обвиняемому для того, чтобы он не воздействовал на свидетелей», или «... чтобы он не уничтожил доказательства по делу» и т. д. То есть речь идёт о цели применения любой меры пресечения. Об основаниях же для выбора конкретной меры

¹ Мельников В. Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых // Российский судья. 2007. № 7. С. 64–68.

² Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журн. рос. права. 2003. № 9. С. 47.

пресечения следует говорить отдельно, и этот вопрос будет рассмотрен далее.

Несмотря на присоединение Российской Федерации к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, нельзя сказать, что российское законодательство вобрало в себя все рекомендации, выработанные Европейским судом по правам человека. Например, ЕСПЧ в своих решениях говорит не только о тех целях избрания мер пресечения, которые фактически закреплены в ст. 97 УПК РФ, но и упоминает дополнительную цель. Так, в Решении по делу Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии указывалось, что «когда национальные суды принимают решение об избрании предварительного заключения, то власти должны привести релевантные и достаточные основания, такими основаниями могут являться риск побега, риск оказания давления на свидетелей или уничтожения доказательств, риск сговора, риск совершения повторного правонарушения, риск нарушения общественного порядка и связанная с ним необходимость обеспечить защиту самого заключенного. Наличие этих рисков должно быть надлежаще обосновано, и указанные властями мотивы не могут являться абстрактными, общими или стереотипными»¹.

В постановлении ЕСПЧ по делу Летелье (Letellier) против Франции суд более подробно раскрывает этот вопрос: «Суд признает, что особая тяжесть некоторых преступлений может вызвать такую реакцию общества и социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение, по крайней мере в течение определенного времени. При исключительных обстоятельствах этот момент может быть учтен в свете Конвенции, во всяком случае в той мере, в какой внутреннее право (ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса) признает понятие нарушения публичного порядка вследствие совершения преступления. Однако этот фактор можно считать оправданным и необходимым, только если имеются основания полагать, что освобождение задержанного реально нарушит публичный порядок или если этот порядок действительно находится под угрозой»².

¹ См.: Медников Д. С. Европейский суд по правам человека: обзор постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии (жалоба N72508/13) // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 20–37.

² См.: Постановление ЕСПЧ от 26.06.1991 «Летелье (Letellier) против Франции» (жалоба № 12369/86) [рус. (извлечение), англ.]: постановление на русском языке опубликовано в издании: Европейский суд по правам человека: Избран-

Правда, в определённых случаях для принятия решения об избрании меры пресечения, связанной с ограничением свободы, может быть достаточно сведений, указывающих на причастность к совершению тяжких или особо тяжких преступлений¹, безотносительно сведений о личности, но с учетом степени общественной опасности преступления² и с учетом общественного резонанса от преступления или необходимости защитить обвиняемого (подозреваемого).

Это не означает принятия решения по мотиву одной лишь тяжести преступления, хотя тяжесть и общественная опасность преступления будет неперенным условием для избрания наиболее строгой меры пресечения. Европейский суд по правам человека указывал в решении по делу «Говорушко (Govorushko) против Российской Федерации»³, что любая система обязательного лишения свободы как таковая несовместима с п. 3 ст. 5 Конвенции. На власти государства-ответчика возложена обязанность установить и доказать существование конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения личной свободы. В рассматриваемой ситуации факторами, перевешивающими принцип личной свободы, будут необходимость защитить жизнь и здоровье самого обвиняемого (подозреваемого), недопущение общественных волнений, исключение возможности самосуда, кровной мести, иной расправы над лицом. Таким образом, противоречия с высказанным выше предложением здесь нет.

Все остальные (закрепленные сейчас в законе) цели направлены на то, чтобы пресечь или предотвратить нежелательное поведение самого обвиняемого или подозреваемого, но на практике иногда

ные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 698–704. (Извлечение): постановление на английском языке получено с сервера Европейского суда по правам человека <<http://www.echr.coe.int>>.

¹ См.: Нигматулин И.Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 21–22. (Похожее предложение было высказано в работе И. Р. Нигматулина.)

² Деяния разных частей одной статьи (например, ст. 105 УК РФ) могут относиться к особо тяжким преступлениям, однако очевидно, что по характеру и степени общественной опасности деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2, различаются.

³ См.: Дело «Говорушко (Govorushko) против Российской Федерации»: (жалоба № 42940/06) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2019. — Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.

складывается ситуация, когда требуется предотвратить нежелательное поведение иных лиц, в том числе заранее не установленных (или круг которых не определен). Субъект, ведущий уголовный процесс, в каждом конкретном случае должен иметь возможность выбирать — применить меры безопасности или избрать меру пресечения. В целом ряде случаев с учетом организационных вопросов, процессуальных издержек и процессуальной экономии, оперативности, территориального расположения и т. д., применение меры пресечения представляется более реальным и даже эффективным. Кроме того, не всегда у следователя есть законные основания для применения мер безопасности и проще обеспечить отсутствие массовых волнений через применение мер пресечения.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что одной из целей избрания мер пресечения, особенно наиболее строгих — домашнего ареста или заключения под стражу, — может быть обеспечение общественного порядка. На основании изложенного полагаю, что разумно было бы дополнить ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ специальной (дополнительной) целью избрания заключения под стражу: *если оставление лица на свободе может привести к общественным волнениям и/или нарушению общественного порядка.*

При этом предложение по установлению в законе этой новой (дополнительной) цели никак не исключает применения мер безопасности как таковых.

Итак, применение обоснованной и законной меры пресечения имеет превентивную функцию — пресечение и предупреждение новых преступлений или правонарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого). Кроме того, обвиняемый (подозреваемый) и сам является источником информации о расследуемом деле, и в случае, если он скроется, работа с ним будет невозможна. Поэтому очевидно, что меры пресечения — это применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определенное психологическое воздействие или временно ограничивающие его права и свободу с целью исключения возможности уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора.

Выводы следователя, дознавателя при выборе меры пресечения носят вероятный характер, поскольку всегда приходится прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого), но вывод о таком поведении должен базироваться не на интуитивных предположениях, а на объективно установленных фактах и реальных доказательствах, свидетельствующих о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины, заниматься преступной деятельностью, уклониться от исполнения приговора.

Однако нужно чётко понимать, что не все эти «основания» работают на стадии предварительного расследования преступления. Так, обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29.10.2009 содержит иллюстрирующий это пример: «В качестве основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу С., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, N-ский районный суд Рязанской области указал на необходимость обеспечения исполнения приговора суда, что незаконно: не может служить основанием для избрания меры пресечения на досудебной стадии производства по уголовному делу необходимость обеспечения исполнения приговора суда, поскольку такое обоснование избранной в период расследования уголовного дела меры пресечения фактически предрешает вынесение обвинительного приговора. Как пример применения ч. 2 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ можно привести избрание меры пресечения при вынесении обвинительного приговора, когда в период следствия и судебного разбирательства у обвиняемого было обязательство о явке, а при осуждении ему избрана мера пресечения до вступления приговора в законную силу. Эта же норма закона применяется, например, когда при вынесении приговора лицу, осужденному к реальному лишению свободы, мера пресечения в виде подписки о невыезде изменяется на заключение под стражу (ссылка на ч. 2 ст. 97 УПК РФ в приговоре не нужна)»¹. Аналогично в целом ряде

¹ См.: Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOCN;n=14192#07807314578351834> (дата обращения: 01.07.2018).

исследованных постановлений суда об избрании меры пресечения и постановлений следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения автором было обнаружено использование такого вывода-основания, как «для обеспечения исполнения приговора», причём без всякой увязки с предыдущими аргументами.

Конституционный суд РФ и в последние годы в своих решениях также указывал на то, что до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить единственным основанием избрания меры пресечения или продления ее срока¹.

Таким образом, цель избрания мер пресечения — предупреждение возможного противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого) путём применения конкретной меры пресечения. А цель самого производства (относительно основного производства по делу), как уже было написано выше, — это обеспечение нормального хода основного производства по уголовному делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения. Целью доказывания в этом производстве тогда является установление обстоятельств, указывающих на причастность лица к совершению

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурина Михаила Ануфриевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 27 сент. 2018 г. № 2140-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=556652#08933010199095879> (дата обращения: 01.12.2018); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определения Конституционного суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 384-О-О // Там же. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=96876#09231944239149781>; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О // Там же. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=512752#04053141561298528>. (дата обращения: 21.06.2019).

инкриминируемого ему деяния, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого) и его социальное окружение, а также обстоятельства, свидетельствующие о необходимости избрания конкретной меры пресечения.

Итак, избрание меры пресечения судом по своему содержанию — это самостоятельное уголовно-процессуальное производство, вспомогательное по отношению к основному производству по делу. Его цель — обеспечение нормального хода основного производства и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения. Оно имеет судебно-контрольный характер, который выражается в том, что решение об избрании меры пресечения принимается судом после проведения судебного заседания.

Избрание меры пресечения следователем (дознавателем) не является самостоятельным уголовно-процессуальным производством, а есть лишь элемент основного производства по делу.

Производство по избранию меры пресечения судом — это деятельность, которая:

1) осуществляется при обязательном участии следователя, дознавателя, прокурора и суда, несущих ответственность за ее ход и результат;

2) организационно делится на три этапа:

- подготовительный этап (подготовка материалов следователем (дознавателем), согласование позиции с руководителем следственного органа или прокурором, направление материалов с ходатайством в суд);

- ознакомление стороны защиты с указанными материалами;

- судебное разбирательство;

3) является доказательственным производством, вспомогательным по отношению к основному;

4) направлена на обеспечение нормального хода основного производства по уголовному делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, что согласуется с нормативно заданными целями уголовного процесса;

5) имеет предметом рассмотрения вопрос о необходимости и обоснованности ограничения конституционных прав личности, заданный тремя группами обстоятельств: указывающих на причастность лица к совершению преступления; характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого);

свидетельствующих о необходимости и целесообразности избрания конкретной меры пресечения;

б) предполагает совершение предусмотренных законом действий по подготовке к судебному разбирательству и его осуществлению в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ;

7) завершается постановлением суда.

1.3. Функции субъектов производства по избранию меры пресечения судом

На основании ранее выработанного понятия процессуального производства и вывода о том, что одним из признаков уголовно-процессуального производства является многосубъектность, применительно к производству по избранию меры пресечения судом можно говорить о следующих субъектах производства: следователь, дознаватель, прокурор и суд.

Поясним, что, говоря о функциях, имеется в виду круг деятельности: то, что кто-либо должен делать ради достижения цели. Вопрос о функциях (содержательно) сводится к тому, что делают те или иные участники, то есть это вопрос о правовых возможностях, которыми они наделены, и правовых отношениях, в которые они вступают для достижения своих целей¹.

Иницируют производство всегда следователь или дознаватель, вынося постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, но за ход и результат самого производства несут ответственность в большей степени не следователь и дознаватель, а прокурор и суд. Поэтому следует обсудить вопросы их статуса и взаимодействия в данном производстве. Кроме того, хотелось бы рассмотреть важную и актуальную проблему, связанную с пониманием функции и полномочий прокурора и суда при рассмотрении вопроса избрания меры пресечения.

¹ См.: Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: монография. СПб., 2006. С. 145. (Н.Г. Стойко в работе рассматривает более подробно такой подход к пониманию функций.)

Придя к выводу о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) в качестве меры пресечения залога, домашнего ареста, запрета определённых действий или заключения под стражу, следователь (дознатель) собирает и представляет в суд материалы, подтверждающие верность его выводов. По сути это отдельно сформированный том материалов, часть которых может отсутствовать в материалах уголовного дела за ненадобностью, так как они не устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию в рамках общего производства и предусмотренные ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а обосновывают опасения следователя о том, что обвиняемый (подозреваемый) может препятствовать расследованию.

О. С. Ерохина в своем диссертационном исследовании указывает, что участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства предполагает осуществление им своей процессуальной функции — расследования, причем в случае участия в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения следователь реализует конкретно функцию обвинения (уголовного преследования)¹. С этим выводом можно согласиться, добавив, что в рассматриваемом производстве следователь (дознатель) является субъектом доказывания и именно на нем лежит обязанность по представлению суду доказательств в обоснование заявленного ходатайства.

Несмотря на это, данное требование далеко не всегда соблюдается на практике. Был изучен ряд ходатайств следователей перед судом об избрании и продлении меры пресечения (2016–2017); обнаружено, что в ходатайствах не указаны приложения, к ним нет сопроводительных писем, в которых перечислялся хотя бы список передаваемых суду документов для принятия обоснованного решения. Соответственно неясно, что было передано суду для исследования вместе с ходатайством и на основании чего суд принимал решение, какие материалы и документы изучал, было ли их достаточно. Это можно увидеть, только ознакомившись со всеми переданными материалами. При таком положении дел, как нам кажется, возникают трудности: 1) для процессуального контроля за действиями следователей (дознателей) со стороны их руководителей (начальников), которые дают своё

¹ Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10, 15.

согласие на возбуждение ходатайства перед судом, и 2) для осуществления судебного надзора, реализуемого вышестоящими судами за нижестоящими, поскольку при получении кассационной жалобы на принятое решение об избрании или продлении меры пресечения они, по сути, не видят, какие материалы поступили в суд первой инстанции и что судом было изучено.

Например, при изучении практики судов часто встречалось указание на необходимость правильного оформления материалов дел по мере пресечения, а также на то, что копии документов, прилагаемые следователем к постановлению о возбуждении перед судом ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении обвиняемому срока содержания под стражей, должны быть им надлежаще заверены. В целом отмечена небрежность оформления материалов дела. В суды поступали ксерокопии материалов, которые были нечитаемыми в силу очень низкого качества копирования и не были заверены надлежащим образом¹.

Отказ судов в удовлетворении ходатайств следователей чаще всего связан с предоставлением в суд материалов, не содержащих достаточных доказательств, подтверждающих, что лицо, оставаясь на свободе, может скрыться от следствия. Вместе с тем имеются случаи отказов и по причине нарушения прав задержанных.

Судебное разбирательство всегда подчинено принципу равенства сторон, а само заседание предполагает состязательность сторон; значит, тайна следствия на представленные в суд материалы распространяться не должна. Судебное разбирательство должно быть состязательным и всегда обеспечивать равенство сторон — обвинения и лица, содержащегося под стражей. Это означает, в частности, что заключенный должен иметь доступ к материалам следствия, которые существенны для оценки законности содержания этого лица под стражей. Необходимо, чтобы у заключенного была возможность прокомментировать доводы прокуратуры (Постановление Европейского суда по правам человека от 25 октября 2007 года по делу «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации»). Это особенно существенно

¹ Эти пункты указаны и в Обобщении практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу 2009 г. и в Обобщении материалов по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу за 2012 г. (г. Тамбов).

в российской правовой системе, в которой правовая квалификация фактов и, следовательно, наказание, которое грозит заявителю, определяются стороной обвинения без судебной проверки того, действительно ли собранные доказательства подкрепляют обоснованные подозрения в том, что заявитель совершил предполагаемое преступление (Постановление Европейского суда по делу «Худоеров против Российской Федерации»)¹.

Для подготовки своей позиции сторона защиты должна быть знакома с этими материалами — по аналогии с ознакомлением с материалами уголовного дела по окончании расследования и до направления дела в суд. Однако действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит закрепления обязанности органов предварительного расследования знакомить подозреваемого, обвиняемого и его защитника с материалами, представленными в суд. Сегодня этот вопрос решается лишь с помощью заявления ходатайства стороной защиты об ознакомлении с материалами дела, причём зачастую тогда, когда они уже в суде, что влияет на качество подготовки к судебному заседанию. Несмотря на это, бремя доказывания не должно перекладываться на более слабую сторону. На основании разбирательства заявления «Рохлина против РФ» Европейский суд указал на то, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в российских судах нередко применяется презумпция виновности. Как правило, не суд обосновывает, почему он считает взятие под стражу необходимой и единственно возможной мерой, а индивид должен пытаться убедить суд, что избрание альтернативной меры было бы достаточным и адекватным. В рассматриваемом деле суд РФ не выполнил обязанности по установлению конкретных обстоятельств для обязательного заключения под стражу, перевешивающих норму о соблюдении личной свободы. Вместо этого он перенёс на обвиняемую бремя доказывания отсутствия предполагаемой возможности того, что она скроется от суда, совершит повторное преступление или войдёт в сговор².

¹ См.: Валиуллин Р.Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] // За правовое государство: проект адвоката Валиуллина Рустема Рафаэлевича. Электрон. дан. [Б. м., б.г.]. — URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html> (дата обращения: 05.02.2018).

² См.: Дело «Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации»: (жалоба № 54071/00): постановление ЕСПЧ от 7 апр. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 6. С. 53–68.

Такие субъекты доказывания, как прокурор и суд, в данном случае не занимаются собиранием и проверкой доказательств (как практической деятельностью¹), а в большей степени осуществляют оценку доказательств (и речь тогда идёт о доказывании в логическом смысле этого слова). Проверка по сути сводится к анализу, обосновываются ли представленными материалами выводы следователя о том, что лицо нуждается в такой мере пресечения, или не обосновывается, мотивировано постановление следователя или нет².

Такой же альтернативой обладает суд: применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения или нет? Либо эта альтернатива заключается в ответе на вопрос о том, применить предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения (например заключение под стражу) или иную меру пресечения. Должен ли суд, отказывая в избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, предложить иную меру пресечения?

Как известно, по общему правилу в соответствии с ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется при невозможности использовать иную, более мягкую меру пресечения. Но что это значит в действительности и как применить это положение на практике, понимают далеко не все. Так, в справке Кемеровского областного суда от 16.02.2010 № 01-26/137³ указано, что кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 15.10.2009 отменено постановление Центрального районного суда г. Кемерово от 03.10.2009 об избрании меры пресечения

¹ Под практической деятельностью здесь понимается осуществление следственных и иных процессуальных действий, и эта позиция совпадает с общей позицией законодателя.

² Об элементах уголовно-процессуального доказывания и других используемых здесь и ниже базовых положениях теории доказательств см., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 287–360; Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989. С. 605–634.

³ См.: Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленным районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1248#019409538340395405> (дата обращения: 01.07.2018).

в виде заключения под стражу в отношении В. Как указала судебная коллегия, судом были нарушены требования ст. 99 УПК РФ, а при избрании меры пресечения не обсужден вопрос о возможности избрания иной меры пресечения, кроме содержания под стражей, с учетом данных о личности обвиняемого и иных обстоятельств, заслуживающих внимания, при том, что из пояснений обвиняемого и адвоката в судебном заседании видно, что они предлагали избрать меру пресечения в виде залога. Вместе с тем судом исследовались данные о личности обвиняемого В., о его семейном положении и состоянии здоровья (о них указано в постановлении), однако эти обстоятельства, как отметила коллегия, не оценены в свете ходатайства об избрании в отношении В. иной меры пресечения, кроме заключения под стражу.

То есть при наличии встречного ходатайства со стороны обвиняемого (подозреваемого) или его защитника о применении иной, более мягкой меры пресечения, оно должно быть рассмотрено в этом же судебном заседании. Суд должен дать оценку доводам, приведённым обеими сторонами, и вынести мотивированное, законное и обоснованное решение. Вряд ли это спорное положение.

С другой стороны, должен ли суд самостоятельно избирать иную меру пресечения, если отказывает в удовлетворении ходатайства следователя (дознателя)? Разные мнения правоприменителей и ошибки встречаются и здесь. Например, в Бюллетене суда Еврейской автономной области за второе полугодие 2009 года говорится: «В связи с нарушением требований ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ судебная коллегия отменила постановление Октябрьского районного суда в отношении Я. Следователь ОВД по Октябрьскому району ЕАО обратился в суд с ходатайством о продлении обвиняемому Я. срока содержания под стражей. Судья отказал в его удовлетворении, сославшись на то, что «в материалах отсутствуют достаточные данные, позволяющие суду согласиться с доводами следователя о том, что на свободе обвиняемый может угрожать потерпевшему и свидетелям, иным образом воспрепятствовать производству по делу, а также скрыться от следствия и суда либо продолжить заниматься преступной деятельностью». Вместе с тем при таких обстоятельствах судья избрал Я. меру пресечения в виде домашнего ареста на период предварительного следствия и судебного

разбирательства. В данном случае суд не учел, что в ст. 97 УПК РФ перечислены основания не только для избрания заключения под стражу, но и для избрания всех иных мер пресечения, в том числе и домашнего ареста. Если суд пришел к выводу об отсутствии оснований для избрания меры пресечения, он не вправе был помещать Я. под домашний арест»¹.

Эта позиция представляется достаточно логичной. Уже было сказано, что избрание меры пресечения происходит в несколько этапов: на первом выясняется наличие обоснованного подозрения в отношении конкретного лица, затем наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще. И только если такая необходимость есть, то на втором этапе из предложенного законодателем перечня компетентному органу следует выбрать конкретную, подлежащую применению в данном случае меру пресечения. Получается, что суд должен в своём решении обосновать либо отсутствие оснований для применения меры пресечения вообще, либо недоказанность следователем (дознавателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения. И здесь появляется ещё ряд вопросов. Предположим, суд сделал вывод о том, что оснований для применения меры пресечения нет, и просто отказал в удовлетворении заявленного ходатайства. Может ли после этого следователь или дознаватель самостоятельно избрать для обвиняемого (подозреваемого) меру пресечения, например в виде подписки о невыезде, руководствуясь теми же доказательствами, что он представлял в суде? Видимо, нет. Решение суда должно быть преюдициально, и если у следователя (дознавателя) не появилось иных доказательств по этому вопросу, подкрепляющих его позицию, то и принимать решение, противоречащее по сути решению суда, он не вправе.

Вторая ситуация: в своём постановлении (определении) суд указал на недоказанность следователем (дознавателем) необходимости применить именно конкретную меру пресечения, не отрицая наличия оснований для применения мер пресечения

¹ См.: Бюллетень суда Еврейской автономной области за второе полугодие 2009 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=925#006374346497800709> (дата обращения: 01.07.2018).

вообще. Например, суд посчитал предлагаемую следователем (дознавателем) меру пресечения чрезмерно строгой, но при этом ходатайств о применении иной меры пресечения со стороны защиты не поступило. Имеет ли право суд самостоятельно избрать иную меру пресечения? Ответ на этот вопрос не так прост, как могло бы показаться. Суд, если толковать закон буквально, вправе выбирать лишь из четырёх мер пресечения — залог, домашний арест, запрет определённых действий или заключение под стражу. Но если вопрос о наличии или отсутствии постоянного места жительства и регистрации, как правило, исследуется в судебном заседании, то как можно избрать такую меру пресечения, как залог, если вопрос об этом вообще не поднимался и не исследовался в судебном заседании, никто о залоге не ходатайствовал? Значит, перейти на применение залога судья по собственной инициативе не вправе.

Как представляется, в таких случаях суд может указать в своём решении буквально следующее: «Несмотря на наличие доказательств, свидетельствующих о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, стороной обвинения не доказано (судом не установлено), что мера пресечения должна быть избрана в виде заключения под стражу и не может быть достаточно иной, более мягкой меры пресечения. На основании изложенного в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу отказать».

Однако требуется учитывать один важный фактор — необходимость процессуальной экономии. Поскольку решение об избрании меры пресечения принимается оперативно и затягивание его принятия невыгодно ни одному участнику процесса, то у суда должна быть возможность избрать более мягкую меру пресечения, а именно домашний арест (конечно, при условии обоснованности подозрения и доказанности необходимости меры пресечения вообще). Такой переход от заключения под стражу к домашнему аресту, как думается, находится в пределах полномочий суда, а подобное решение является производным от оценки обоснованности применения другой меры пресечения. Согласно данным судебной статистики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из общего количества отказанных судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд назначал

по собственной инициативе домашний арест в 2015 году в 2,1 % случаев, в 2016 году — в 2,7 % случаев, в 2017 году — в 3,3 % случаев¹.

На практике суду, рассмотревшему вопрос об избрании меры пресечения, иногда указывают на неприменение иной меры пресечения как на недоработку. Так, Ачинским городским судом удовлетворено ходатайство следователя и К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ; избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Судом кассационной инстанции постановление суда отменено, К. из-под стражи освобожден, а материал направлен на новое рассмотрение. Избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, суд оставил без должной оценки и внимания то, что он ранее не был судим, подозревается в совершении преступления средней тяжести, имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, проживает по месту регистрации в г. Назарово, положительно характеризуется по месту жительства и работы, является предпринимателем. Кроме того, данных в материале о том, что К. может продолжить заниматься преступной деятельностью, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, не имеется. Более того, в суд кассационной инстанции К. представил копии документов, свидетельствующие о возмещении потерпевшему материального ущерба. Также судом не обсужден вопрос о возможности применения к К. иной меры пресечения, не связанной с заключением под стражу².

Президиум ВС РФ указывает, что в ряде случаев, отказывая в заключении под стражу и применяя иную, более мягкую меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения

¹ См.: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.07.2018). (Здесь и далее приводятся данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ).

² См.: Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2010 год [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=3438#00983814111928578> (дата обращения: 01.12.2018).

которых не требуется судебного решения, например, подписку о невыезде и надлежащем поведении¹.

Думается, всё это должно быть учтено при дальнейшем совершенствовании УПК РФ. Статью 97 Уголовно-процессуального кодекса следовало бы переименовать на «Цели избрания мер пресечения», а ст. 99 уголовно-процессуального закона — на «Обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании меры пресечения», где был бы установлен перечень обстоятельств, подлежащих обязательному выяснению. Соответственно следователь или дознаватель в своем постановлении об избрании меры пресечения или в ходатайстве об избрании меры пресечения должны были бы отразить данные пункты. Это не только сделало бы выводы следователя более понятными для участников процесса, но и значительно облегчило бы работу должностных лиц, осуществляющих процессуальный контроль и надзор за действиями и решениями следователя и дознавателя. Переименование ст. 97 УПК РФ необходимо прежде всего для правоприменителя. Это позволит избежать механических ссылок на пункты 97 статьи УПК как на основания применения мер пресечения и поспособствует тому, чтобы правоприменитель основаниями начал считать реальные фактические данные. При изучении материалов об избрании мер пресечения мы постоянно встречали ссылки на пункты ст. 97 как на основания избрания меры пресечения, что позволило сделать такое предложение. Это позволило бы обеспечить единообразную практику применения мер пресечения, исключило множество ошибок, и, возможно, тогда получилось бы более активно задействовать все меры пресечения, а не только арест и подписку о невыезде, как это происходит в настоящее время. Вместе с тем основания для применения мер пресечения в таком случае стали бы ясными и четкими, что само по себе привело бы к единообразию практики применения мер пресечения и уже явилось бы гарантией законности.

Изначально задумывалось, что в силу норм Уголовно-процессуального кодекса РФ именно независимый и беспристрастный суд возьмет на себя обязанность объективной проверки

¹ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного суда РФ от 18 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

и оценки действительного наличия юридических и фактических оснований для (возможного) ограничения прав и свобод личности по внесенному в суд требованию следственных органов. Декларировалось, что это орган судебной власти, априори исключенный из общей системы государственных органов, ориентированных на борьбу с преступностью; именно суд сможет стать надежным барьером на пути ведомственных интересов правоохранительных органов, будет в состоянии исключить массовое применение мер процессуального принуждения при отсутствии к тому оснований¹. Но с той колоссальной нагрузкой на судей, которую мы имеем на данный момент, вряд ли можно говорить о качественном рассмотрении этих вопросов (например о применении мер пресечения).

А. Д. Прошляков и Л. А. Александрова справедливо отмечают: «Не прошло проверки временем утверждение, что определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не может быть связано с вопросами приговора. Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2013 года № 41 перечислил материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения. Среди них есть и Постановление о возбуждении уголовного дела, и копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого, да и сам вопрос о причастности лица к совершению конкретного преступления, думается, нельзя признать совершенно не связанным с выводом о его виновности»².

В связи с этим вполне обоснованной представляется позиция И. Ф. Демидова, настаивающего на создании института специализированных органов судебной власти — федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому принимали решения на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу³.

¹ См.: Ковтун Н. Н., Сулова Е. Н. Эффективность оперативного судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 7–15.

² Прошляков А. Д., Александрова Л. А. О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 105–113.

³ Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конференции М.; Тюмень, 1995. С. 24.

Т. В. Трубникова, А. Тришева придерживаются аналогичной позиции и также считают, что наиболее оптимальным вариантом решения сложившейся проблемы будет являться сосредоточение соответствующих полномочий в руках специализированных судей¹. В. М. Лебедев в своей работе отмечает, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье².

В течение нескольких лет В. Ю. Мельников отстаивает точку зрения о необходимости введения института следственных судей с возложением на них контрольных функций в досудебном производстве, что вполне укладывается в существующую тенденцию дифференциации судебных органов (судья общей юрисдикции, мировой судья, следственный судья) при четком разграничении компетенций каждого из указанных направлений судебной власти. Следственные судьи должны быть отнесены к судьям общей юрисдикции и входить в единую судебную систему РФ. В связи с этим безусловно и то, что на следственных судей должны распространяться все правовые положения, применяемые к судьям как таковым, в том числе обеспечение независимости³. Представляется целесообразным создание специализированной судебной системы в виде аппарата следственных судей, выделение судебного контроля в качестве самостоятельного направления судебной деятельности с законодательной регламентацией ее в отдельной главе УПК РФ⁴.

Ещё одним автором, поддерживающим создание аппарата следственных судей, является Л. М. Фетищева. Она пишет, что шагом к созданию качественно новой модели превентивного судебного контроля могло бы стать введение в отечественный уголовный процесс института следственного судьи. Этот новый орган судебного контроля должен распространяться на все уголовные

¹ Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика, юридические науки. 2003. № 4. С. 50; Тришева А. Институт следственных судей — необходимое условие самостоятельности судопроизводства // Законность. 2009. № 7. С. 56.

² Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 71–72.

³ См.: Мельников В. Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса // Рос. судья. 2010. № 8. С. 8–11.

⁴ См.: Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 14.

дела. При разрешении следственным судьей ходатайства органа уголовного преследования об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого в совершении преступления (в том числе и экономической направленности) доказывание обоснованности обвинения и оснований той или иной меры пресечения должно производиться на основе состязательности, равенства сторон, устности, гласности, непосредственности, независимости следственного судьи от прокуратуры, исполнительной власти¹.

М. С. Кесаева пишет, что необходимо решиться на создание совершенно иной правовой платформы досудебной деятельности сторон, центральным элементом которой должен быть следственный судья. Все досудебное производство должно быть выведено из структуры уголовного судопроизводства².

А. В. Смирнов, советник Конституционного суда РФ, обосновывая необходимость введения штата следственных судей, приводит следующие доводы: «Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Например, в 2013 году материалы, рассмотренные районными судами в порядке судебного контроля, составили 59,3 % от общего числа всех рассмотренных этими судами дел и материалов в порядке уголовного судопроизводства. В результате судьи просто не успевают подробно вникать в эти вопросы и относятся к принятию решений формально. Так, ходатайства следователей о заключении обвиняемых и подозреваемых под стражу в 2013 году удовлетворялись районными судами в 91,8 % случаев³. Загруженность “непрофильными” вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел, тем более что “арестные”

¹ Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 16.

² Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 13.

³ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 209–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=2508> 9 (дата обращения: 05.03.2018).

полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора»¹.

Действительно, поскольку существует достаточно широкий круг вопросов, которые укладываются в функцию судебного контроля, и, более того, можно выделить самостоятельное судебно-контрольное производство, то, на наш взгляд, эта функция должна быть институционализована. Следственные судьи могут быть отнесены к судьям общей юрисдикции и входить в единую судебную систему РФ. Их задача видится в осуществлении функции судебного контроля на этапе досудебного производства, в том числе разрешении ходатайств об избрании и продлении меры пресечения, санкционировании следственных действий. Дополнительно укомплектовывать штат районных судов при этом не потребуется, так как речь фактически идёт лишь о перераспределении полномочий между судьями районного суда.

Не углубляясь в имеющиеся в литературе споры, из всего многообразия точек зрения кратко представлю лишь противостоящие друг другу позиции.

Итак, одна часть юристов считает, что судебного контроля не существует как такового, а полномочия, например по избранию мер пресечения, санкционированию следственных действий, рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ, являются какой-то другой деятельностью. В качестве иллюстрации такой позиции мы предлагаем точку зрения, согласно которой «деятельность суда по рассмотрению ходатайств следователя не может именоваться судебным контролем по тем основаниям, что в ней отсутствуют, во-первых, признаки деятельности, именуемой контролем, во-вторых, нет самого предмета контроля. Во всех этих ситуациях судья осуществляет обычную для него познавательную деятельность. Цель этой деятельности — определение наличия (отсутствия) оснований для принятия решения. Результат этой деятельности — принятие судом возложенного на него законом искомого решения. Поэтому при удовлетворении официальной

¹ См.: Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // Международная организация содействия правосудию. Электрон. дан. [Б. м.], 2005–2018. — URL: <http://www.iauaj.net/node/1723> (дата обращения: 05.03.2018).

просьбы следователя суд сам принимает испрашиваемое решение, а не придает его решениям законную силу»¹.

Позиция других авторов заключается в том, что судебный контроль есть часть правосудия, а не самостоятельная функция или форма деятельности суда. Эту позицию обосновывает², например, А.И. Лалиев в своей статье³. Он указывает, что «судебный контроль в досудебном производстве представляет собой деятельность, являющуюся правосудием». Более того, он считает, что правосудие должно вершиться судом не только на судебных стадиях, но и в досудебном производстве⁴.

Третья позиция наиболее распространённая, которой придерживается и автор настоящей работы. В традиционном (классическом) понимании суд в уголовном процессе выполняет две функции (или деятельность в двух формах) — осуществляет правосудие (рассматривая дело по существу) и судебный контроль⁵. В рамках уголовно-процессуальной деятельности есть несколько действий суда, в которых проявляется функция судебного контроля — это, например, и разрешение жалоб граждан в порядке ст. 125 УПК РФ, и санкционирование ряда следственных действий, и судебный контроль, в рамках которого суд по ходатайству следственных органов принимает решение об избрании мер пресечения к обвиняемому или подозреваемому. Отметим

¹ См.: Каретников А.С., Арзамасцева К.А. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 66–69.

² В качестве ещё одного примера работы сторонника подобной точки зрения можно привести статью: Гуськова А.П. К вопросу об эффективности правосудия // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. N1(14). С. 38–41.

³ См.: Лалиев А.И. Судебный контроль и правосудие: понятие, признаки, проблемы соотношения // Общество и право. 2010. N3. С. 224–227.

⁴ Там же.

⁵ Подобной точки зрения придерживаются, например: Лопаткина Н.А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 9; Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 137; Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 33; Левинова Т.А. Судебный контроль на первоначальном этапе расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 30. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 79–86.; Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юрист, 2008. 416 с.; Тулянский Д.В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7, и др.

дополнительно, что правосудие в таком случае понимается как вид деятельности суда от имени государства, состоящий в рассмотрении дела по существу и разрешении имеющегося правового конфликта в установленной законом процессуальной форме. Названная же выше деятельность не укладывается в эти рамки, поскольку, например, само разрешение жалобы в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса или дача санкции на проведение обыска в жилище не разрешают само уголовное дело по существу, не отвечают на вопрос о виновности лица. Таким образом, можно сделать вывод о том, что речь здесь идет не о правосудии, а о судебном контроле за законностью и обоснованностью действий и решений органов дознания, следствия и прокуратуры.

Одним из доводов сторонников отказа от превентивного судебного контроля является ссылка на его якобы низкую эффективность. Действительно, в некоторых регионах суды санкционируют до 98–99 % арестов. Критики превентивного судебного контроля утверждают, что он осуществляется преимущественно за рамками состязательности. Этот довод не совсем понятен, тем более, что правовая природа российского уголовного процесса публична. Нельзя согласиться со сторонниками такого предложения и по другому поводу: неспроста превентивный судебный контроль является правовой преградой для следователя или дознавателя. Для гражданина, в отношении которого планируется совершить некоторые действия, существенно влияющие на его права, превентивный судебный контроль — дополнительная гарантия его прав и свобод.

О. В. Химичева также предложила некоторые меры по совершенствованию средств судебного контроля, в частности, установление права ознакомления сторон с материалами, представленными в суд в подтверждение обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения, и указание потерпевшего и его представителя в числе лиц, участвующих в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения¹. Эти изменения видятся разумными и обоснованными, внедрение предложенных положений на практике могло бы существенно повысить действие принципа состязательности в судебном разбирательстве по избранию меры пресечения.

¹ Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10.

Ещё одним предложением по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере является следующее: внести изменения в ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ, сократив срок содержания под стражей при первоначальной избрании этой меры пресечения судом до одного месяца.

Наше исследование материалов уголовных дел свидетельствует о том, что судьи в своих решениях используют чаще всего одни и те же аргументы в обоснование выбора меры пресечения, а наиболее значимыми доводами становятся тяжесть содеянного, наличие регистрации и постоянного места жительства, отношение к труду, характеристика личности и криминальное прошлое обвиняемого (подозреваемого). Эти данные также свидетельствуют о некоей штамповке решений о мере пресечения. В какой-то части это понятно, ведь первоначальное решение суд принимает в условиях срочности и оперативности, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения впервые суд не всегда имеет всю полноту информации (так как следователь по сути собирает многие обосновывающие материалы за 48 ч). Однако основная ответственность за законность принятого решения лежит на судье.

При таких условиях два месяца — неоправданно долгий срок для ареста, сопоставимый со сроком предварительного следствия. Но ведь этот вопрос связан не с раскрытием преступления; поэтому и за месяц некоторые обстоятельства вполне могут измениться (в том числе и позиция следователя может укрепиться), возникнуть новые данные, которые позволят по-другому взглянуть на рассматриваемый вопрос. Это не исключает возможности для адвоката или обвиняемого обратиться с ходатайством об изменении меры пресечения раньше, но в то же время стимулирует и следователя (дознателя), и сторону защиты к сбору дополнительных данных и обоснованию своей позиции. Соответственно этот вопрос будет действительно находиться на судебном контроле, а степень обоснованности решения станет с течением времени только возрастать. Об этом требовании к повышению уровня обоснованности говорит и ЕСПЧ: «Существование обоснованного подозрения о том, что задержанное лицо совершило преступление, является условием для признания законности продления срока содержания под стражей, но по прошествии времени этого становится недостаточно, и Суд должен в этом случае установить, существовали ли иные основания для лишения

свободы, указанные судебными органами. Когда такие основания являются “обоснованными” и “достаточными”, Суд также должен убедиться в том, что национальные органы проявили “особую тщательность” при проведении разбирательств» (пункт 90 Постановления от 13 ноября 2012 года по делу *Королева против Российской Федерации*)»¹.

Двухмесячный срок изначального избрания заключения под стражу сложно назвать оправданным, поскольку он не только сравним со сроком всего предварительного следствия, но и превышает в два раза срок дознания. При изучении довольно большого объёма практического материала было обращено внимание на тенденцию того, что когда меры пресечения избираются на длительные сроки, то интенсивность следственной деятельности довольно низка. Изменения в УПК РФ летом 2019 года также свидетельствуют об этом. Следует отметить, что по данным ФСИН, на 1 июня 2019 года в СИЗО содержалось 246 человек, в отношении которых следственные действия не проводились более двух месяцев. Именно поэтому необходимо сократить срок, на который избирается наиболее строгая мера пресечения, вернуться к этому вопросу ещё раз через месяц и оценить, с одной стороны, эффективность расследования, а с другой стороны, не отпали ли основания (а может быть, появились новые) для содержания лица под стражей. Кроме того, такое сокращение позволит стимулировать сроки расследования.

И последний аспект, на который хотелось бы обратить внимание в данном параграфе, касается вопроса *места и роли прокурора* при решении рассматриваемых вопросов². В связи с многочисленными изменениями законодательства начиная с 2007 года, прокурор фактически утратил функцию процессуального руководства следствием, большая часть полномочий прокурора была передана руководителю следственного органа. Прокуратура как до революции 1917 года, так и сейчас (однако не всеми авторами)

¹ См.: Правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] / Верховный суд Российской Федерации. М., 2013. 78 с. Электрон. версия печат. публ. — URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php? Id=8856 (дата обращения: 05. 04.2018).

² Автор настоящей работы подробно описывал положение прокурора на этапе предварительного расследования в статье: Железняк Н.С., Иванова О.Г. Процессуальное положение прокурора в рамках предварительного следствия // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 2. С. 84–88.

рассматривается прежде всего как субъект надзора за соблюдением законности¹, суть которого В. Крюков видит в государственно-властном наблюдении за единообразным исполнением правовых предписаний с принятием мер к восстановлению нарушенных прав². Одной из приоритетных линий надзора уже в течение многих лет называется надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина³. Таким образом, на сегодняшний день прокуратура — единственный орган, осуществляющий надзор за законностью действий, принимаемых решений и издаваемых всеми органами власти и управления актов, в том числе и силовыми. Сейчас прокурор фактически лишен возможности осуществлять уголовное преследование, но, надзирая за законностью действий следователя в меру имеющихся полномочий, он решает свою главную задачу — осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека как подвергшегося уголовному преследованию, так и потерпевшего от преступления.

О. В. Химичева справедливо указывает, что прокурор должен вмешиваться в досудебное производство только лишь с целью предупреждения, выявления и устранения нарушений закона (но не для осуществления процессуального руководства расследованием)⁴.

Формулировку ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в которой указано, что прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, рекомендуем изменить на следующую: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства надзор

¹ См.: Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 5–10.

² См.: Крюков В. Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору: учеб. пособие для юридических вузов и факультетов. Курск, 2000. С. 27; Его же. Прокурорский надзор: учебник для вузов. М., 2006. С. 32–33.

³ См.: Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры Рос. Федерации от 7 дек. 2007 г. № 195 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/ (дата обращения: 01.07.2018).

⁴ См.: Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 20.

за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства, а также возбуждать и поддерживать государственное обвинение в суде». При этом нужно признать, что на досудебной стадии уголовного процесса, а именно в рамках предварительного расследования, прокурор, осуществляя функцию надзора, имеет особые (в силу специфики отрасли), закрепленные в УПК РФ надзорные полномочия по отношению к органам следствия, используемые для обеспечения законности при проведении расследования, и более широкие полномочия по отношению к дознанию (часто о них говорят как о процессуальном руководстве дознанием). Например, прокурор даёт согласие дознавателям на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и этим уже формирует свою позицию по данному вопросу. Именно поэтому дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора, но отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства должен быть обязателен для суда.

Следователю согласие прокурора на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения не нужно; поэтому, когда в суде прокурор даёт своё заключение по ходатайству следователя, то вправе его не поддерживать. По этой логике отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не должен прекращать производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения, поскольку поддерживать и обосновывать ходатайство может сам следователь. Причем его отказ от поддержания заявленного им ходатайства должен быть обязателен для суда, если прокурор так же откажется поддерживать его.

Опрошенные практические работники в большинстве своём неверно видят и понимают функцию прокурора в данном случае: 42 % на вопрос анкеты ответили, что прокурор, принимая участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) залога, домашнего ареста или заключения под стражу, всегда должен поддерживать ходатайство следователя (дознателя), но 58 % опрошенных считают, что он должен делать это только по своему усмотрению.

Ю. Ю. Уланова, судья судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда, пишет, что «на практике существует

проблема правовой неурегулированности заключения под стражу в период окончания предварительного следствия и направления его в суд»¹. Так, в ряде решений Европейский суд признал системной незаконную практику судов России в нарушение ч. 1 ст. 5 Конвенции, когда содержание под стражей осуществлялось только на основании того, что дело направлено в суд («Корчуганова против Российской Федерации», Постановление от 8 июня 2006 г.², «Нахманович против Российской Федерации», Постановление от 2 марта 2006 г.³ и др.).

По этому вопросу имеется только одно Постановление Конституционного суда Российской Федерации⁴ с расплывчатой формулировкой следующего содержания: «Прокурор... при утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд обязан проверить, не истекает ли установленный судом срок содержания под стражей и достаточен ли он для того, чтобы судья имел возможность принять решение о наличии или отсутствии оснований для дальнейшего применения заключения под стражу на судебных стадиях производства по делу. Если к моменту направления дела в суд этот срок истекает или оказывается недостаточным... прокурор в соответствии со ст. ст. 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ обязан обратиться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей...». Фактически вопрос о необходимости и времени подачи такого ходатайства отдан на произвольное усмотрение прокурора⁵. Вместе с тем прокурор не просто вправе, а обязан обращаться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

¹ Уланова Ю. Ю. Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Рос. судья. 2010. № 4. С. 11–13.

² См.: Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 11. С. 73, 110–122.

³ См.: Там же. № 6. С. 55, 81–99.

⁴ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.05.2018).

⁵ См.: Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

Абсолютно справедливой нам видится следующая мысль: «Парадоксально, но факт: если прокурор отказался от обвинения в суде (даже на этапе подготовки дела к судебному заседанию), то такой отказ для суда обязателен. Если прокурор не видит оснований для заключения обвиняемого под стражу, более того, из месяца в месяц, а то и из года в год последовательно утверждает, что последний подлежит освобождению из-под стражи, ибо само уголовное дело возбуждено в отношении него незаконно, законодатель снисходительно позволяет суду подобные рассуждения прокурора игнорировать»¹.

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурор уполномочен участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения. Примечательно, что указанное участие сформулировано законодателем как право, а не обязанность. Уполномочен — значит, может, вправе. То есть отсутствие прокурора в судебном заседании, например после заявления о неподдержании ходатайства, само по себе не противоречит закону.

В случаях, когда суд отказывает следователю или дознавателю в удовлетворении ходатайства, сам ходатайствующий не вправе обжаловать решение суда, а если прокурор не делает этого, то способа для обжалования нет.

Примечательно, что по результатам изучения материалов районного суда г. Томска было обнаружено, что одновременно с удовлетворением ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу суд выносил частные определения в адрес руководителя следственного органа в связи с нарушением следователем норм уголовно-процессуального кодекса, волокитой, отсутствием действий по делу в течение длительного времени (пока обвиняемый находился под стражей!) и т. д. То есть, принимая во внимание все

¹ См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: прак. пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева. — 7-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Ч. 1. 231 с.

нарушения со стороны следователя, суд всё же не отказывал в ходатайстве; поэтому из изученных 167 материалов нашелся лишь один отказ.

Таким образом, говоря о деятельности (функциях) субъектов уголовного процесса в ходе производства по избранию меры пресечения судом, можно сделать определенные выводы:

- основными субъектами производства по избранию меры пресечения судом являются следователь, дознаватель, прокурор, судья. В работе продемонстрировано, что функциональная направленность деятельности этих субъектов в производстве по избранию судом меры пресечения отличается от функций, реализуемых ими в основном производстве;

- функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения в рассматриваемом производстве реализует следователь или дознаватель путем заявления соответствующего ходатайства и участия в его рассмотрении судом;

- суд реализует функцию судебного контроля путем рассмотрения и разрешения ходатайства в порядке судебного разбирательства;

- прокурор надзирает за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и может поддержать заявленное следователем или дознавателем ходатайство либо отказаться от его поддержания, обеспечивая соблюдение законности избрания меры пресечения.

Содержание функций субъектов данного производства должно предопределять пределы их полномочий. При этом:

- отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не должен приводить к прекращению производства по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения. В этом случае судебное разбирательство должно быть отложено, а в суд должен быть вызван следователь для поддержания в судебном разбирательстве заявленного им ходатайства;

- отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства должен быть обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его. В противном случае прокурор принимает на себя функцию обоснования вывода о необходимости избрания определенной меры пресечения;

- дознаватель не может иметь права отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

– отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства должен быть обязателен для суда.

В целях обеспечения состязательности и равенства прав сторон, стороне защиты должно быть предоставлено право ознакомления с материалами производства до судебного заседания. Потерпевшего и его представителя надлежит уведомлять о назначении судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя об избрании меры пресечения; также потерпевшему и его представителю необходимо предоставлять право участвовать в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения.

Далее мы обосновали пределы полномочий суда в рассматриваемом производстве.

Суд должен обладать относительной свободой выбора меры пресечения по своему усмотрению. В случае наличия доказательств, свидетельствующих о необходимости избрания обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, если стороной обвинения не доказана необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, суд в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должен отказать, но вправе этим же решением по собственной инициативе избрать в качестве меры пресечения домашний арест или запрет определенных действий. Суд не имеет права на избрание залога по собственной инициативе, если ни одна из сторон не ходатайствовала об избрании этой меры пресечения и соответствующие вопросы не были предметом судебного разбирательства.

Вместе с тем при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу по мотиву недостаточной обоснованности причастности лица к совершению инкриминируемого ему преступления следователь или дознаватель не вправе избрать обвиняемому (подозреваемому) иную меру пресечения.

Поскольку обосновано, что судебный контроль есть самостоятельная функция суда (наряду с правосудием), то решение вопроса об избрании или продлении меры пресечения должно быть возложено на следственного судью. Разрешение ходатайства об избрании меры пресечения должно быть возложено на институт федеральных следственных судей, который необходимо учредить

для осуществления функции судебного контроля на этапе досудебного производства.

Сформулировано предложение о сокращении срока содержания под стражей при избрании заключения под стражу до одного месяца, в связи с чем предложено внести изменения в ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Вместе с тем дополнительно обосновано¹, что в каждом случае при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей органы предварительного расследования обязаны предоставить суду новые аргументы, дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость принятия такого решения, а также сведения о процессуальных и иных действиях, произведенных в период нахождения лица под стражей, обоснование необходимости проведения ранее не произведенных следственных и иных процессуальных действий, а также причин невозможности их проведения до момента обращения в суд с соответствующим ходатайством.

¹ В поддержку изменений, внесенных в ст. ст. 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 02.08.2019 № 315-ФЗ.

Глава 2

Особенности доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом

2.1. Предмет и пределы доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом

Важными характерными чертами доказывания при производстве по избранию мер пресечения судом являются круг подлежащих исследованию общих и непосредственных объектов (предмет доказывания в широком и в узком смысле)¹ и степень их установления (пределы доказывания или доказанности)².

Общими объектами исследования, имеющими значение для субъекта доказывания в данном производстве, будут преступление, личность и ближайшее социальное окружение обвиняемого (подозреваемого). Подразумевается, что субъекты доказывания (следователь, дознаватель, прокурор и суд) обязаны установить обстоятельства, свидетельствующие о причастности конкретного

¹ Под непосредственными объектами исследования имеются в виду отдельные фрагменты действительности, которые необходимо установить для решения задач уголовного судопроизводства. Это предмет непосредственного познания (доказывания), который выделяют наряду с предметом доказывания в «классическом», широком смысле (общим предметом доказывания или обстоятельствами, подлежащими доказыванию). См. подробнее: Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М., 2015. С. 35–40.

² См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 85–94; Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984. С. 22–23; Стойко Н. Г., Барабаш А. С. Доказывание при прекращении уголовных дел: Вопросы реабилитации и освобождения от уголовной ответственности: учеб. пособие. Красноярск, 1996. С. 25–28.

лица к совершению преступления, инкриминируемого ему органами предварительного расследования, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого) и его ближайшее социальное окружение, данные о том, что обвиняемый (подозреваемый) намерен скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины и т. п.

Это значит, что в каждом случае требуются доказательства, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления в степени обоснованного подозрения, а с другой — указывают либо на совершенные действия по воспрепятствованию осуществлению уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения данным лицом подобных действий, либо на то, что лицо будет продолжать заниматься преступной деятельностью.

Этот вывод подтверждается и законодателем; в частности в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹ среди прочего указано, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления. Должны быть приведены результаты исследования в судебном заседании конкретных обстоятельств, обосновывающих избрание данной меры пресечения или продление срока ее действия, доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств, а также оценка судом этих обстоятельств и доказательств с изложением мотивов принятого решения. Причем в решении не должно содержаться формулировок о виновности лица. Аналогичные по своей сути разъяснения содержались и в более раннем, ныне не действующем, постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29.10.2009 № 22, где было также указано, что суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении.

¹ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41; (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление (например, лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после этого; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на нём или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.).

Если исходить из этимологии слова, то классически подозрение понимается как предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков; предположение о возможности чего-нибудь¹ или предположение о виновности кого-либо, предсудительности чьих-либо поступков, догадка. Таким образом, получается, что в названном постановлении Пленума речь идёт о доказывании предположений о том, что конкретное лицо причастно к совершению преступления или, иначе говоря, подозрения.

Более точной и верной, как представляется, была бы такая формулировка: *«Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения к конкретному лицу органы предварительного расследования должны представить суду достаточные сведения, в том числе указанные в ст. 91 УПК РФ, дающие основания обоснованно подозревать конкретное лицо в причастности к совершению инкриминируемого ему деяния».*

Постановление об избрании меры пресечения должно содержать указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения. Поскольку закон в данном случае не требует полного изложения обвинения, то судьи при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения обоснованно указывают лишь статьи, по которым предъявлено обвинение, и кратко излагают обстоятельства преступления, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается. Вместе с тем и здесь суды допускают нарушения; так, из 19 страниц постановления о продлении С. срока содержания под стражей 17 страниц содержали описание преступных деяний, в совершении которых он обвиняется, что не вызывалось необходимостью (Железнодорожный районный суд г. Рязани)². Это

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. М., 1986. С. 466.

² См.: Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продления срока содержания под стражей) по мате-

важное требование закона: при принятии решения о мере пресечения суд не должен вдаваться в вопросы виновности лица в совершении инкриминируемых ему деяний.

Вопреки всем разъяснениям на практике совершались и совершаются ошибки. Например, в справке Кемеровского областного суда от 24.08.2015 № 08–22/666 приводится следующий случай. Постановлением Ижморского районного суда от 05.03.2015 Ф. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца. В обоснование вывода о необходимости избрания в отношении обвиняемого Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу суд указал в постановлении, что обвиняемый совершил преступления в период условного осуждения, предрешив, таким образом, вопрос о виновности обвиняемого, что при решении вопроса о применении меры пресечения недопустимо. Судом апелляционной инстанции допущенное нарушение закона устранено (апелляционное постановление № 22к-1526 от 25.03.2015)¹.

Ещё один пример действия этого правила — кассационное определение Липецкого областного суда от 24.02.2011 по делу № 22к-325/2011: «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ, изменено, из описательно-мотивировочной части постановления исключено указание на тяжесть предъявленного обвинения и на то, что подозреваемый является членом организованной преступной группы, поскольку на тот момент обвинение подозреваемому предъявлено не было. При избрании меры пресечения суд не вправе входить в обсуждение виновности лица, в связи с этим указание в описательно-мотивировочной части на то, что Б. является членом организованной преступной

риалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс]: обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOСN; n=14192#07807314578351834> (дата обращения: 01.07.2018).

¹ См.: Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в первом полугодии 2015 года [Электронный ресурс]: справка Кемеровского областного суда от 24 авг. 2015 г. № 08–22/666 — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOСB; n=135238#06381570835146488> (дата обращения: 01.12.2018).

группы, не основано на законе. Данное указание также подлежит исключению»¹.

В справке Кемеровского областного суда от 15.08.2011 № 01–07/26–494² также указывается, что нередко судьи не учитывали необходимость в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. При этом следует иметь в виду, что обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление, в том числе данных, указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Отменяя постановление Центрального районного суда г. Новокузнецка от 03.05.2011 в отношении Ч., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда в том числе указала, что суд, принимая решение об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, не проверил обоснованность подозрения Ч. в причастности к преступлению (кассационное определение от 27.05.2011).

Как видим, на практике суды в разных случаях по-разному понимают требование об установлении причастности лица к совершению преступления, толкуя это положение или необоснованно широко (и тогда неизбежно вдаются в вопросы вины), или слишком узко (то есть фактически упускают этот вопрос из рассмотрения). Но как найти эту грань и определить, какими доказательствами должен располагать следователь или дознаватель, чтобы обосновать подозрение (доказать суду вероятную причастность лица к преступлению)?

При этом необходимо помнить, что на этапе избрания меры пресечения вину лица доказывать ещё не нужно. О причастности лица к совершению преступления могут свидетельствовать некоторые доказательства, уже имеющиеся в материалах уголовного дела, например протокол задержания по ст. 91 УПК,

¹ Кассационное определение от 24 февраля 2011 г. по делу № 22к-325/2011 — URL: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/36/1265932> (дата обращения: 01.08.2019).

² См.: Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 1 полугодии 2011 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SO SB;n=3463#013346934998211268> (дата обращения: 01.12.2018).

постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, показания свидетелей. Пункт 13 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» содержит следующее правило: «Рассматривая ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, суд должен выяснить, приложены ли к нему копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого; копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению...».

Таким образом, при решении вопроса судом об избрании меры пресечения в каждом случае и в первую очередь нужно установить обстоятельства, указывающие на вероятную причастность лица к совершению преступления (обоснованное подозрение). С точки зрения А. Я. Сухарева, основаниями для применения меры пресечения являются любые сведения, полученные в процессуальном порядке, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления, с другой — указывают на совершение действий по воспрепятствованию осуществлению уголовного правосудия, либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что оно будет продолжать заниматься преступной деятельностью. Возникает вопрос: что значит «сведения, которые подтверждают участие лица в совершении преступления»? Имеется ли в виду обоснованное подозрение (причастность лица к совершению преступления) и чем это может быть подтверждено?

Подпункт «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года говорит о том, что «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения»¹.

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме от 4 нояб. 1950 г.: (с изм. от 13 мая 2004 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «Кон-

Конституционный суд в своих решениях также не раз говорил о необходимости обоснованного подозрения в совершении преступления для применения к лицу меры пресечения¹.

Несмотря на то, что Россия давно ратифицировала Римскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, и на то, что в последние годы произошли немалые изменения в уголовно-процессуальном законодательстве России, и сегодня суды в большинстве своем не учитывают практику ЕСПЧ, забывая об основных его рекомендациях. Р.Р. Валиуллин указывает, что суды не исследуют существенных обстоятельств, на которых должно основываться столь серьезное ограничение прав и свобод граждан².

В отношении любого лица действует признанная мировым сообществом презумпция свободы (*praesumptio libertatis*), в силу которой обычное состояние человека — нахождение вне мест задержания³. Пункт «с» ст. 5 Европейской конвенции закрепляет возможность лишения свободы в случае законного задержания или заключения под стражу лица с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать скрыться после него.

Таким образом, в Конвенции указывается на цели избрания мер пресечения, и нужно сказать, что в УПК РФ эти цели также предусмотрены, однако Конвенция говорит и об обоснованности через формулы «обоснованное подозрение» и «достаточные основания полагать».

Мы согласны с теми авторами, которые отмечают, что нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ по-прежнему не в полной

сультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 01.07.2018).

¹ Примером могут служить определения Конституционного суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О, от 19 июня 2007 г. № 592-О-О.

² См.: Валиуллин Р.Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] // За правовое государство: проект адвоката Валиуллина Рустема Рафаэлевича. Электрон. дан. [Б. м., б.г.] — URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html> (дата обращения: 05.02.2018).

³ См.: Гриненко А.В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // Журн. рос. права. 2005. № 3. С. 97.

мере отвечают требованиям ст. 5 Конвенции¹ в том смысле, что вопреки ст. 5 Конвенции российский законодатель не считает основанием для ареста наличие обоснованного подозрения лица в совершении преступления. В постановлениях Европейского суда по делу Калашникова от 15 июля 2002 года² и по делу Худоерова от 8 ноября 2005 года³ говорится об обязанности суда при решении вопроса о содержании обвиняемого под стражей выяснять «наличие разумно обоснованного подозрения в отношении задержанного лица в совершении им преступления». Сейчас несколько похожее требование, как уже отмечалось, содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19.12.2013 № 41, но в УПК РФ никаких изменений в связи с этим не внесено.

На основании изложенного выше считаем, что при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения субъект доказывания должен располагать данными о том, что лицо неким образом связано с преступлением, или принадлежит к числу участвующих в нём, или имеет к нему прямое отношение, причём к нему. Иными словами, субъект доказывания должен иметь в отношении конкретного лица обоснованное подозрение. Но на данном этапе ещё нельзя требовать от субъекта доказывания доказательств вины обвиняемого (подозреваемого). В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 сказано, что «избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление»⁴. Вывод об обоснованности подозрения должен подтверждаться

¹ См.: Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

² См.: Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России: сб. документов. М., 2004. С. 88–115.

³ См.: Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 7. С. 57–99.

⁴ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41; (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

данными, свидетельствующими о причастности обвиняемого (подозреваемого) к преступлению. В качестве таких данных не могут рассматриваться доказательства, подтверждающие само событие преступления¹.

Обоснованное подозрение, указывающее на причастность к совершению преступления, должно подтверждаться доказательствами и может быть выражено в любом из следующих документов: в постановлениях о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном акте, обвинительном постановлении, уведомлении о подозрении, протоколе задержания в соответствии со ст. ст. 91, 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Представляется, что одного из этих процессуальных документов достаточно, чтобы говорить о том, почему именно в отношении данного лица рассматривается вопрос о мере пресечения. Большого на данном этапе не требуется. Из этих процессуальных документов уже видно, как следователь или дознаватель пришел к выводу о том, что это лицо причастно к совершению преступления. Суд должен установить наличие в уголовном деле доказательств, дающих право с высокой степенью вероятности предполагать, что данное преступление совершено именно этим лицом.

Таким образом, причастность к совершению преступления — это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения.

К сожалению, причастность к совершению преступления или обоснованное подозрение упоминается всего в 5 % изученных постановлений суда об избрании меры пресечения, а в постановлениях суда о продлении меры пресечения «обоснованность подозрения» — в 2 %.

Ряд авторов указывают ещё и на то, что при избрании меры пресечения должна учитываться доказанность материалами уголовного дела факта совершения преступления. Однако представляется, что это требование несколько надуманно, так как уже

¹ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного суда РФ от 18 янв. 2017 г. // Там же. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

имеется факт возбуждения уголовного дела — это юридический факт, порождающий правоотношения между государством и лицом, совершившим преступление. А значит, факт совершения преступления установлен и не требует проверки на данном этапе.

При этом не могу согласиться с теми авторами, которые считают, что суду надлежит в каждом конкретном случае решения вопроса об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу проверять обоснованности не только подозрения, но и обвинения лица в совершении преступления, нельзя ограничиться проверкой обоснованности подозрения обвиняемого в совершении иных преступлений, не оценив обоснованность выдвинутого ему обвинения¹. Это предложение, как представляется, прямо противоречит правилу о запрете вдаваться в вопросы вины и самой презумпции невиновности. Кроме того, меры пресечения могут применяться не только к обвиняемому, но и к подозреваемому, а о какой оценке обоснованности обвинения тогда следует говорить? Это требование закона будет нарушено и в том случае, когда суд, например, продлевая обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу, ссылается на протоколы следственных действий, несмотря на то, что эти вопросы впоследствии будут предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, а также указывает, что обвиняемый вину не признал, в содеянном не раскаялся, что также недопустимо в силу действия презумпции невиновности.

Таким образом, в конструкции рассматриваемого производства ответ на вопрос о причастности лица является обязательным, отрицательный ответ на этот вопрос (о причастности) нивелирует саму возможность избрания любой меры пресечения.

Итак, при наличии обоснованного подозрения в причастности лица к совершению преступления можно перейти к вопросу о необходимости избрания меры пресечения вообще и выбора конкретной меры пресечения в частности. Здесь появляется понятие основания выбора меры пресечения.

¹ См.: Рыжаков А. П. Анализ разъяснений практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 29 окт. 2009 г. № 22 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: информ.-правовое обеспечение. Электрон. дан. М., 2019. — URL: <http://base.garant.ru/5854299/#ixzz5sOmSkfXA> (дата обращения: 01.07.2018).

Кроме причастности, уголовно-процессуальный закон требует обоснования возможных противоправных намерений обвиняемого. Так, заключение под стражу как мера пресечения может быть применена при наличии любого из общих «оснований», установленных ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ. Что же может указывать на желание совершить действия по воспрепятствованию осуществления уголовного правосудия либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что лицо будет продолжать заниматься преступной деятельностью? Если причастность лица к совершению преступления обоснована в достаточной мере, то необходимость избрания меры пресечения и её вид определяются на основе сведений о ненадлежащем поведении обвиняемого (подозреваемого) или предположения о возможности такого поведения.

Намерения обвиняемого (подозреваемого) воспрепятствовать установлению истины или в дальнейшем заниматься преступной деятельностью должны быть подтверждены имеющимися в деле данными. Последние должны быть закреплены в материалах уголовного дела в установленном процессуальном порядке. На необходимость применения какой-либо меры пресечения могут указывать такие обстоятельства, как наличие судимости, способ и характер совершенного преступления, совершение административных проступков, отрицательное поведение в быту, отсутствие постоянного места жительства, работы и др. Получается, что даже исходя из такой трактовки, в постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны все обстоятельства, позволившие следователю сделать прогноз о дальнейшем поведении обвиняемого. Причём в таком документе должны быть ссылки на конкретные обстоятельства и указания на листы материала. К сожалению, это практически не выполняется. Следователи зачастую лишь указывают ссылку на пункт ст. ст. 97, 99 УПК РФ.

Под основанием выбора меры пресечения понимается вывод, сделанный следователем на базе собранных доказательств, из которого вытекает необходимость применения конкретной меры пресечения. Это то, исходя из чего можно законным образом вывести наличие или отсутствие какого-либо явления. Выбор меры пресечения в каждом конкретном деле заключается в поиске и обосновании наиболее эффективной меры пресечения в отношении конкретного лица.

А. Жданов верно пишет, что «обоснованность» ареста — столь растяжимое понятие, что под него можно подвести что угодно»¹. Сегодня ещё не потерял своей актуальности действовавший в дореволюционной России принцип: чем слабее улики обвинения, чем менее в них доказательственной силы, тем легче должна быть и мера пресечения; следователь (суд) обязан понизить меру пресечения от высшей до низшей, если этого потребует незначительность улик обвинения². К сожалению, по понятным причинам проверить примеры практики по такому критерию не представляется возможным. Однако не секрет, что на практике следственные органы, как правило, ходатайствуют о применении заключения под стражу лишь тогда, когда у лица, ведущего расследование, есть субъективная уверенность в виновности обвиняемого (подозреваемого) и следователь (дознатель) предполагает, что сможет доказать его вину в результате расследования.

Юрист Секретариата Европейского суда Г. Диков указывает на то, что прецедентное право Конвенции выработало четыре основания, оправдывающие содержание под стражей: 1) опасность того, что обвиняемый скроется от следствия или суда (*Stagmuller v. Austria*. Judgment of 10 November 1969. Series A no. 9. § 15); 2) обвиняемый попытается, находясь на свободе, препятствовать отправлению правосудия — станет запугивать свидетелей, уничтожать улики, подкупать экспертов и т. п. (*Wemhoff v. Germany*. 27 June 1968); 3) риск того, что лицо продолжит заниматься преступной деятельностью (*Matznetter v. Austria*. Judgment of 10 November 1969. Series A no. 10. § 9); 4) риск того, что освобождение задержанного преступника приведёт к массовым беспорядкам (*Letellier v. France*. Judgment of 26 June 1991. Series A no. 207)³.

Как видно, три из четырёх оснований совпадают с основаниями, предусмотренными УПК РФ.

¹ См.: Жданов А. Законность или обоснованность ареста? // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 48.

² См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. СПб., 1870. Ч. 3: О предварительном следствии. С. 399.

³ См.: Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог: (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2009. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В свете рассматриваемой тематики примечательно дело «Смирновы (Smirnova) против РФ», где заявители, в частности, указывали на необоснованность избрания в отношении их меры пресечения в виде заключения под стражу и на отсутствие в деле предусмотренных в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ оснований. В данном случае Европейский суд признал применение меры пресечения в виде заключения под стражу необоснованным и незаконным, так как в качестве оправдания содержания под стражей указывалось только на тяжесть обвинения; ссылка на «характер» заявителей не объясняла, каков в действительности был характер заявителей и почему из-за него необходимо было заключение под стражу; кроме того, не была рассмотрена возможность применения иных мер пресечения.

И еще суд отметил, что опасность того, что лицо скроется, не может быть оценена лишь на основании строгости возможного наказания; она должна рассматриваться с учётом ряда прочих имеющих отношение к делу факторов, которые могут подтвердить наличие такой опасности. Нужно учитывать характер привлекаемого лица, его нравы, имущество, связи в государстве, в котором ведётся преследование, международные контакты¹. Именно с учётом указанного решения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения о том, что при избрании меры пресечения в постановлении суда должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых суд принял решение.

Для законного и обоснованного решения о мере пресечения необходимо дать оценку всем фактическим обстоятельствам дела, а уже на основании собранных доказательств сделать вывод (по сути — прогноз) о таком поведении обвиняемого (подозреваемого), которое дает основание применить к нему меру пресечения. Вывод о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) должен базироваться на объективно установленных фактах, реальных доказательствах, свидетельствующих о том, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины,

¹ См.: Европейский суд по правам человека. Третья секция. Дело «Смирнова против России»: (жалобы № 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс]: судебное постановление. Страсбург 24 июля 2003 г. // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. Электрон. дан. [Б. м.], 2002. — URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/new/004.htm> (дата обращения 10.11.2018).

заниматься преступной деятельностью, уклониться от исполнения приговора.

К ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу нужно прилагать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколов задержания, допросов обвиняемого (подозреваемого), имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, а также копии документов, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Как уже говорилось, наибольшая сложность видится в том, что необходимо делать вывод не об имеющемся или имевшем место в прошлом поведении, а о будущих поступках субъекта. Тем не менее такой вывод нужно основывать на тех доказательствах, которыми следователь, дознаватель или суд располагают уже сейчас, на данный момент. На практике это требование нарушается весьма часто.

Например, при исследовании судебных материалов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении ранее избранной меры пресечения было замечено, что суды не всегда приводят достаточные основания, подтверждающие необходимость применения указанной меры пресечения, а в своих решениях, скорее, формально перечисляют указанные в ст. 97 и ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ основания и условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не приводя при этом конкретных доказательств, обосновывающих такой вывод. Нередко встречается то, что в постановлении суда повторяются доводы, приведенные в ходатайстве следователя (дознателя). Удовлетворяя такие ходатайства, судьи в своих постановлениях не приводят конкретных, исчерпывающих данных, на основании которых суд пришел к выводу, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям и прочее. Еще одним из недостатков является то обстоятельство, что некоторые судьи, избирая меру пресечения, не выполняют требование ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которой необходимо учитывать сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и т. п.

На это также обращал внимание Европейский суд по правам человека. Например, применительно к обоснованности мер

пресечения Европейский суд в деле «Панченко против России» указывает на недостаточность оснований в отдельных случаях, на шаблонность и краткость постановлений об избрании меры пресечения. Например, национальный суд несколько раз делает ссылки на «личность» обвиняемого, но они не сопровождаются какими-либо пояснениями, и остаётся неясным, каковы в действительности личностные характеристики заявителя¹.

В ходе исследования указанных вопросов был проведен анализ собранных материалов практики для получения ответа на вопрос: на что же в первую очередь обращают внимание следователи и суд, решая вопрос об избрании меры пресечения? Были проанализированы и систематизированы по различным критериям архивные материалы районных судов городов Красноярска и Томска по избранию и продлению мер пресечения, в том числе ходатайства об избрании заключения под стражу (залог, домашний арест) в качестве меры пресечения, постановления об избрании заключения под стражу (залог, домашний арест) в качестве меры пресечения; ходатайства о продлении содержания под стражей и постановления о продлении срока содержания под стражей. В ходе исследования был проведен контент-анализ данных постановлений, благодаря чему стало возможным выявить определённые числовые закономерности, а именно частоту упоминания выделенных автором содержательных единиц-аргументов в обоснование выбора меры пресечения².

Приведём наглядный пример. Красноярским краевым судом был проведен анализ судебной практики, который показал, что районные (городские) суды разрешали ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с действующим законодательством. Были выявлены следующие мотивы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу:

- 1) ранее судим;
- 2) скрылся от следствия;

¹ См.: Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации: (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=INT; n=29457#045252667054492357> (дата обращения: 10.11.2018).

² Подробнее ознакомиться с результатами данного анализа можно в прил. Б и В.

3) преступление совершено в период условно-досрочного освобождения;

4) преступление совершено в период испытательного срока;

5) нарушена подписка о невыезде;

6) нет постоянного места жительства;

7) отсутствие регистрации в РФ;

8) тяжесть преступления;

9) может скрыться от следствия;

10) может повлиять на потерпевших и свидетелей;

11) может воспрепятствовать следствию;

12) может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Судьи, делая вывод о том, что подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, в большинстве случаев указывали на такие обстоятельства, как:

– наличие обвинения или подозрения в совершении нескольких преступлений;

– злоупотребление алкогольными напитками и наркотическими веществами;

– наличие непогашенных судимостей;

– отсутствие регистрации на территории РФ¹.

Отсюда видно, что даже сами судьи смешивают вместе цели избрания меры пресечения, мотивы и основания избрания конкретной меры пресечения.

Автором был проведен анализ постановлений районных судов об избрании меры пресечения с целью выявления тех обстоятельств, на которые суд наиболее часто ссылается при принятии решения. Оговоримся, что здесь не учитывались фразы-выводы, указанные в законе как основания для избрания мер пресечения (например, «есть основания полагать, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда» или «подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью»). По результатам исследования рейтинг частоты упоминаний выглядит так²:

¹ Обобщение практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1972#05964427718763026> (дата обращения: 01.12.2018).

² См. рисунок Д.1 в прил. Д.

- тяжесть преступления — 95 %;
- отношение к труду — 75 % (работает/не работает, учится/не учится, официально не трудоустроен);
 - наличие или отсутствие судимости — 60 %;
 - характеристика личности — 40 %;
 - наличие или отсутствие постоянного места жительства — 33 %;
 - брак или наличие семьи — 29 %;
 - наличие или отсутствие детей и иждивенцев — 25 %;
 - наличие или отсутствие регистрации — 21 %;
 - зависимости (алкогольная, азартные игры, употребление наркотиков) — 21 %;
 - характер преступления — 18 %;
 - совершил преступление в течение испытательного срока по приговору суда или совершил преступление в течение неотбытого срока наказания — 17 %;
 - совершил преступление в период условно-досрочного освобождения — 15 %.

Также была проведена оценка обоснованности постановлений следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения для того, чтобы сравнить аргументы следователя при ходатайстве об избрании меры пресечения и аргументы суда при избрании меры пресечения. В постановлениях следователя наиболее часто встречаются следующие доводы в пользу избрания заключения под стражу¹:

- тяжесть преступления — 84 %;
- наличие или отсутствие судимости — 65 %;
- отношение к труду — 62 %;
- характеристика личности — 37 %;
- наличие или отсутствие постоянного места жительства — 24 %;
- привлекался к уголовной и административной ответственности — 24 %;
- зависимости — 22 %;
- совершил преступление в период УДО — 22 %;
- отбывал наказания в местах лишения свободы — 19 %;

¹ См. подробнее в прил. В «Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения».

- совершил преступление в течение испытательного срока по приговору суда или совершил преступление в течение неотбытого срока наказания — 14 %.

В результате сравнительного анализа стало очевидно, что и следователи, и суд используют чаще всего одни и те же аргументы в обоснование выбора меры пресечения. Наиболее значимыми доводами на практике становятся пять компонентов: тяжесть содеянного, наличие регистрации и постоянного места жительства, отношение к труду, характеристика личности и криминальное прошлое обвиняемого (подозреваемого).

На наш взгляд, проблема в данном случае заключается не только в том, какие приводят обоснования, а в наличии причинно-следственной связи с выводами о том, что обвиняемый может скрыться, угрожать свидетелям, — этой связи просто не видно в тексте постановления. Сама совокупность перечисленных факторов не обязательно влечёт за собой вывод о том, что обвиняемый будет, например, препятствовать следствию. Из набора «тяжкое преступление, ранее судим, работает, имеет постоянное место жительства, но не имеет регистрации, характеризуется удовлетворительно» автоматически не следует вывод как о том, что обвиняемый может скрыться, так и о том, что он не скроется.

Интересным примером применения подобных критериев на практике может послужить дело, рассмотренное в Красноярском крае: постановлением суда в отношении подозреваемого Х. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок один месяц (по 30 сентября 2017 года включительно). Принимая решение об избрании в отношении подозреваемого в совершении преступлений небольшой тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу, за совершение которых законом предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет, суд мотивировал это тем, что Х. подозревается в совершении преступлений небольшой тяжести в период нахождения на подписке о невыезде, надлежащем поведении и отбытия наказания в виде обязательных работ, семьей и иждивенцами не обременен, официально не трудоустроен, нарушил ранее избранную меру пресечения. Между тем для заключения под стражу при совершении преступления небольшой тяжести, наряду с основаниями, предусмотренными ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ, требуется наличие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которых органом дознания суду

не представлено. Кроме того, в постановлении суда не имеется убедительных доводов, из которых ясно, что избрание иной меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, не обеспечит явку Х. в следственные органы, а затем и в судебное заседание при рассмотрении дела по существу. Постановление суда отменено, в удовлетворении ходатайства отказано¹.

До принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ применение мер пресечения и избрание из всей их совокупности именно той, которая оптимально соответствует конкретным обстоятельствам уголовного дела, определялись прежде всего характером, свойствами совершенного преступления, в качестве которых ст. 91 УПК РСФСР называла тяжесть предъявленного обвинения. В ст. 147 УПК РСФСР 1923 года эти качества преступления именовались его важностью, в ст. 421 Устава уголовного судопроизводства — строгостью угрожающего обвиняемому наказания. Тяжесть преступлений, вменяемых обвиняемому, подлежит учету при выборе меры пресечения в соответствии со ст. 89 УПК Монголии, § 120 УПК Венгрии, п. 3 ст. 217 УПК Польши. Отметим, что не только в названных государствах, но и во многих других странах мира меры пресечения избираются и применяются прежде всего в зависимости от «важности вменяемых обвиняемым преступлений», степени их общественной опасности, тяжести предъявленного обвинения, строгости угрожающих им наказаний с учетом конкретных санкций.

Не устанавливая так подробно критериев для избрания меры пресечения, как в дореволюционной России, уголовно-процессуальное право РСФСР тем не менее также исходило из и что как в целом система мер пресечения, и каждая из них должны определяться характером, свойствами совершенных обвиняемыми преступлений, видом и строгостью установленных за них санкций, тяжестью угрожающих наказаний, то есть, по существу, уголовно-процессуальное законодательство РСФСР, следуя историческим традициям борьбы с преступностью, ставит меры пресечения в зависимость от тяжести предъявленного

¹ См.: Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2017 год [Электронный ресурс]: (утв. Президиумом Красноярского краевого суда) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSB;n=238151#00047092499992498205> (дата обращения: 01.12.2018).

обвинения и мер уголовного наказания. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено по мотивам одной опасности преступления (ч. 2 ст. 96 УПК РФ). Заключение под стражу допустимо, если санкция за совершенное преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (ч. 1 ст. 96 УПК РФ).

Однако ст. 5 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека гласит, что тяжесть предъявленного обвинения не является критерием для избрания меры пресечения. Она должна зависеть не от статьи, а от непосредственной опасности обвиняемого для общества.

По целому ряду дел против России Европейский суд признал незаконным учет только тяжести преступления в качестве основного довода: лицо может скрыться («Белевицкий против Российской Федерации», постановление от 1 марта 2007 года¹, «Старокадомский против России», постановление от 31 июля 2008 года², «Салманов против Российской Федерации», постановление от 31 июля 2008 года³ и др.)⁴. Европейский суд неоднократно указывал на нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции в ряде дел против Российской Федерации, где суды государства-ответчика продлевали срок содержания заявителей под стражей исключительно на основании тяжести обвинений против них, используя шаблонную формулу, пересказывающую предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации основания для содержания под стражей. Суды при этом не разъясняют, почему они применяются в отношении заявителей и рассматривались ли другие меры пресечения (см. упоминавшиеся выше постановления Европейского суда по делам «Белевицкий против Российской Федерации», «Худоеров против Российской Федерации», а также Постановление Европейского суда по делу «Худобин против Российской Федерации» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, § 103 и последующие, ECHR2006 — ... (извлечения); постановление Европейского суда от 2 марта 2006 года по делу «Долгова против Российской Федерации»⁵ (*Dolgova v. Russia*), жалоба

¹ См.: Бюл. Европейского суда по правам человека. 2007. № 8. С. 69–91.

² См.: Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 1. С. 124–137.

³ См.: Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 2. С. 132–144.

⁴ См.: Уланова Ю. Ю. Указ. соч.

⁵ См.: Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 8. С. 5, 75–86.

№ 11886/05, § 38 и последующие; постановление Европейского суда от 7 апреля 2005 года по делу «Рохлина против Российской Федерации»¹ (Rokhlina v. Russia), жалоба № 54071/00, § 63 и последующие; постановление Европейского суда от 8 февраля 2005 года по делу «Панченко против Российской Федерации»² (Panchenko v. Russia), жалоба № 45100/98, § 91 и последующие; и постановление Европейского суда по делу «Смирнова против Российской Федерации» (Smirnova v. Russia), жалобы № 46133/99 и 48183/99, § 56 и последующие, ECHR2003-IX (извлечения).

Вместе с тем ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает, что лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трёх лет. То есть по преступлениям небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ) данная мера пресечения, как правило, не применяется. Значит ли это, что заключение под стражу возможно только тогда, когда реальное назначение наказания в виде лишения свободы будет более чем на три года или речь идёт буквально о верхней границе санкции статьи УК РФ? Конституционный суд РФ в своём Определении подчеркивает, что «не допускается заключение под стражу... если лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы»³. Всё же представляется, что верный ответ здесь один: заключение под стражу может применяться только тогда, когда санкция статьи УК РФ (по которой лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления) предусматривает наказание в виде лишения свободы на три года и более. Логика рассуждений проста: общие правила ведения судопроизводства должны быть понятны не только специалисту, но и любому участнику процесса, не нужно ставить избрание меры пре-

¹ См.: Указ. соч. № 6. С. 53–68.

² См.: КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=29457#045252667054492357> (дата обращения: 10.11.2018).

³ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: определение Конституционного суда Российской Федерации от 21 дек. 2000 г. № 296-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31272/ (дата обращения: 01.12.2018).

сечения в зависимость от гипотетически возможного размера наказания, подсчитать заранее который не юрист-профессионал не может. Однако здесь имеется оговорка¹: в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Таким образом, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ сохраняется некоторое соотношение между тяжестью совершенного обвиняемым преступления и мерой пресечения, которая к нему применяется, но соотношение это не жёсткое. Тяжесть предъявленного обвинения определяется с учетом положений ст. 15 УК РФ, в которой перечислены категории преступлений. Наглядным подтверждением этого служат данные судебной статистики.

Так, в 2016 году районными судами и мировыми судьями было рассмотрено по существу 134700 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Структура удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу по тяжести совершенных лицами преступлений представлена следующими показателями: по особо тяжким преступлениям — 24,7 % от общего числа удовлетворенных ходатайств; по тяжким преступлениям — 47,1 %; средней тяжести — 24,0 %; небольшой тяжести — 4,2 %. Доля удовлетворенных ходатайств от рассмотренных по существу по степени тяжести совершенных преступлений составила: по особо тяжким преступлениям — 95,8 %; по тяжким преступлениям — 90,6 %; средней тяжести — 88,3 %; небольшой тяжести — 84,8 %.²

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: (ред. от 1 апр. 2019 г., с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) Ст. 108 // Там же. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019.)

² См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан.

За 2017 год районными судами и мировыми судьями было рассмотрено 124 900 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них по особо тяжким преступлениям — 26,2 % от общего числа удовлетворенных ходатайств; 12 по тяжким преступлениям — 45,3 %; средней тяжести — 24,4 %; небольшой тяжести — 4,1 %. Доля удовлетворенных ходатайств от рассмотренных по существу по степени тяжести совершенных преступлений составила: по особо тяжким преступлениям — 95,1 %; тяжким преступлениям — 89,9 %; средней тяжести — 88,0 %; небольшой тяжести — 85,4 %¹.

Представители уральской процессуальной школы Н. В. Азаренок и А. А. Давлетов высказывают мнение: суд должен не просто ориентироваться на тяжесть преступления, но давать «первоначальную оценку квалификации деяния, то есть определение тяжести преступления с последующей проверкой наличия достаточных данных о причастности лица к его совершению», и предлагают наделить суд обязанностью проверять уголовно-правовую квалификацию деяния при избрании и продлении меры пресечения². О. В. Качалова пишет о том, что правильность квалификации относится к числу необходимых условий, без которых применить наиболее строгие меры пресечения невозможно³. А. Д. Назаров указывает: «Желает или не желает того суд, но в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем теории и практике уголовно-процессуальной деятельности известны такие

[Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=4144> (дата обращения: 16.08.2019).

¹ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Электрон. дан. [Б. м.], 2009–2019. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

² Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? // Российский судья. 2017. № 1. С. 33–37.

³ Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 38–42.

ситуации, как “завышение уголовно-правовой квалификации деяния” или “квалификация с запасом”¹.

При этом в данном вопросе важно соблюдать баланс, так как есть вероятность, что суд, занимаясь вопросами квалификации, не только начнет обсуждать вопрос вины, что недопустимо, но и предложит более правильную (с точки зрения суда) квалификацию, фактически навязывая её следователю, тем самым лишая его процессуальной самостоятельности в этом важнейшем вопросе. К тому же для проверки правильности предложенной квалификации судьей, возможно, будет необходимо изучить практически все материалы уголовного дела, то есть выйти за объём предоставленных материалов.

В литературе можно встретить предложения увязать систему мер пресечения с санкциями уголовно-правовых норм; они неоднократно выдвигались и раньше учеными-процессуалистами, например И. Л. Петрухиным, В. А. Михайловым². Е. В. Гусельникова указывает на необходимость и обоснованность законодательного установления зависимости мер пресечения от категории преступления, в совершении которого лицо обвиняется (подозревается). «Если в санкции статьи предусмотрен штраф, — пишет она, — допустимо использование в качестве меры пресечения залога; при ограничении свободы, аресте, исправительных и обязательных работах — надзор милиции»³. Однако указанное предложение создало бы значительные сложности при реализации на практике, так как в ст. 44 УК РФ предусмотрено 12 видов наказаний, из них реально «работают» примерно восемь; а мер пресечения семь, общего характера — всего пять (ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Не совсем понятно, как они друг с другом соотносились бы, поскольку нет жёсткой привязки. Неясно, кто мог бы установить такое соотношение. Кроме того, это означало бы отказ от учёта индивидуальных особенностей обвиняемого (подозреваемого), что, очевидно, не приведет к повышению качества принимаемых решений.

¹ Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 39–43.

² Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 143–149; Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. С. 29–33.

³ Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 9.

В научной литературе есть предложение, согласно которому следует исходить не из вида наказания, а из категории преступления, в совершении которого предъявлено обвинение. Возможна, например, такая система соотношений между мерами пресечения и тяжестью совершенного преступления¹:

1) преступления небольшой тяжести (умышленные и неосторожные преступления, максимальное наказание за которые — до двух лет лишения свободы): подписка о невыезде, личное поручительство;

2) средней тяжести (неосторожные преступления, максимальное наказание за которые превышает два года лишения свободы; умышленные преступления, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы): подписка о невыезде, личное поручительство, залог. Если избрание указанных мер невозможно, то избирается заключение под стражу;

3) тяжкие (умышленные преступления, максимальное наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы): залог, домашний арест, запрет определённых действий, заключение под стражу;

4) особо тяжкие (максимальное наказание за которые превышает десять лет лишения свободы): заключение под стражу.

И всё же представляется, что установление такого прямого соотношения невозможно, поскольку на выбор конкретной меры пресечения влияет не только (или в первую очередь) тяжесть преступления, между ними собственно вообще нет причинно-следственной связи. На первый план здесь должны выходить данные о личности, которые позволят с определённой долей вероятности прогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого).

Наряду с тяжестью преступления следователи и судьи в своих постановлениях часто делают акцент на общественную опасность деяния, характер преступления, обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность, обстоятельства совершенного преступления. Вместе с тем такие доводы, как «характер преступления» или «обстоятельства совершенного преступления», никак не раскрываются и воспринимаются, скорее, стандартными, дежурными фразами, чем реальным обоснованием. Согласно

¹ См.: Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2005. № 5. С. 13–21.

данным, полученным в результате нашего исследования, частота упоминания этих показателей составляет:

1) в постановлениях суда об избрании меры пресечения: общественная опасность деяния — 12 %, характер преступления — 18 %;

2) в постановлениях суда о продлении меры пресечения: характер инкриминируемого деяния — 38,4 %; обстоятельства совершенного преступления — 25,6 %;

3) в постановлениях следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения: общественная опасность деяния — 8,5 %; характер преступления — 10 %.

Однако сегодня в литературе учёные-процессуалисты выделяют различные основания избрания меры пресечения и данные, которые надо при этом учитывать. Нам важно проанализировать каждый из пунктов ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ и выяснить, какими доказательствами могут подтверждаться выводы следователя.

В связи с изложенными замечаниями необходимо внимательно проанализировать те положения, которые предложены законодателем в качестве оснований для избрания мер пресечения, и те, что ранее предлагались в научной литературе.

О намерении скрыться от дознания, предварительного следствия или суда может свидетельствовать ряд действий лица по подготовке отъезда или смены места жительства, например: соответствующая информация от свидетелей, подготовка новых документов, продажа имущества, приобретение билетов на различные виды транспорта, покупка или аренда недвижимости в ином населённом пункте, нарушение ранее избранной меры пресечения, неявка по вызову следователя, дознавателя или суда без уважительной причины, нахождение в розыске и т. д.

Примером обоснованного избрания меры пресечения, как указывает Г. Диков¹, может служить дело «W. против Швейцарии²»,

¹ См.: Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог: (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] // Адвокатская практика. 2009. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Европейский суд по правам человека. «Решения ЕСПЧ на русском языке» W. против Швейцарии [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда W. против Швейцарии (W. v. Switzerland) от 26 янв. 1993 г.: (жалоба № 14379/88): (извлечение) // Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. Электрон. дан. [Б. м.], 2010–2019. — URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/w-protiv-shvejcarii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 05.03.2018).

где в обоснование того довода, что обвиняемый может скрыться от правосудия, швейцарским судом были положены фактические данные о том, что заявитель, будучи руководителем свыше 60 фирм, постоянно проживал за границей, в Монте-Карло, постоянно путешествовал, имел обширные международные связи, несколько раз заявлял, что хотел бы жить в США. У него были достаточно большие средства в иностранных банках и несколько иностранных паспортов, при этом он был одинок — без семейных обязательств. Анализируя дело Платона Лебедева против РФ¹, Европейский суд также пришёл к выводу об обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на основании того, что предъявлено серьёзное обвинение, у обвиняемого имеются значительные средства в иностранных банках (которые он контролирует) и недвижимость за рубежом, а также международные связи.

Кроме того, предполагать, что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться, можно при наличии таких факторов, как: отсутствие постоянного места жительства в данном населенном пункте, отсутствие у него иждивенцев и зависимых от него лиц, сильных социальных связей в том или ином населенном пункте (здесь ли проживают друзья, родственники, родители и т. д.), работы или официального трудоустройства.

Здесь уместно привести высказывание П. И. Люблинского: «Стремление к уклонению, скрываясь в психике обвиняемого, будучи затаенным среди сокровенных его стремлений, не может быть констатировано непосредственно. Для определения его приходится прибегать к определению мотивов, имевших возможность повлиять на среднюю психику человека, при известных условиях, к принятию определенного решения относительно уклонения... выводы следователя или судьи, сделанные на основании оценки мотивов уклонения, являются приблизительными, но все же нормальными для решения вопроса»².

¹ См.: Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации»: (жалоба № 4493/04) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=68794#01827132535847198> (дата обращения: 05.04.2018).

² Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 427–428.

Данные, которые могут подтверждать предположение о том, что обвиняемый (подозреваемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью: нахождение на свободе соучастников преступления, сведения о прежних судимостях, в том числе сведения о том, что лицо ранее привлекалось к уголовной ответственности за совершение аналогичного преступления; информация о том, что лицо совершило преступление в период отбывания наказания или находясь на условно-досрочном освобождении, в настоящее время привлекается к уголовной ответственности за совершение аналогичного умышленного преступления; сведения о пристрастии подозреваемого к наркотическим веществам и алкоголю, отсутствии постоянного места работы или легального (постоянного) источника дохода, совершении административных правонарушений; отрицательные характеристики по месту жительства и работы, злоупотребление спиртными напитками.

Наличие неснятой и непогашенной судимости является непосредственным свидетельством того, что лицо не встало на путь исправления, не изменило своего поведения и не сделало необходимых выводов, а вновь совершило преступление. С. И. Скабелин указывает, что «при исследовании данного основания на первое место встает тяжесть и категория ранее совершенного деяния. В зависимости от направленности (экономической, общеуголовной и т. п.) следователь, дознаватель могут дать оценку риску повторного совершения преступления обвиняемым (подозреваемым) по уголовному делу, находящемуся в его производстве»¹. Так как речь идет о наличии зависимостей, то необходимо пояснить нашу позицию: обвиняемому (подозреваемому), в отношении которого установлено, что он является наркотически зависимым, следует всегда избирать меру пресечения, связанную с ограничением свободы, в случае если совершение преступления сопряжено с этой зависимостью. Данное лицо фактически больно неизлечимым (или трудноизлечимым) заболеванием, влияющим на его психику и поведение; кроме того, совершило преступление для удовлетворения своей болезненной потребности (чтобы раздобыть очередную «дозу» или средства для её покупки). При таких сведениях можно с высокой долей уверенности предположить, что это лицо и в дальнейшем может продолжить совершать

¹ Скабелин С.И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2015. № 56. 11. С. 38–43.

преступления. Данные о том, что лицо ранее судимо за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, употребляет наркотические средства и не имеет постоянного места работы или легального источника доходов, с высокой степенью вероятности свидетельствуют: обвиняемый (подозреваемый) может продолжить заниматься преступной деятельностью, поэтому в случаях выявления факта злоупотребления наркотическими средствами со стороны подозреваемого или обвиняемого должностным лицам необходимо обращать на это самое пристальное внимание.

Примером рассмотрения подобного случая можно назвать дело № 22–4708 Березниковского городского суда. Постановлением судьи отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, — покушение на незаконный сбыт наркотического средства, героина массой 0,48 грамма, по тем основаниям, что К. имеет постоянное место жительства и работы. Также у нее на иждивении малолетний ребенок, которого она воспитывает одна. Суду не представлено доказательств, что подозреваемая может скрыться от следствия и суда или воспрепятствовать установлению истины дела. Суд не принимает во внимание факт употребления подозреваемой наркотических средств как не предусмотренный ст. 108 УК РФ в качестве основания для заключения под стражу. Судебной коллегией по кассационному представлению прокурора постановление судьи отменено с направлением материалов на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям. Из представленных материалов видно, что К. была осуждена 23 сентября 2008 года по ч. 1 ст. 228 УК РФ к году лишения свободы, в силу ст. 73 УК РФ условно, с испытательным сроком на 2 года. Она подозревается в совершении преступления в период условного осуждения. Как видно из ходатайства следователя, одним из оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, по мнению следствия, является то, что подозреваемая может продолжить заниматься преступной деятельностью. Указанный довод следователя судом при вынесении постановления об отказе в удовлетворении ходатайства не нашел оценки. Также не оценены в совокупности и другие доводы следователя: К. ранее судима за преступление в сфере незаконного оборота наркотиков, она употребляет наркотические средства, не имеет постоянного

места работы. С учетом изложенного Постановление судьи нельзя признать законным и обоснованным¹.

Угрозы свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства могут быть подтверждены их личными заявлениями, протоколами допросов указанных лиц и самого обвиняемого (подозреваемого), результатами оперативно-розыскных мероприятий или отдельных следственных действий, таких как контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка.

В изученных в ходе исследования процессуальных актах указания на данные, подтверждающие такие обстоятельства, имеются, но их крайне мало. Так, в постановлениях суда об избрании меры пресечения: орудие преступления и вещественное доказательство не найдены — 1 %; известны личности свидетелей, знакомство со свидетелем — 5 %. В постановлениях суда о продлении меры пресечения: знаком с потерпевшим и/или свидетелями — 10 %. В постановлениях следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения: известны личности свидетелей, знакомство со свидетелем — 8 %. Однако и эти доводы сомнительны, так как само по себе знакомство со свидетелями и наличие сведений о том, где они работают, учатся, проживают, ещё не говорят о намерении воздействовать на них.

Примером обоснованного решения суда (по этому основанию) служит постановление Борисовского районного суда. В нём отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании К., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 1 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу. К. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. В кассационном представлении прокурор просил Постановление отменить как незаконное и необоснованное, материалы дела направить на новое судебное рассмотрение. Суд кассационной инстанции представление удовлетворил, постановление суда отменил. Отказывая в удовлетворении ходатайства следователя и избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, суд свои выводы

¹ См.: Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2009 года [Электронный ресурс]: (утв. президиумом Пермского краевого суда от 19 марта 2010 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOPV; n=1101#09722733397071863> (дата обращения: 01.12.2018).

обосновал отсутствием оснований и достаточных мотивов для избрания К. меры пресечения в виде заключения под стражу. Данные выводы суда не основаны на материалах уголовного дела. К. обоснованно подозревается в совершении особо тяжкого преступления против жизни, уголовное дело в отношении него возбуждено в соответствии с требованиями ст. ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса РФ уполномоченным должностным лицом, причастность К. к совершению преступления подтверждается материалами уголовного дела. Материалами дела подтверждаются обстоятельства, указанные следователем в ходатайстве, обосновывающие необходимость применения к К. заключения под стражу, а именно: возможность обвиняемого угрожать свидетелям по делу, совершить в отношении их преступление, уничтожить доказательства его причастности к совершенному преступлению. Как видно из протокола судебного заседания, свидетели П. и В. пояснили, что сразу же после убийства обвиняемый, держа в руке нож, запугивал В. и высказывал в его адрес угрозу убийством. По данному факту и заявлению В. в отношении К. было возбуждено уголовное дело по ст. 119 ч. 1 УК РФ. В связи с изложенным свидетели В. и П. обоснованно опасаются за свою жизнь. Кроме того, К. принимал меры к уничтожению и сокрытию следов преступления, что объективно подтверждается протоколом осмотра жилища, составленным в соответствии с требованиями УПК РФ.

Судом при принятии решения о мере пресечения К. неполно исследована его личность, не принято во внимание то, что он злоупотребляет спиртными напитками, предоставлял свое жилище для совместного распития спиртного, а это также свидетельствует о возможности продолжения им преступной деятельности¹.

В соответствии со ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о мере пресечения, помимо наличия так называемых оснований для избрания меры пресечения, законодатель обязывает учитывать тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения

¹ См.: Обзор судебной практики по уголовным делам за июнь 2010 года [Электронный ресурс] // Информ. бюл. 2010. № 7. Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступления, в частности, явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда)¹.

Большое значение имеет выяснение обстоятельств и оснований для задержания обвиняемого (подозреваемого), наличие явки с повинной, готовность содействовать раскрытию преступления и изобличению остальных участников преступления. Может быть учтено и общественное положение или специфика работы обвиняемого.

Для подтверждения этих сведений следователь или дознаватель могут использовать такие документы, как характеристики с места жительства (работы, учёбы) обвиняемого (подозреваемого); справки о том, состоит ли обвиняемый (подозреваемый) на учете в наркологическом, психоневрологическом диспансерах; сведения из допросов близких лиц, соседей, друзей обвиняемого (подозреваемого); выписки из истории болезни и амбулаторные карты из поликлиники, сведения об инвалидности. Важным для характеристики личности обвиняемого (подозреваемого) является его социальное положение и социальное окружение. Это значит, что следует выяснять не только семейное положение (имеется в виду и официальный брак, и длительное сожительство с ведением совместного хозяйства и прочими необходимыми атрибутами), но и сведения о детях (наличие, участие в их содержании и воспитании), пожилых родителях и прочих иждивенцах (с выяснением степени финансового и морального участия в их жизни).

Существенное влияние на избрание меры пресечения могут оказать пол, возраст и состояние здоровья обвиняемого. Это не означает, что должен быть запрет, например, на арест людей пожилого возраста или лиц, страдающих тяжёлыми заболеваниями. Однако указанные обстоятельства должны учитываться в совокупности с иными данными по делу, включая особенности совершенного преступления и иные данные о личности. Учёту также подлежит и возможность соответственных государственных

¹ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41; (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

учреждений предоставить необходимую медицинскую помощь лицу. Часто следователи и судьи абсолютно формально подходят к выяснению необходимых обстоятельств и используют в своих решениях общие фразы, содержание которых из документа непонятно. Например, в проанализированных постановлениях суда о продлении заключения под стражу в качестве меры пресечения о состоянии здоровья обвиняемого упоминается в 18 % постановлениях, но в абсолютном большинстве случаев в соответствующем решении это представлено самыми общими фразами, такими как «сведений о невозможности нахождения под стражей по состоянию здоровья подозреваемого не имеется» или «учитывая состояние здоровья». А из проанализированных автором постановлений суда об избрании меры пресечения эти же фразы встречаются в 22 % постановлений.

Показательными относительно данного критерия являются материалы уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ¹. Из материалов дела следует, что в отношении гр-на К. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ. В этот же день он был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ и допрошен в качестве подозреваемого (от дачи показаний отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ). В тот же день ему было предъявлено обвинение. На следующий день после задержания и предъявления обвинения в отношении К. была избрана мера пресечения — заключение под стражу. Доводы следователя: «Возможность обвиняемого продолжить заниматься преступной деятельностью — незаконной перевозкой наркотических средств, оказать воздействие на свидетелей, скрыться от органов предварительного следствия и суда, поскольку обвиняемый не проживает на территории Красноярского края». Вместе с тем ссылка на то, что обвиняемый (подозреваемый) намерен скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, ничем не подтверждена, а свидетели (за которых теоретически можно было бы опасаться) не названы и в материалах дела не упоминаются. Приведен лишь один довод — обвиняемый не прописан и не проживает на территории Красноярского края. В приведенной ситуации следователь свои предположения фактически ничем не подтвердил.

¹ Уголовное дело № 20179573// Архив Березовского районного суда Красноярского края.

Обвиняемый и его защитник возражали против удовлетворения данного ходатайства следователя, настаивали на применении более мягкой меры пресечения (подписке о невыезде) и приводили такие доводы: К. ранее не судим; скрываться и оказывать давление на свидетелей не собирается, так как он женат, имеет постоянное место жительства на территории РФ, является пенсионером, пожилым человеком, инвалидом 2-й группы и в связи с онкологическим заболеванием нуждается в лечении, которое нельзя провести в условиях изоляции от общества. Тем не менее суд решил избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу, сославшись (подобно следователю) на характер и тяжесть инкриминируемого деяния, не являющегося законным основанием для этого. Причем по логике суда вид и размер изъятого у обвиняемого наркотического средства (героина) в сочетании с его пенсионным статусом сам по себе доказывают, что обвиняемый понимает и осознает тяжесть возможного наказания. Поэтому он, осознавая тяжесть возможного наказания (лишение свободы на срок до 10 лет), может продолжить заниматься преступной деятельностью и скрыться от органов следствия и суда. Через два месяца срок содержания под стражей был продлён.

В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей следователь, обосновывая необходимость продления срока содержания под стражей, указал: по делу необходимо ознакомить К. и его защитника с полученными экспертизами, предъявить К. новое обвинение и ознакомить с материалами уголовного дела, составить обвинительное заключение; в связи с тем, что К. — житель другой области, он может скрыться от органов предварительного следствия и суда; поэтому с учетом степени общественной опасности совершённого К. преступного деяния, а также для обеспечения исполнения приговора оснований для отмены и изменения меры пресечения нет. То есть следователь просит продлить срок заключения под стражу, так как ему удобно держать обвиняемого «под рукой». Более того, он мотивирует это обеспечением исполнения приговора, которого ещё нет, и общественной опасностью преступления, вина К. в котором не установлена. Суд ходатайство удовлетворил и срок ареста продлил. Ещё через два месяца следователь вновь обращается с ходатайством о продлении срока содержания под стражей на месяц с аналогичной (практически слово в слово) аргументацией. Причем следователь не дает ответа

на принципиальные вопросы: почему ситуация не изменилась к моменту практически завершённого расследования и каким образом обвиняемый может оказать воздействие на свидетелей преступления, если уже имеются их показания в материалах дела? Странной выглядит и ссылка на тяжесть преступления, не являющаяся основанием для избрания меры пресечения. В то же время адвокат обвиняемого заявил ходатайство об изменении ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на залог, обосновав это тем, что К. является пенсионером, ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту жительства характеризуется положительно, бессрочно является инвалидом 2-й группы (рак щитовидной железы 4-й степени, рак предстательной железы 2-й степени, метастазы в почках). Сын обвиняемого выразил желание внести залог деньгами в сумме 500 000 руб. и снял для него квартиру в г. Красноярске. К. пояснил, что за время нахождения в СИЗО у него ухудшилось состояние здоровья, необходимого лечения он не получает, поскольку отсутствуют специалисты и нужные медикаменты; кроме того, у него появились новые заболевания, которых ранее не было. Помощник прокурора поддержал ходатайство адвоката. Учитывая доводы защитника, суд своим решением изменил ранее избранную меру пресечения на залог в сумме 1 000 000 руб. (хотя и не обосновал, почему считает сумму залога, предложенную сыном обвиняемого, недостаточной и увеличил её в два раза).

Таким образом, видно, что правоприменители на практике свои решения фактически не мотивируют или делают это с помощью ссылки на норму закона (в данном случае отсылают к тексту ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса), не приводят оснований для избрания той или иной меры пресечения, а зачастую обосновывают свою позицию и вовсе недопустимыми аргументами, такими как тяжесть преступления (в совершении которого вина лица ещё не установлена судом и не является предметом рассмотрения).

Под «другими обстоятельствами», указанными в ст. 99 УПК РФ, подразумеваются те, которые способствуют избранию конкретного вида избираемой меры пресечения. В постановлении Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 указывается, что ими могут быть, например, совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности явка с повинной,

активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда¹. Кроме того, к таким обстоятельствам можно отнести сотрудничество со следствием, особенности поведения при задержании и т. п. Среди рассмотренных постановлений суда нам встретились такие примеры дополнительных обстоятельств-аргументов: «намерение обвиняемого сотрудничать со следствием» — 3, «явка с повинной» — 4, «при задержании пытался скрыться, оказывал активное физическое сопротивление при задержании» — 2, «нарушил ранее избранную меру пресечения» — 5, «нарушал общественный порядок» — 2, «скрывался от органов следствия или был объявлен в розыск» — 2.

В настоящее время норма закона о наличии или отсутствии постоянного места жительства у подозреваемого сводится к наличию у него регистрации в том населенном пункте, где им было совершено преступление, что само по себе является нарушением п. 1 ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Законодатель указывает на наличие постоянного места жительства на территории Российской Федерации, а не в пределах определенного населенного пункта. Так, если подозреваемый зарегистрирован во Владивостоке, а совершил преступление в Красноярске, то в постановлении о возбуждении ходатайства следователь не может давать такую формулировку обоснования, как «подозреваемый не имеет регистрации в Красноярске». Подобное толкование закона недопустимо и может быть оспорено защитой в кассационном порядке. Особенно недопустима такая формулировка при отсутствии иных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. На практике этот довод и следователи, и судьи используют в своих решениях достаточно часто. Но сам по себе факт регистрации гражданина по тому или иному адресу не является бесспорным свидетельством наличия у него определенного места жительства. Зачастую подозреваемый может быть зарегистрирован по определенному адресу, а фактически проживать на съемной квартире, у жены,

¹ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41; (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

сожительницы, родственников, знакомых или не иметь постоянного места жительства вообще. Поэтому в ходе допроса следователь должен самым тщательным образом выяснить у подозреваемого сведения о фактическом месте его проживания и в случае необходимости допросить знакомых, близких, соседей подозреваемого. Вместе с тем на практике встречается и чрезмерное внимание к этому вопросу. В изученных автором постановлениях суд и следователь указывали не только на наличие или отсутствие постоянного места жительства лица, наличие или отсутствие у него регистрации, но и на то, проживает ли обвиняемый по месту регистрации, а также, аргументируя пользу избрания меры пресечения, на место проживания (населённый пункт) и даже продолжительность проживания в регионе.

Как видно, суд не всегда с достаточной полнотой исследует данные, подтверждающие необходимость применения конкретной меры пресечения; зачастую следователи и судьи в своих постановлениях формально перечисляют указанные в ст. ст. 97, 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ основания для избрания меры пресечения. Данные о личности подсудимого не связаны с итоговым выводом; даже не всегда можно понять, учитывались ли вообще перечисленные сведения о личности подозреваемого или обвиняемого и как именно они повлияли на итоговое решение, были ли собраны в достаточном объеме. Практически ни в одном из рассмотренных актов не дана оценка доводам защиты.

Итак, для доказывания в рассматриваемом производстве характерна необходимость подтверждения наличия:

- обоснованного подозрения в причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления определенной степени тяжести и общественной опасности;
- фактов противоправных действий, направленных на сокрытие следов преступлений, воздействия на свидетелей и потерпевших и уклонения от следствия и суда;
- фактов, свидетельствующих о высокой вероятности совершения указанных выше противоправных действий.

Поскольку избрание меры пресечения всегда проходит в три этапа (*на первом устанавливается причастность лица к преступлению (в степени обоснованного подозрения), затем выясняется наличие или отсутствие необходимости избрания какой-либо меры пресечения вообще. Если такая необходимость есть, то правоприменитель переходит к третьему этапу, на котором из предложенного*

законодателем компетентному органу перечня следует выбрать конкретную, подлежащую применению в данном случае меру пресечения), то сделать наиболее вероятностный вывод об определенных намерениях обвиняемого (подозреваемого) можно только в результате оценки (интерпретации) трех групп обстоятельств:

- указывающих на причастность лица к совершению преступления;
- свидетельствующих о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения (имеются в виду обстоятельства, устанавливающие, что есть реальный риск нежелательного поведения лица и применение меры какой-либо пресечения необходимо);
- характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого).

Также на основании всего изложенного выше в данном параграфе можно сделать следующие выводы:

– все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рассматриваемом производстве, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ;

– причастность лица к совершению преступления — это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему именно в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление;

– под основанием выбора меры пресечения понимается вывод, сделанный следователем исходя из собранных доказательств, из которого вытекает необходимость применения конкретной меры пресечения.

В параграфе подробно проанализировано, как могут быть обоснованы доводы о предполагаемом противоправном поведении обвиняемого или подозреваемого.

Автором обозначены пределы доказывания в рассматриваемом производстве. Обосновано, то, что первая группа обстоятельств, подлежащих доказыванию (обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления), доказываются в пределах, необходимых для обоснованного подозрения в совершении конкретного преступления конкретным лицом.

Доказательств первой группы обстоятельств будет достаточно, если они как минимум достоверно устанавливают событие преступления (или такие составляющие его элементы, без которых объективной стороны состава преступления быть не может), в максимальной степени вероятности указывают на причастное к его совершению лицо.

Вторая (обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения) — в пределах, необходимых для достоверного подтверждения существования позитивных и/или негативных характеристик обвиняемого или подозреваемого.

Доказательств второй группы будет достаточно, если они позволяют дать точное описание поведения обвиняемого, а также судить о его личностных качествах (оценочных суждений недостаточно).

Третья (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого) — в пределах, необходимых для достоверного установления иных обстоятельств, свидетельствующих в пользу избрания той или иной меры пресечения.

Доказательств третьей группы будет достаточно, если они достоверно подтверждают существование обстоятельств, которые позволяют отдать предпочтение конкретной мере пресечения.

В целом доказательств будет достаточно, если они позволяют сделать правдоподобный вывод (прогноз) о будущем поведении обвиняемого.

2.2. Прогнозирование поведения обвиняемого (подозреваемого): средства установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при избрании меры пресечения судом

Отличительная особенность доказывания в производстве об избрании меры пресечения заключается в том, что оно нацелено чаще всего не на установление событий прошлого, а на прогнозирование будущего поведения обвиняемого (подозреваемого).

В. М. Корнуков и С. И. Вершинина верно отмечают, что «практически меры пресечения, в том числе и арест, в подавляющем

большинстве случаев применяются на основе вероятного знания. Требование достижения достоверного знания в этих случаях выглядит лукавством, виртуальным представлением о действительности... И 30 лет назад, и сейчас в постановлениях следователей и судей о применении мер пресечения в обоснование принимаемого решения вместо конкретных фактических обстоятельств зачастую воспроизводится почти дословно текст ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса»¹

Вопрос прогнозирования ранее подробно не рассматривался в работах учёных-процессуалистов; это скорее «вотчина» юридической психологии, социологии, социальной физики и криминологии. Но в данном исследовании говорится о том, что следователь, дознаватель, прокурор и суд фактически должны спрогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) и обосновать этот прогноз. Значит, необходимо понять, имеют ли они такую возможность в принципе, а если да, то что для этого нужно. Необходимо разобраться в понятии прогнозирования и специфике этой деятельности, для того чтобы понять, как применять такую форму познания на практике.

С.И. Вершинина в своем исследовании справедливо указывала, что «в уголовном судопроизводстве определить баланс в соотношении публичных и личных интересов достаточно сложно, поскольку в большинстве случаев необходимость ограничения прав и свобод человека в указанной сфере возникает в связи с предположением о его возможном противоправном поведении»².

В науке существуют диаметрально противоположные точки зрения на проблему прогнозирования поведения человека и саму возможность такого прогноза. Так, некоторые ученые полагают, что прогноз вообще невозможен. Например, для западных футурологов типично отрицание объективной обусловленности будущего³. Говоря об «образах будущего», они обычно рассматривают их лишь как предпочитаемые человеком варианты,

¹ Корнуков В.М., Вершинина С.И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19–23.

² Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 3

³ См.: Дьячкова Ю.Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

развёртываемые его воображением в «сценарии будущего»¹. В целом эту логику рассуждений понять можно. Основным аргументом в поддержку подобных утверждений является ненаучность знания, полученного в результате прогноза индивидуального поведения. Действительно, как этот прогноз может быть научным? Проблема отличия науки от других форм познавательной деятельности — это проблема демаркации, что подразумевает поиск критериев разграничения собственно научного знания и вненаучных построений. Как известно, научное знание всегда обладает такими критериями, как объективность, системность, постоянная методологическая рефлексия, строгая доказательность, обоснованность полученных результатов, достоверность выводов. Может ли следователь получить такое «научное знание», если он не обладает специальными знаниями в области психологии или социологии и у него отсутствует образование психолога? Сделанный следователем вывод невозможно подтвердить опытным путём (эмпирически); важную роль в принятии решения играют интуиция и опыт следователя или дознавателя (жизненный и профессиональный), а также сложившаяся устойчивая практика. Достоверность же сделанных выводов невозможно оценить на тот момент времени, когда даётся прогноз, да и в дальнейшем (например по окончании расследования) сделать это будет крайне сложно.

Так, Энтони Винер в предисловии к книге профессора Т. Джонса утверждает: «Будущее не существует, оно не представляет в наше распоряжение никаких фактов. Мы не можем поэтому изучать его научными методами»².

Вторая же группа учёных, в том числе и абсолютное большинство отечественных психологов и криминологов, считают, что прогноз индивидуального поведения сделать вполне реально и конфликта такого вида познания с общими законами гносеологии нет. Историческое познание постигает прошлое объекта посредством отражения его «следов» в настоящем, прогностическое познание (предвидение) даёт образы будущего, опосредованные его «зародышами», «ростками», тенденциями

¹ Polak F. L. Responsibility for the future // Images for the future: the twenty first century and beyond. Buffalo, 1976. P. 11; Bell W. Futuristics and social behavior // Ibid. P. 58.

² Jones Th. Options for the future. A comparative analysis of policyoriented forecasts. New York, 1980. P. 9.

в современной действительности¹. Соответственно, те объекты, с которыми может работать следователь, дознаватель или суд, имеются в действительности и являются объектами доказывания.

Определение вероятности совершения в будущем преступления тем или иным конкретным лицом составляет прогнозирование индивидуального преступного поведения. Главное внимание при этом переносится на особенности личности². Поведение обвиняемого нужно рассматривать как совокупность свойств, качеств и навыков, которые можно обнаружить органолептически или научно-техническими средствами и исследовать их³. Поведение любого человека — это результат взаимодействия различного рода обстоятельств, среди которых важную роль играет сама личность⁴.

В литературе предлагается несколько определений термина «прогнозирование». Прогнозирование в широком смысле — предвидение, вообще получение любой информации о будущем. В узком смысле — специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явлений⁵. Криминалистическое прогнозирование — это деятельность по составлению прогнозов, основанная на общих и частных теориях прогностики, то есть научно обоснованное предвидение и предсказание событий, развития и изменения конкретных свойств и признаков объектов, закономерностей, научных концепций из области науки криминалистики⁶.

¹ См.: Дьячкова Ю.Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 25.

² См.: Алауханов Е. Криминология: учебник. Алматы, 2008. 429 с.

³ См.: Биленчук П.Д. Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1983. С. 10.

⁴ См.: Алауханов Е. Указ. соч.

⁵ См.: Серёгина В.В., Шаповалова Л.Н., Середина М.Н. Социальное проектирование и конструирование как социально-философская теория и общественная практика [Электронный ресурс] // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2016. Т. 40. С. 59–63. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/56901.htm> (дата обращения: 03.04.2018); Никитина В.В. Теоретико-методологические основы социально-экономического прогнозирования реформ [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 357. Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-sotsialno-ekonomicheskogo-prognozirovaniya-reform> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ См.: Биленчук П.Д. Указ. соч. С. 14.

Под психологическим прогнозом при расследовании преступлений целесообразно понимать научно обоснованное суждение следователя о возможных психологически детерминированных линиях поведения участников следственных действий в будущем и (или) об альтернативных путях их достижения¹.

Выявление вариантов развития или изменения объекта дает возможность выбирать тактику и стратегию взаимодействия с этим объектом, управления объектом, выработки технологии воздействия на него, выбора путей планомерной реализации нововведений².

Таким образом, учёные считают прогноз результатом отражения, опосредованным прошлыми и настоящими событиями, тем самым придавая прогнозу статус научной адекватности³.

Ю. Е. Дьячкова указывает, что «получение теоретических знаний (о психологии. — Прим. авт.) будущими следователями должно осуществляться в период их обучения в вузах. Следователям, не имеющим юридического образования, указанные выше знания, навыки и умения необходимо прививать в рамках служебной подготовки»⁴. Это предложение нам кажется несколько сомнительным. Можно ли обучить на юридическом факультете вуза, в юридическом колледже или на практике следователя тому же, чему пять лет неотрывно и целенаправленно учат будущих психологов, которые многие годы потом ещё совершенствуются на практике? Прослушать полугодовой курс под названием «Юридическая психология» или прочитать книгу по психологии — это ещё не значит стать психологом. Так же, как нельзя стать первоклассным следователем, прочитав ряд занимательных детективов. Не отрицая необходимости обучать будущих следователей основам психологии, всё же думается, что нужно дать им в руки действенную методику работы в различных направлениях. Именно поэтому хорошо иметь некоторый обязательный для выполнения алгоритм действий для решения вопроса о мере пресечения. Наибольшая сложность при прогнозировании заключена в его объекте и, как ни парадоксально,

¹ См.: Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя // Следователь. 2003. № 4. С. 44–45.

² См.: Серёгина В. В., Шаповалова Л. Н., Середина М. Н. Указ. соч.

³ См.: Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников ... С. 25.

⁴ Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя ... С. 45.

в субъекте, который сегодня осуществляет это прогнозирование (по большей части на интуитивном уровне). Прогнозируется индивидуальное поведение человека, но каждый человек несёт в себе целую совокупность свойств и качеств — и физических, и психологических, и социальных. Выбрать среди них наиболее значимые для прогноза — это та задача, с которой бывает не под силу справиться непрофессионалу. Вместе с тем следователь (или дознаватель) обладает столь большим количеством информации по делу, что он может иметь предубеждённость в отношении обвиняемого (подозреваемого). Возможно, к моменту решения этого вопроса у следователя (дознавателя) уже сформировалась личная неприязнь к подозреваемому или обвиняемому. На решение следователя ходатайствовать о заключении под стражу могли повлиять совершенно разные второстепенные факторы — от грубости обвиняемого или нежелания идти на контакт и сотрудничать со следствием до фотографий жертвы преступления или эмоциональных показаний потерпевших. Именно поэтому следователь (дознаватель) должен иметь возможность привлекать к данной работе специалиста-психолога.

Научное предвидение основывается на выявлении закономерностей развития явления или события, когда известны причины его зарождения, формы функционирования и ход развития. Прогнозирование есть форма предвидения, выражающаяся в целеполагании, программировании и управлении планируемым процессом явления на основе выявленных параметров его возникновения, существования, устойчивых форм и тенденций развития. Эта форма связана с предвидением направления развития явления в будущем посредством переноса на него представлений о том, как оно развивается в настоящем. Указанный перенос осуществляется с помощью методов экстраполяции, моделирования и экспертизы¹. Ни следователь, ни дознаватель, ни судья не обладают навыками работы указанными методами. А значит, для составления хоть сколько-нибудь вероятного и обоснованного прогноза необходимо привлекать эксперта.

В целом проблема прогнозирования индивидуального преступного поведения еще нуждается в основательной разработке с привлечением достижений психологии, других наук. В частности, актуальной задачей является создание компактной модели

¹ См.: Серёгина В. В., Шаповалова Л. Н., Середина М. Н. Указ. соч.

прогноза, разработка пригодных для практики правил, процедур, способов ее применения¹.

В основе прогнозирования индивидуального преступного поведения находятся анализ личности человека, изучение закономерностей его поведения и особенностей реагирования на определенные обстоятельства². Однако методы прогнозирования в литературе предлагаются различные. Так, Д. Е. Зайков выделяет следующие методы:

– экстраполяции — основывается на сходности поведенческих реакций в сходных условиях; наиболее эффективным является составление краткосрочных прогнозов, хотя личность человека может измениться, а соответственно изменятся и реакции, но так как процесс изменения личности длительный, погрешность прогнозирования будет невелика;

– экспертных оценок — наиболее эффективен; в качестве экспертов могут выступать родители, родственники, медики, специалисты-психологи. Этот метод является основным методом при криминологическом прогнозировании в процессе принятия решения по уголовному делу;

– моделирования — базируется на расчете усредненной вероятности совершения преступлений на основе коэффициента преступности. В Российской Федерации ежегодно совершает преступление один из 50 человек, поэтому усредненная вероятность 1/50, а в процессе совершения преступления вероятность равна единице. Для совершения преступления усредненная вероятность у конкретного человека должна повыситься в 50 раз, ее увеличивают различные криминогенные качества и криминогенные обстоятельства.

В качестве ещё одного действенного метода прогнозирования некоторые учёные выделяют социальное проектирование. Проектирование социальных процессов направлено на внесение изменений в социальную среду человека. Оно в идеальной форме задает эти изменения, которые осуществляются в последующей реализации проекта³.

¹ См.: Алексеев А. И. Криминология [Электронный ресурс]: курс лекций. М., 1999. Лекция 12: Изучение личности преступника. Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://lawbook.online/page/kriminolog/ist/ist-15—idz-ax237—nf-13.html> (дата обращения: 06.03.2018).

² См.: Зайков Д. Е. Криминология. М., 2008. 24 с.

³ См.: Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования / под ред. Е. М. Бабосова. Минск, 1989. 188 с.

Социальное проектирование — это проектирование социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений. В отличие от проектирования таких объектов, при изменении которых не учитывается субъективный фактор, при проектировании социальных объектов этот фактор должен учитываться. Его учет во многом предопределяет специфику социального проектирования. При этом в основание социального проектирования должны быть заложены следующие параметры:

- противоречивость социального объекта;
- многовекторность развития социального объекта;
- невозможность описания социального объекта конечным числом терминов любой социальной теории (принципиальная неформализуемость);
- многофакторность бытия социального объекта;
- наличие множества субъективных составляющих, определяющих соотношение должного и сущего в отношении развития социального объекта;
- субъективные факторы формирования социального ожидания, социального прогноза и социального проектирования;
- факторы, определяющие разные критерии оценки зрелости развития социального объекта¹.

Профессор М. Д. Шаргородский справедливо отмечает, что при оценке прогноза социальных явлений следует иметь в виду, что социальный прогноз — это большей частью не одновариантное «пророчество», которое обязательно должно «сбыться». Прогноз социальных явлений, как правило, вариативен, он сам воздействует на человеческое поведение, и развитие событий может пойти вопреки прогнозу или с учётом этого прогноза. Ценность прогноза заключается часто (и, может быть, чаще всего) в том, что он вызывает силы, способные мешать его наступлению. Прогноз не одновариантен, не фатален, а многовариантен. Не предсказывая неизбежность наступления какого-либо события, он сам создаёт возможность путём внесения определённых изменений в цепь детерминирующих факторов добиться того, чтобы наступил иной результат. Цель прогноза — руководство действиями, относящимися к будущему².

¹ См.: Курбатов В. И., Курбагова О. В. Социальное проектирование: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2001. С. 8.

² Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1. С. 40–50.

С таким подходом в целом можно согласиться; считаю, что прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого), представляемый следователем, является лишь наиболее вероятным вариантом развития событий, который можно предположить, исходя из имеющихся исходных данных. Такой прогноз делается не просто «для сведения», а с вполне конкретной целью: следователь, предположив большую возможность (высокую вероятность) противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого), может собственными действиями корректировать это поведение или предупредить его. Вопрос в том, может ли следователь самостоятельно делать прогнозы подобного рода. Прогноз становится возможным тогда, когда следователь может выбрать из разнообразия собранных данных информацию, отражающую свойства личности конкретного лица и возможные тенденции его поведения. Как показало исследование, проведённое П. Д. Биленчуком¹, 71,2 % опрошенных следователей, готовясь к допросу обвиняемого, прогнозируют его поведение, 25,7 % прогнозируют не всегда, и только 3,1 % ответили, что не прогнозируют. Однако на вопрос об эффективности прогнозирования 73,2 % следователей ответили, что прогнозы оправдываются, 26,8 % указали, что их прогнозы оправдываются редко.

В ходе данного исследования было проведено самостоятельное анкетирование правоприменителей для проверки выдвинутой версии о необходимости прогноза поведения лица, в отношении которого избирается мера пресечения. В результате получены данные: при ответе на вопрос «Есть ли необходимость прогнозировать поведение обвиняемого (подозреваемого) по уголовному делу при избрании ему меры пресечения?» опрашиваемые могли выбрать ответ а) «да, это важно, я стараюсь прогнозировать будущее поведение обвиняемого (подозреваемого)» или ответ б) «нет, в этом нет необходимости, я не делаю таких прогнозов».

Приведем результаты:

- следователи (дознаватели): а) 69,4 %, б) 30,6 %;
- прокуроры: а) 40 %, б) 60 %;
- адвокаты: а) 83,3 %, б) 16,7 %;
- судьи: а) 69 %, б) 31 %.

Как видим, при равной в целом картине из общей тенденции выбиваются только прокурорские работники. Возможно, что это

¹ См.: Биленчук П. Д. Указ. соч. С. 15.

связано с тем, что они не принимают самостоятельного итогового решения о применении меры пресечения и не несут ответственности за него, а потому не относятся к решению данного вопроса достаточно серьезно.

Профессор М. Д. Шаргородский также указывает, что для того, чтобы прогноз был наиболее правилен, а значит и эффективен, необходимы: а) знание объективных фактов прошлого и настоящего; б) знание законов развития; в) объективная оценка совокупности взаимодействующих факторов¹. Он же, рассматривая различные виды криминалистического прогнозирования (как части социологии права), писал о том, что «среднее» поведение коллектива предсказать всегда труднее, чем действия каждого из его членов. Неизбежно возникает вопрос: способен ли суд удовлетворить предъявляемые к нему требования такого прогноза?²

И действительно, нужно признать, что сегодня следователь (дознаватель), прокурор и суд строят свой прогноз на основании интуиции и предыдущего опыта — собственной или устоявшейся практики правоприменения в похожих случаях. Поэтому верно пишет М. Д. Шаргородский, что при существующем положении вещей этот прогноз не соответствует тем данным, которые уже сейчас достигнуты наукой о человеке и обществе. Чтобы прогноз был по возможности правилен, необходимо сотрудничество суда с психологами и педагогами³. Прогнозируя индивидуальное будущее поведение, мы действительно имеем дело с явлениями, которые «содержат слишком много переменных для практического исследования во всех подробностях»⁴. Но сейчас психолог может найти подход, с помощью которого он сумеет получить необходимую информацию. При всех недостатках и ошибках такой прогноз гораздо лучше, чем чисто интуитивный, который имеет место в настоящее время⁵. Специалист-психолог в силу наличия специального образования и опыта обладает достаточными знаниями, чтобы определить, например, тип личности преступника, отличить ложное

¹ Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Эшби У. Р. Введение в кибернетику / под ред. В. А. Успенского. М., 1959. С. 163.

⁵ См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 50.

от истинного, понять его отношение к возможному наказанию, выявить действительные интересы и жизненные приоритеты личности. Кроме того, такой специалист просто не запутается в огромном массиве имеющейся информации; он способен её фильтровать, отбирая наиболее существенное для разрешения поставленного вопроса. Именно поэтому только с помощью заключения психолога можно построить обоснованный прогноз индивидуального поведения.

Объективно при обращении в суд с ходатайством о применении в качестве меры пресечения залога, домашнего ареста, запрета определенных действий или заключения под стражу следователь или дознаватель, как правило, не имеют достаточного времени для получения заключения психолога. Однако видится целесообразным рассмотреть вопрос о необходимости получить заключение специалиста-психолога в тех случаях, когда следователь или дознаватель обращается в суд с ходатайством о продлении срока домашнего ареста или заключения под стражу свыше трех месяцев. Причём нужно дать возможность предоставить документы и доказательства для дачи такого заключения специалисту не только следователем, но и адвокатом. Не всегда возможно дать психологу много времени для общения с лицом и изучения всех необходимых документов, предоставленных следователем и адвокатом, но даже такой анализ будет полезен суду и позволит сделать применение таких мер пресечения, как заключение под стражу, более обоснованным, а саму процедуру — более прозрачной и профессиональной. Например, сегодня в арсенале профессиональных психологов достаточно много разнообразных экспресс-методов определения доминирующих черт личности, скрытых намерений и желаний лица.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при наличии достаточных данных прогнозировать индивидуальное поведение возможно, однако органы и должностные лица, ведущие процесс, не обладают специальными знаниями для построения такого прогноза, поэтому не всегда могут качественно проанализировать имеющиеся у них данные.

Во всех случаях при наличии хотя бы ограниченных научных познаний, а не полного знания обо всех взаимосвязанных причинах, научное прогнозирование достовернее и эффективнее, чем прогнозирование интуитивное. Вот почему

желательно привлечение специалиста-психолога, который более обоснованно сможет рекомендовать те или иные меры для ресоциализации конкретного лица. «Недопустимо решать данные вопросы на основе одной только интуиции, как это сейчас иногда имеет место»¹. Вопрос о личности преступника достаточно неоднозначный и сложный в связи с бесчисленным количеством вкладываемых в данное понятие критериев, временными ограничениями на сбор сведений о личности судом, отсутствием преемственности, взаимодействия между судом и следователем, расследовавшим уголовное дело, в изучении личности, а также скудным количеством источников данной информации².

Значительный интерес при исследовании проблемы прогнозирования поведения представляет собой работа А.П. Закалюка, который ещё в советский период предложил способ практического применения методики прогноза индивидуального преступного поведения³. Он в своей работе ссылается на Ю.В. Солопанова, который непосредственно испытал в прикладных разработках различные методы прогнозирования преступного поведения и в конечном счете пришёл к выводу, что основой такой работы должны быть типизация комплексов признаков и типологизация личности, без чего индивидуальное криминологическое прогнозирование бесперспективно. А.П. Закалюк построил своё исследование на гипотезе о том, что признаки, значимые для прогноза преступного поведения какой-то совокупности лиц, являются для них типическими (относительно их личности или её взаимодействия с социальной средой, либо поведения) и в комплексе образуют модель определённого типа, скажем, личности правонарушителя или (на другом уровне типологизации) антиобщественного (преступного) поведения ранее судимого или тунеядца, либо других разновидностей (типов) его субъектов⁴. Это предположение

¹ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 45.

² См.: Южанин В.Е. Оптимизация процесса изучения личности осужденного, применение принудительных и воспитательных мер в ИТУ // Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных: материалы науч.-практ. конференции. Рязань, 1988. С. 134.

³ Закалюк А.П. Опыт создания и применения методики прогноза индивидуального преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. И.И. Карпец. М., 1985. Вып. 43. С. 14–23.

⁴ См.: Закалюк А.П. Опыт создания и применения методики ... С. 16.

подтверждено эмпирическим методом: было проведено серьёзное практическое исследование, и построена соответствующая ему математическая модель. Наибольшую сложность автор видел в выявлении среди всей массы признаков (личности, поведения, преступления, социальной среды и т. д.) таких, которые имеют прогностическое значение.

Необходимо было научно обосновать ключевые признаки-индикаторы, позволяющие в комплексе выявить и представить интересующую тенденцию¹. Именно эту задачу и решало исследование, для этого и рассчитывалась математическая модель с коэффициентом детерминации признака, кроме того, исследование имело своей задачей вычислить меру связи «признак–результат», а также оценить такую связь. В итоге были установлены наиболее значимые для криминологического прогноза признаки. Эти признаки разделены на две группы: позволяющие говорить о высокой вероятности противоправного поведения в будущем и свидетельствующие о низкой вероятности такого поведения. Например, к первой группе относятся следующие признаки: систематическое злоупотребление спиртными напитками (особенно пьянство по месту жительства), отрицательное поведение по месту жительства, нарушение ранее установленных для лица ограничений, совершение повторных правонарушений, незанятость работой или учёбой, усугубление антиобщественного поведения, невыполнение родительских обязанностей или отсутствие своей семьи, проживание совместно с неродственными лицами и некоторые другие². Представляется, что эти данные носят прикладной характер и могут быть использованы на практике с некоторыми дополнениями, отвечающими современным реалиям.

Представляется, что на основании разработанных признаков и признаков, полученных благодаря изучению практики судебных и следственных органов, можно составить перечень таких обстоятельств, касающихся личности и её социального окружения, которые должны устанавливаться следователем (дознавателем), прокурором и судом всегда, то есть в каждом случае решения вопроса о применении меры пресечения к обвиняемому (подозреваемому). Совокупность этих обстоятельств

¹ См.: Закалюк А.П. Опыт создания и применения методики ... С. 14.

² См.: Там же. С. 19–21.

будет образовывать обстоятельства, подлежащие доказыванию в данном производстве. Так, и в криминальной психологии некоторые исследователи (Ю.М. Анотонян, А.Н. Пастушеня, Е.Г. Самовичев) указывают на необходимость учета криминогенных индивидуально-психологических особенностей лица для прогноза его будущего преступного поведения.

В своём исследовании К.Д. Титаев, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, на основании анализа 10 тыс. судебных решений и цикла экспертных интервью анализирует вероятность избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу. Он указывает, что на этом этапе следователь, как правило, имеет стандартную персональную информацию о подозреваемом (пол, возраст, брачный и семейный статусы), его легальном статусе (судимость, рецидив, статья или статьи обвинения, наличие соучастников), наличии основных смягчающих обстоятельств. Кроме того, следователь с большой степенью точности прогнозирует, признает ли подсудимый вину, сможет ли он собрать положительные характеристики и то, как будет вести себя потерпевший. Все эти факторы играют важную роль в принятии следователем решения о ходатайстве о заключении под стражу.

Понятно, что многие из этих параметров могут меняться по ходу следствия или даже судебного разбирательства, но, как показывают данные качественных исследований, происходит это крайне редко. Признание вины резко снижает вероятность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В интервью следователи утверждают, что на практике заключение под стражу имеет две фактические цели: предотвращение ситуации, в которой подозреваемый скроется, и стимуляция признания вины. Понятно, что, с точки зрения следователя, судимость и отсутствие постоянной работы резко повышают вероятность того, что подозреваемый скроется. Признание же вины (сотрудничество со следствием) часто выступает предметом «торга», когда подозреваемому предлагают признать вину в обмен на избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Наличие же гражданского иска в деле о краже (то есть живого и активного потерпевшего) также резко повышает шансы на предварительное заключение. Деклассированные потерпевшие, как правило, не знают о существовании этого правового института и не имеют

возможности нанять адвоката, который рассказал бы им о таком механизме¹.

Особое внимание нужно уделить не только прежним судимостям обвиняемого или подозреваемого, но и фактам применения к ним мер общественного воздействия за правонарушения, совершение административных проступков, отрицательное поведение в быту и т. п. Также подлежат установлению характер трудовой деятельности, график работы, размер заработной платы. Подлежат рассмотрению вопросы здоровья обвиняемого (подозреваемого), для чего могут быть истребованы амбулаторные карты из поликлиники по месту жительства, сведения об оформленных или оформляемых инвалидностях, карты из медицинских учреждений, в которых проходил лечение подозреваемый или обвиняемый.

К характеристикам личности можно отнести пол, возраст, отношение к работе/учёбе, пристрастие к спиртному и наркотическим веществам, наличие постоянного фактического места жительства, семьи и участие в её жизни. При этом следователь и дознаватель не могут быть лишены права представлять и дополнительные, необходимые в данном случае сведения. Перечень не должен быть закрытым.

Следователь (дознаватель) должен располагать совокупностью доказательств, указывающих на необходимость ограничения свободы и личной неприкосновенности обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления. Эти данные должны быть закреплены в материалах уголовного дела в установленном процессуальном порядке. В постановлении об избрании меры пресечения указывают все обстоятельства, позволившие суду сделать прогноз о дальнейшем поведении обвиняемого. Причём ссылаться и в постановлении, и в соответствующем определении суда следует не на пункт ст. 97 и ст. 99 УПК, как сейчас происходит на практике, а на непосредственные доказательства, которые свидетельствуют о возможности отрицательного поведения лица, конкретные обстоятельства (с указанием листов дела).

Ответы опрошенных практических работников на вопрос «На какие из перечисленных обстоятельств Вы обязательно

¹ См.: Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда // Экономическая социология. 2014. Т. 15, № 3. С. 88–118.

обращаете внимание при решении вопроса об избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?» расположились таким образом (от выбранных наиболее часто к редко выбранным):

1) тяжесть преступления, в котором подозревается (обвиняется) лицо;

2) наличие/отсутствие постоянного места жительства;

3) наличие/отсутствие судимости;

4) характеристики личности обвиняемого (подозреваемого);

5) наличие/отсутствие постоянного места работы;

6) наличие семьи, несовершеннолетних детей;

7) возраст;

8) особенности совершённого преступления (совершено группой лиц; с особым цинизмом; в отношении малолетнего и т. д.);

9) отношение лица к спиртным напиткам и наркотическим веществам;

10) пол;

11) среди иного было предложено: возмещение причиненного вреда; обстоятельства ст. 97 УПК РФ; наличие сведений о том, что обвиняемый угрожает либо может угрожать свидетелям; поведение на следствии.

В материалах уголовных дел крайне редко можно найти доказательства, прямо указывающие на необходимость применения меры пресечения. Чаще всего об этом косвенно свидетельствуют такие обстоятельства дела, как способ совершения преступления, тяжесть преступления, совершение нескольких преступлений, корыстные или иные низменные побуждения, отрицательная характеристика личности обвиняемого, наличие у него судимости и т. д. Однако считаю недопустимым ссылаться на такие «основания», не предусмотренные законом, как «не найдено вещественное доказательство», «не обнаружено орудие преступления», «не успели опросить всех свидетелей» и т. п. Такие доводы следственных органов носят предположительный характер, как правило, не основаны на материалах дела в том смысле, что не известно, будут ли когда-нибудь найдены эти предметы, как и не доказано, что обвиняемый будет препятствовать этому.

То есть, когда идёт речь о таком блоке обстоятельств, подлежащих доказыванию, как обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого) при выборе конкретной меры пресечения, то все подлежащие учёту факторы следует

условно разбить на три группы: данные о личности подозреваемого или обвиняемого; о социальном окружении этой личности; значимые для прогноза особенности совершённого преступления. Только имея все эти данные, можно составить прогноз индивидуального поведения, который будет обладать высокой степенью вероятности.

К данным, характеризующим личность, относятся:

1) общедемографические характеристики: пол, возраст;
2) уровень образования, уровень умственного развития, специальность, жизненный опыт, направленность взглядов, культурный уровень;

3) наличие официального места работы, постоянного легального источника дохода, трудовой опыт и стаж работы; отношение к труду, общепринятым ценностям, участие в общественной жизни;

4) доминирующие черты характера: замкнутый или общительный, деятельный или пассивный, добросовестный или безответственный, мнительный, мстительный, жестокий, грубый, завистливый, добрый и т. п.; наличие и характер хобби и увлечений; привычки антиобщественного характера; желание сотрудничать со следствием; отношение к содеянному.

Вместе с тем, если говорить о чертах характера обвиняемого, в проанализированных постановлениях суда об избрании меры пресечения лишь в нескольких суд в качестве обоснования избрания заключения под стражу среди прочего указывал на черты личности. Например, встречаются фразы: «характеризуется как скрытное лицо, имеются антиобщественные установки», «особая дерзость лица», «агрессивный», «уважением среди односельчан не пользуется», «склонен к совершению правонарушений». Также в нескольких постановлениях нам встретилась фраза «суд учитывает намерение обвиняемого сотрудничать со следствием»;

5) наличие устойчивых социальных ролей, отношение к родителям, супругу и детям, участие в их жизни;

6) данные о ранее совершённых преступлениях и правонарушениях, случаях привлечения к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности, какие меры наказания и кем назначались, выполнялись ли обязанности, наложенные судом, где лицо отбывало наказание и как характеризовалось в этот период. Учету подлежит и наличие преступного опыта и связей в криминальном мире;

7) тяжкие и хронические заболевания, такие как алкоголизм, наркомания, токсикомания, отклонения в сексуальной сфере, психические заболевания, разного рода зависимости (в реальности в постановлениях суда об избрании меры пресечения часто можно встретить не данные о заболеваниях, а общий вывод об отсутствии тяжелых заболеваний, препятствующих нахождению под стражей).

Это не означает, что выяснению и изучению подлежат все перечисленные факторы, но общее представление по каждому пункту у следователя должно быть сформировано.

Сегодня требование об изучении данных о личности при избрании меры пресечения правоприменителями зачастую упускается из виду. Примером является дело № 22к-377¹: отменяя постановление судьи районного суда, которым оставлено без удовлетворения ходатайство органов предварительного следствия в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда указала на то обстоятельство, что постановление суда не отвечает требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Суд не привел в постановлении данные о личности Н., представленные в обоснование доводов следователя.

Негативная практика, указывающая на недостаточное изучение личности, есть и в ЕСПЧ. Так, применительно к обоснованности мер пресечения Европейский суд в деле «Панченко против России» указывает на недостаточность оснований в отдельных случаях, шаблонность и краткость постановлений об избрании меры пресечения. Например, национальный суд несколько раз делает ссылки на «личность» обвиняемого, но эти ссылки не сопровождаются какими-либо пояснениями, и остаётся не понятно, каковы в действительности личностные характеристики заявителя².

Нельзя забывать и о социальном окружении лица. Как известно, человек, личность формируется лишь под влиянием социума. Личность всегда играет определённые социальные роли, является

¹ Уголовное дело № 22к-377 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска

² См.: Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации: (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс — надёжная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Электрон. дан. М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=29457#045252667054492357> (дата обращения: 10.11.2018).

постоянным членом нескольких малых социальных групп (семья, трудовой коллектив, друзья, преступное сообщество и пр.). Ближайшее социальное окружение может как подтолкнуть человека на преступление, так и в целом положительно влиять на него, как быть его постоянными сообщниками в совершении правонарушений, так и добропорядочными гражданами. Нельзя не учитывать эти факторы при избрании, например, таких мер пресечения, как домашний арест или заключение под стражу. В этом «блоке» выяснению подлежат: 1) данные о семье — семейное положение; состав семьи, с кем из членов семьи постоянно проживает, характеристика членов семьи, сложившиеся семейно-бытовые отношения, жилищные условия и материальные условия семьи в целом и обвиняемого (подозреваемого), его участие в совместной деятельности; 2) данные о ближайшем окружении — отношения в трудовом коллективе и общие условия труда, круг общения в сфере досуга, кто оказывает на обвиняемого (подозреваемого) негативное либо позитивное влияние, есть ли на свободе сообщники преступления, имеют ли члены семьи и лица из ближайшего окружения алкогольную или наркотическую зависимости и т. п.

При учёте третьей составляющей — данных о преступлении — нужно помнить, что далеко не все обстоятельства совершения преступления будут иметь значение. Следует искать лишь те стороны и грани совершенного деяния, через которые можем увидеть личность человека, его совершившего, его принципы, установки и мотивацию. Учёту подлежит лишь то, что помогает установить определённую тенденцию в поведении. Такими значимыми характеристиками могут служить обстоятельства, обусловившие совершение преступления: причины и мотивы самого преступления, то, в отношении кого совершено преступление, какие условия способствовали совершению правонарушений либо облегчили его, было ли связано совершённое деяние с пьянством или употреблением наркотиков и иных психотропных веществ, ранее существовавшими конфликтами на работе, в семье, было ли преступление спланированное или ситуативное и т. п. Важным может оказаться и поведение обвиняемого (подозреваемого) сразу после совершения преступления — пытался ли он скрыться, сокрыть следы преступления, оказывал ли сопротивление при задержании.

Однако всегда ли при избрании меры пресечения необходимо опираться на данные о преступлении, личности и её социальном окружении? Нам представляется, что из этого правила может

быть одно исключение. В определённых случаях нет необходимости учитывать данные о личности. Мы говорим о тех ситуациях, когда мера пресечения избирается в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении, например, следующих преступлений: ч. 2 ст. 105, ч. 3, 4 ст. 134, ст. 205, ст. 208, ст. 210, ст. 211, ст. 242.1, ст. 275, ст. 276, ст. 277, ст. 278, ст. 279, ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357 УК РФ¹. Практическая деятельность уже во многом восприняла этот способ действия (избрание заключения под стражу) при совершении подобных преступлений как автоматический, и закон должен реагировать на потребности практики, если это оправданная необходимость, а не ошибка или заблуждение правоприменителя.

Вместе с тем перечисленные преступления обладают такой общественной опасностью, а зачастую и большим общественным резонансом, что для заключения под стражу может быть достаточно одного обоснованного подозрения в совершении такого преступления². То есть следует лишь установить причастность лица к совершению одного из перечисленных преступлений для того, чтобы избрать в отношении его меру пресечения в виде заключения под стражу. По нашему мнению, это предложение не идёт вразрез с сказанным выше и никак не умаляет значения приведённого предложения об обязательном изучении личности обвиняемого (подозреваемого) и его социального окружения. Однако в общем правиле могут выделяться если не исключения, то особые случаи. В своё время профессор М. Д. Шаргородский высказал мнение, что иногда достаточно констатации внешнего проявления, которое на основе прошлого опыта даёт достаточно материала для эмпирического прогноза³.

В этой связи нельзя не вспомнить, что УПК РСФСР в редакции до 12 марта 2001 г. предусматривал особое основание для

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс — надёжная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.09.2019).

² Похожее предложение было высказано в работе И. Р. Нигматулина. См.: Нигматулин И. Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 21–22.

³ Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука // Правоведение. 1971. № 1. С. 45.

ареста к лицам, обвиняемым в совершении преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР, заключение под стражу в качестве меры пресечения.

При анкетировании, проведённом в рамках настоящего диссертационного исследования, на вопрос «Что лично Вам затрудняет решение вопроса об избрании меры пресечения?» (возможны несколько вариантов ответов) 11,8 % опрошенных назвали большую загруженность; 19,7 % — ограниченность процессуальных сроков, некогда вникать в вопрос; 25,2 % — сложность с прогнозированием поведения обвиняемого (подозреваемого); 1,6 % — необходимость в наращивании статистических показателей (такой ответ дали только следователи); 41,6 % — ничего не затрудняет. В качестве иных вариантов ответа были предложены: «практически невозможно повлиять на выбор меры пресечения в связи с обвинительным уклоном правоохранительной системы и судов»; «качество представляемых материалов».

На вопрос «Чего Вам обычно не хватает при решении вопроса об избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому)?» 40,1 % опрошенных ответили «материалов дела, данных о личности»; 2,4 % выбрали ответ «знаний психологии»; 4,7 % — «опыта»; 6,3 % — «письменных рекомендаций для практических работников, которыми можно руководствоваться»; 45,7 % — ничего из перечисленного выше. Как иные варианты ответа были указаны: «данных о заболеваниях, состоянии здоровья»; «несобранность материалов для избрания меры пресечения»; «отсутствие процессуальной независимости».

На вопрос «Если бы у Вас была такая возможность, обратились бы Вы к специалисту-психологу (для получения консультации, заключения о личности обвиняемого) при решении вопроса о выборе меры пресечения?» были предложены варианты ответов: а) да, в каждом случае; б) возможно, иногда в сложных или спорных случаях; в) в этом нет необходимости.

Получены следующие результаты:

- адвокаты: а) 33,3 %, б) 58,3 %, в) 8,3 %;
- прокуроры: а) 12 %, б) 48 %, в) 41,4 %;
- судьи: а) 6,9 %, б) 51,7 %, в) 38 %.
- следователи (дознаватели): а) 0 %, б) 44,9 %, в) 55,1 %.

То есть более половины опрошенных указали, что хотели бы иметь возможность обратиться к специалисту-психологу для

получения консультации и заключения о личности обвиняемого в сложных или спорных случаях.

Практически осуществить это не так сложно, как кажется. Психолог мог бы выступать в качестве специалиста и давать заключение по поставленным следователем вопросам. Поскольку организационно и финансово практически невозможно ввести в штат судов судебных психологов, то разумно было бы поручать подготовку таких заключений дипломированным специалистам в данной области. С целью экономии процессуальных средств, с одной стороны, и обеспечения прав обвиняемому (подозреваемому) — с другой, было бы разумно привлекать этих специалистов при решении вопроса об избрании меры пресечения судом (не в каждом случае, но при необходимости), а главное — при решении вопроса о продлении меры пресечения на срок свыше трёх месяцев. Специалисту-психологу должна быть предоставлена возможность знакомиться с материалами, направляемыми в суд, а также психолог должен иметь возможность лично встретиться с обвиняемым (подозреваемым) до составления заключения. Такой специалист мог бы давать суду письменное обоснованное заключение о необходимости (или *отсутствии необходимости*) применения конкретной меры пресечения и рекомендации о наиболее эффективной мере пресечения в данном случае.

При этом автором не подвергается сомнению способность органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, качественно анализировать имеющиеся у них данные, даже несмотря на отсутствие специальных знаний для построения прогноза индивидуального поведения, но вместе с тем следователь или дознаватель должен иметь возможность привлекать к этой работе специалиста-психолога.

Также целесообразным было бы привлечение специалиста в случае продления наиболее строгих мер пресечения. В частности, в случае, если за истекший срок с момента избрания меры пресечения судом у следователя (дознателя) не появилось дополнительной аргументации, новых доказательств необходимости и целесообразности применения (и продления) этой меры пресечения, то следователь или дознаватель должны иметь возможность обратиться за заключением специалиста к психологу, который может оценить риски нежелательного поведения лица.

При такой процедуре избрания наиболее строгих из имеющих в законе мер пресечения соблюдение прав обвиняемого (подозреваемого) будет гарантировано.

Итак, специфика доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом заключается в прогнозировании, которое осуществляет субъект доказывания. Прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого) является наиболее вероятным вариантом развития событий, который можно предположить исходя из имеющихся сведений. Такой прогноз обосновывается первоначально в ходатайстве и окончательно в решении суда. В случае если за истекший срок с момента избрания меры пресечения судом у следователя (дознателя) не появилось дополнительной аргументации, новых доказательств необходимости и целесообразности применения (и продления) этой меры пресечения, то следователь или дознаватель должны иметь возможность обратиться за заключением специалиста к психологу, который может оценить риски нежелательного поведения лица.

Заключение

Для настоящего исследования содержание некоторых понятий было уточнено:

- *процессуальная форма* — совокупность нормативно-установленных (единых и обязательных) правил и требований, организующих (приводящих в движение, упорядочивающих) уголовно-процессуальную деятельность на всем её протяжении. Совокупность принципов, гарантий, общих условий, прав и обязанностей субъектов и участников уголовного процесса и есть форма процесса;

- *уголовно-процессуальное производство* — совокупность стадий уголовного процесса, направленная на достижение собственных целей, соотносящихся с целями уголовного процесса, обладающая собственным предметом рассмотрения, которая реализуется субъектами уголовного процесса в соответствии с закрепленной в законе процедурой уголовно-процессуальной деятельности, итогом которой является судебное решение;

- *меры пресечения* — применяемые компетентными субъектами меры уголовно-процессуального принуждения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, оказывающие на обвиняемого (подозреваемого) определённое психологическое воздействие или временно ограничивающие его права и свободы в целях исключения возможности для обвиняемого (подозреваемого) уклониться от дознания, предварительного следствия или суда, помешать установлению истины по делу или заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора;

- *меры пресечения, избираемые судом*, — наиболее строгие меры уголовно-процессуального принуждения, решение о применении которых требует особого процессуального порядка. Их принимают в целях обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства; они оказывают на обвиняемого

(подозреваемого) определённое психологическое воздействие, временно ограничивают его права и свободы.

Применение обоснованной и законной меры пресечения имеет превентивную функцию, пресекая и предупреждая новые преступления или правонарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого).

Любое процессуальное производство обладает следующим набором признаков: 1) реализуется компетентными должностными лицами и уполномоченными органами государства из числа субъектов уголовного процесса при обязательном участии суда, как органа, принимающего итоговое решение; 2) всегда включает в себя более одной(го) стадии или этапа уголовного процесса; 3) является доказательственным; 4) направлено на достижение собственных, конкретных целей, которые согласуются с целями и задачами уголовного процесса; 5) имеет собственный предмет рассмотрения; 6) имеет нормативно закреплённый порядок; 7) завершается итоговым актом, постановляемым судом.

Проведенное исследование позволило обосновать, что самостоятельное уголовно-процессуальное производство по избранию меры пресечения будет только там, где есть судебный контроль, то есть решение об избрании меры пресечения суд принимает в результате осуществления одной из его функций — судебного контроля. Такое производство является доказательственным и имеет целью обеспечение нормального хода основного производства по делу и соблюдение прав и свобод лица, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения.

Применение законной и обоснованной меры пресечения имеет превентивную функцию — пресечение и предупреждение новых преступлений или правонарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем автором обосновано предложение внести в закон специальную (дополнительную) цель избрания заключения под стражу: предотвращение общественных волнений и/или нарушений общественного порядка, если оставление лица на свободе может привести к таковым.

Уточнена функциональная направленность деятельности субъектов производства (следователя, дознавателя, прокурора и суда) в производстве по избранию судом меры пресечения и определены пределы их полномочий:

– следователь или дознаватель в рассматриваемом производстве реализует функцию обоснования вывода о необходимости

избрания определенной меры пресечения (путем заявления соответствующего ходатайства и участия в его рассмотрении судом);

– прокурор от имени государства осуществляет надзор за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства, в связи с чем может поддержать заявленное следователем или дознавателем ходатайство либо отказаться от его поддержания, обеспечивая соблюдение законности избрания меры пресечения;

– суд реализует функцию судебного контроля путем рассмотрения и разрешения ходатайства в порядке судебного разбирательства.

Обосновано, что пределы полномочий указанных субъектов могут выражаться в следующем:

- отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не прекращает производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения. При этом следователю предоставляется право поддерживать заявленное ходатайство;

- отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства обязателен для суда, если прокурор также откажется поддерживать его;

- дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

- отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства обязателен для суда.

В этой связи представляются вполне обоснованными предложения по созданию института специализированных органов судебной власти — федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия.

Также в работе обосновано, что в целях обеспечения состязательности и равенства прав сторон стороне защиты должно быть предоставлено право ознакомления с материалами производства до судебного заседания, а потерпевшего и его представителя надлежит уведомлять о назначении судебного заседания по рассмотрению ходатайства следователя об избрании меры пресечения; также потерпевшему и его представителю должно быть предоставлено право участвовать в рассмотрении судьей ходатайства о применении меры пресечения.

Сформулировано предложение сократить срок содержания под стражей при избрании заключения под стражу до месяца. Вместе

с тем указывается на необходимость дополнительной обоснованности и мотивированности позиции о продлении срока содержания. Так, органы предварительного расследования обязаны предоставить суду новые аргументы, дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость принятия данного решения, а также сведения о процессуальных и иных действиях, произведенных в период нахождения лица под стражей, обоснование необходимости проведения ранее не произведенных следственных и иных процессуальных действий и причин невозможности их проведения до момента обращения в суд с соответствующим ходатайством.

Специфика доказывания для производства по избранию меры пресечения судом заключается в прогнозировании будущего поведения; в том, что вывод всегда вероятностный. Общими объектами исследования, имеющими значение для субъекта доказывания в данном производстве, являются преступление, личность и ближайшее социальное окружение обвиняемого (подозреваемого).

В результате исследования установлено, что в каждом случае при избрании меры пресечения субъектам доказывания надлежит устанавливать: 1) обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого (в эту группу включаются, среди прочего, данные о социальном окружении этой личности; значимые для прогноза характеристики совершённого преступления); 3) обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания конкретной меры пресечения (залога, домашнего ареста, запрета определённых действий или заключения под стражу). Это значит, что в каждом случае требуются доказательства, которые, с одной стороны, подтверждают участие лица в совершении преступления в степени обоснованного подозрения (причастность к преступлению, активная роль в совершении преступного деяния), а с другой — указывают на совершение действий по воспрепятствованию осуществлению уголовного правосудия либо на реальную возможность совершения указанным лицом подобных действий, либо на то, что оно будет продолжать заниматься преступной деятельностью.

Все обстоятельства, подлежащие доказыванию в рассматриваемом производстве, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В работе обосновано, что причастность лица к совершению преступления — это обстоятельство, подлежащее доказыванию в степени обоснованного подозрения, необходимое для того, чтобы говорить, почему именно в отношении данного лица ставится вопрос об избрании меры пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных сведений о том, что лицо могло совершить преступление.

Автором обозначены пределы доказывания в рассматриваемом производстве. Обосновано, что первая группа обстоятельств, подлежащих доказыванию (*обстоятельства, указывающие на причастность лица к совершению преступления*), доказываются в пределах, необходимых для обоснованного подозрения в совершении конкретного преступления конкретным лицом. Доказательств первой группы обстоятельств будет достаточно, если они, как минимум, достоверно устанавливают событие преступления (или такие составляющие его элементы, без которых объективной стороны состава преступления быть не может), в максимальной степени вероятности указывают на причастное к его совершению лицо.

Вторая (*обстоятельства, свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания меры пресечения*) — в пределах, необходимых для достоверного подтверждения существования позитивных и/или негативных характеристик обвиняемого или подозреваемого. Доказательств второй группы будет достаточно, если они позволяют дать точное описание поведения обвиняемого, судить о его личностных качествах (оценочных суждений не достаточно).

Третья (*обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого*) — в пределах, необходимых для достоверного установления иных обстоятельств, свидетельствующих в пользу избрания той или иной меры пресечения. Доказательств третьей группы будет достаточно, если они достоверно подтверждают существование обстоятельств, которые позволяют отдать предпочтение конкретной мере пресечения.

В целом доказательств будет достаточно, если они дают возможность сделать правдоподобный вывод (прогноз) о будущем поведении и обвиняемого.

Кроме того, выработан ряд практических рекомендаций по совершенствованию механизма избрания меры пресечения, предложены возможные средства доказывания, которыми могут

подтверждаться выводы следователя о том, что лицо скроется, будет воздействовать на свидетелей или иным образом воспрепятствует правосудию.

Значимой и отличительной особенностью доказывания в производстве об избрании меры пресечения является то, что оно нацелено чаще всего не на установление событий прошлого, а на прогнозирование будущего поведения обвиняемого (подозреваемого). Представляется верной точка зрения, согласно которой при наличии достаточных данных прогнозировать индивидуальное поведение возможно. Прогноз поведения обвиняемого (подозреваемого) — наиболее вероятный вариант развития событий, который можно предположить исходя из имеющихся сведений. Такой прогноз первоначально обосновывается в ходатайстве и окончательно в решении суда. Таким образом, предлагается рассмотреть вопрос о возможности получения заключения специалиста-психолога о необходимости *(или отсутствии такой необходимости)* применения конкретной меры пресечения и/или рекомендации о наиболее эффективной мере пресечения в отношении конкретного лица в случаях, когда следователь (дознатель) обращается в суд с ходатайством о продлении меры пресечения на срок свыше трех месяцев. Если за истекший срок с момента избрания меры пресечения судом у следователя (дознателя) не появилось дополнительной аргументации, новых доказательств необходимости и целесообразности применения (и продления) этой меры пресечения, то следователь или дознаватель должны иметь возможность обратиться за заключением специалиста к психологу, который может оценить риски нежелательного поведения лица.

Указанные выводы позволили внести ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и сформулировать их в виде законопроекта.

Перспективы дальнейшей разработки темы видятся в более детальном рассмотрении вопросов компетенции следственных судей, использования при избрании и продлении меры пресечения судом заключения специалиста, а также требований, которые могут предъявляться к специалисту-психологу в уголовном процессе.

Список использованных источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с учетом поправок от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.05.2018).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 23 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.05.2019).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: (ред. от 1 апр. 2019 г.; с изм. и доп. от 17 апр. 2019 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.04.2019).

4. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1: (ред. от 27 дек. 2018 г.; с изм. и доп. от 8 янв. 2019 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 04.03.2019).

5. О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный

ресурс]: Федер. закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 08.08.2019).

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме от 4 нояб. 1950 г.: (с изм. от 13 мая 2004 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 01.07.2018).

7. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс]: указание Генпрокуратуры Рос. Федерации от 9 нояб. 2011 г. № 392/49 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.02.2019).

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41: (ред. от 24 мая 2016 г.) // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 04.05.2018).

9. В постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера должны быть изложены указанные в ст. 434 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию [Электронный ресурс]: Определение Верховного суда РФ от 16 окт. 2002 г. по делу № 48-о02-172 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=18088#03> (дата обращения: 04.05.2018).

10. Правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся применения пункта 3 статьи 5 Конвенции

о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс] / Верховный суд Российской Федерации. — М., 2013. — 78 с. — Электрон. версия печат. публ. — URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php? Id=8856 (дата обращения: 05. 04.2018).

11. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294013/ (дата обращения: 04.05.2018).

12. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125218/ (дата обращения: 04.05.2018).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 21 дек. 2000 г. № 296-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31272/ (дата обращения: 01.12.2018).

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурина Михаила Ануфриевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос.

Федерации от 27 сент. 2018 г. № 2140-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=556652#08933010199095879> (дата обращения: 01.12.2018).

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 19 марта 2009 г. № 384-О-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002; n=96876#09231944239149781> (дата обращения: 01.12.2018).

16. По жалобе муниципального образования «Родниковское сельское поселение» Троицкого муниципального района Челябинской области на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьей 2 Закона Челябинской области «О некоторых вопросах правового регулирования организации местного самоуправления в Челябинской области» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 20 нояб. 2014 г. № 2741-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191050/ (дата обращения: 01.12.2018).

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 1541-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=512752#04053141561298528> (дата обращения: 01.12.2018).

18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «н» статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 48 УК РСФСР, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 19 июня 2007 г. № 592-О-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB002; n=41317#020704732218800426> (дата обращения: 01.12.2018).

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного суда Рос. Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55927/ (дата обращения: 01.12.2018).

20. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс]: Приказ Генпрокуратуры Рос. Федерации от 7 дек. 2007 г. № 195 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90762/ (дата обращения: 01.07.2018).

21. Дело «Худоеров (Khudoerov) против Российской Федерации»: (жалоба № 6847/02): Постановление Европейского суда по правам человека от 8 нояб. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 7–9. — С. 57–99.

22. Дело «Нахманович (Nakhmanovich) против Российской Федерации»: (жалоба № 55669/00): Постановление Европейского суда по правам человека от 2 марта 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 6. — С. 55, 81–99.

23. Дело «Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации»: (жалоба № 54071/00): Постановление Европейского суда

по правам человека от 7 апр. 2005 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 6. — С. 53–68.

24. Дело «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации»: (жалоба № 72967/01): Постановление Европейского суда по правам человека от 1 марта 2007 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2007. — № 8. — С. 69–91.

25. Дело «Корчуганова (Korchuganova) против Российской Федерации»: (жалоба № 75039/01): Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июня 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 11. — С. 73, 110–122.

26. Дело «Долгова (Dolgova) против Российской Федерации»: (жалоба № 11886/05): Постановление Европейского суда по правам человека от 2 марта 2006 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. — 2006. — № 8. — С. 5, 75–86.

27. Дело «Смирнова против России»: (жалобы № 46133/99 и 48183/99) [Электронный ресурс]: судебное постановление. Страсбург 24 июля 2003 г. // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2002. — URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/new/004.htm> (дата обращения 10.11.2018).

28. Европейский суд по правам человека. «Решения ЕСПЧ на русском языке» W. против Швейцарии [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда W. против Швейцарии (W. v. Switzerland) от 26 янв. 1993 г.: (жалоба № 14379/88): (извлечение) // Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2010–2019. — URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/w-protiv-shvejcarii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 05.03.2018).

29. Дело «Панченко (Panchenko) против Российской Федерации»: (жалоба № 45100/98) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда по правам человека от 8 февр. 2005 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=INT; n=29457#045252667054492357> (дата обращения: 10.11.2018).

30. Дело «Нелюбин (Nelyubin) против Российской Федерации»: (жалоба № 14502/04) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда по правам человека от 2 нояб. 2006 г. //

КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=36748#07889984208472813> (дата обращения: 10.11.2018).

31. Дело «Говорущко (Govorushko) против Российской Федерации»: (жалоба № 42940/06) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 окт. 2007 г. // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2019. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

32. Дело «Старокадомский (Starokadomskiy) против Российской Федерации»: (жалоба № 42239/02): Постановление Европейского суда по правам человека от 31 июля 2008 г. // Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Спец. вып. — 2009. — № 1. — С. 124–137.

33. Дело «Салманов (Salmanov) против Российской Федерации»: (жалоба № 3522/04): Постановление Европейского суда по правам человека от 31 июля 2008 г. // Российская хроника Европейского суда: приложение к Бюл. Европейского суда по правам человека. Спец. вып. — 2009. — № 2. — С. 132–144.

34. Медников Д.С. Европейский суд по правам человека: обзор Постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 года по делу «Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии»: (жалоба № 72508/13) // Международное правосудие. — 2018. — № 1. — С. 20–37.

35. Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России: сб. документов. — М.: [б. и.], 2004. — 152 с.

36. Belevitskiy v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 1 March 2007: App. № 72967/01 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-79648> (access date: 10.11.2018).

37. Smirnova v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 24 July 2003: App. № 46133/99 and 48183/99 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61262> (access date: 10.11.2018).

38. Salmanov v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 31 July 2008: App. № 3522/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87888> (access date: 10.11.2018).

39. Khudoyorov v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 8 November 2005: App. № 6847/02 // HUDOS / European Court of

Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865> (access date: 10.11.2018).

40. Khudobin v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 26 October 2006: App. № 59696/00 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77692> (access date: 10.11.2018).

41. Dolgova v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 2 March 2006: App. № 11886/05 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72642> (access date: 10.11.2018).

42. Panchenko v. Russia [Электронный ресурс]: Judgment of 8 February 2005: App. № 45100/98 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68148> (access date: 10.11.2018).

43. Lebedev v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 25 October 2007: App. № 4493/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82973> (access date: 10.11.2018).

44. Govorushko v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 25 October 2007: App. № 42940/06 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82995> (access date: 10.11.2018).

45. Korolev v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 21 October 2010: App. № 38112/04 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101195> (access date: 10.11.2018).

46. Korchuganova v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 8 June 2006: App. № 75039/01 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75706> (access date: 10.11.2018).

47. Nakhmanovich v. Russia [Electronic resource]: Judgment of 2 March 2006: App. № 55669/00 // HUDOS / European Court of Human Rights. — Electronic data. — [S. l., s.a.]. — URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72633> (access date: 10.11.2018).

48. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=2508> (дата обращения: 05.03.2018).

49. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3139> (дата обращения: 05.03.2018).

50. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2015 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823> (дата обращения: 16.08.2019).

51. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=4144> (дата обращения: 16.08.2019).

52. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf (дата обращения: 16.08.2019).

53. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823> (дата обращения: 05.05.2016).

54. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год: «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.08.2019).

55. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон.

дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=3823> (дата обращения: 05.05.2016).

56. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год: «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 10.07.2018).

57. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2009–2019. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.07.2018).

58. Бюллетень суда Еврейской автономной области за II полугодие 2009 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SODV; n=925#006374346497800709> (дата обращения: 01.07.2018).

59. Бюллетень суда Еврейской автономной области за II полугодие 2005 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SODV; n=418#08451242056807287> (дата обращения: 25.06.2019).

60. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного суда РФ от 18 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 19.04.2017).

61. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2017): утв. Президиумом Верховного суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2017 г. // Бюл. Верх. суда Рос. Федерации. — 2018. — № 11.

62. Обзор кассационной и надзорной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2009 года

[Электронный ресурс]: утв. президиумом Пермского краевого суда от 19 марта 2010 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOPV; n=1101#09722733397071863> (дата обращения: 01.12.2018).

63. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за первое полугодие 2007 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1416#06584815534324837> (дата обращения: 25.06.2019).

64. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 6 месяцев 2008 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1764#05284412238431309> (дата обращения: 25.06.2019).

65. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2010 год [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=3438#009838141111928578> (дата обращения: 01.12.2018).

66. Обзор судебной практики по уголовным делам за июнь 2010 года [Электронный ресурс] // Информ. бюл. — 2010. — № 7. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

67. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за шесть месяцев 2014 года [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Красноярского краевого суда от 22 июля 2014 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=102658#08411750735096826> (дата обращения: 01.12.2018).

68. Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 2017 год [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Красноярского краевого суда // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=238151#00047092499992498205> (дата обращения: 01.12.2018).

69. Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс]: обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOCN;n=14192#033966254264558504> (дата обращения: 01.12.2018).

70. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в первом полугодии 2015 года [Электронный ресурс]: справка Кемеровского областного суда от 24 авг. 2015 г. № 08–22/666 // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=135238#06381570835146488> (дата обращения: 01.12.2018).

71. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2009 году [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1248#019409538340395405> (дата обращения: 01.07.2018).

72. Справка о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 1 полугодии 2011 года [Электронный

ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=3463#013346934998211268> (дата обращения: 01.12.2018).

73. Кассационное определение Липецкого областного суда от 31 марта 2011 г. по делу № 22к-501/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOCN; n=36058#003027310727333732> (дата обращения: 01.12.2018).

74. Обобщение практики рассмотрения судами Красноярского края ходатайств об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOSB; n=1972#05964427718763026> (дата обращения: 01.12.2018).

75. Обобщение судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (продлении срока содержания под стражей) по материалам, рассмотренным районными и городскими судами Рязанской области в 2008 году [Электронный ресурс]: обзор судебной практики Рязанского областного суда от 29 окт. 2009 г. // КонсультантПлюс — надежная правовая защита: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2019. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=SOCN; n=14192#07807314578351834> (дата обращения: 01.07.2018).

76. Азаренок Н. В. Должен ли судья при решении вопроса об избрании меры пресечения проверять квалификацию преступления? / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Рос. судья. — 2017. — № 1. — С. 33–37.

77. Азаренок Н. В. Правило о допустимости применения запрета определенных действий, залога, домашнего ареста и заключения под стражу только при невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 7. — С. 69–71.

78. Азаренок Н. В. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу / Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов // Рос. следователь. — 2016. — № 15. — С. 8–12.

79. Азаров В. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Е. В. Носковой «Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» [Электронный ресурс] / В. А. Азаров // Науч. вестн. Омской академии МВД России. — 2012. — № 3. — Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otzyv-ofitsialnogo-opponenta-na-dissertatsiyu-e-v-noskovoyproizvodstvo-po-rassmotreniyu-i-razresheniyu-sudom-zhalob-v-poryadke-stati-125> (дата обращения: 04.12.2018).

80. Алауханов Е. Криминология: учебник / Е. Алауханов. — Алматы, 2008. — 429 с.

81. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций [Электронный ресурс] / А. И. Алексеев. — М.: Щит-М, 1999. — Лекция 12: Изучение личности преступника. — Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://lawbook.online/page/kriminolog/ist/ist-15—idz-ax237—nf-13.html> (дата обращения: 06.03.2018).

82. Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. — 252 с.

83. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1981. — Т. 1. — 361 с.

84. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — 710 с.

85. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1971. — 223 с.

86. Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О. И. Андреева. — Томск, 2007. — 24 с.

87. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В. В. Яркова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфотропик Медиа, 2010. — 480 с.

88. Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. Ю. Ахминова. — СПб., 2017. — 187 с.

89. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу / Ф.Н. Багаутдинов // Рос. юстиция. — 2017. — № 8. — С. 65–67.

90. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера / Ж. А. Бажукова // Администратор суда. — 2017. — № 1. — С. 21–24.

91. Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. — 257 с.

92. Барабаш А. С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам / А. С. Барабаш // Законность. — 2011. — № 4. — С. 5–10.

93. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А. С. Барабаш. — Красноярск, 2006. — 414 с.

94. Барабаш А. С. Основной, вспомогательный и дополнительный процессы доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства / А. С. Барабаш. — М: Юрлитинформ, 2017. — 272 с.

95. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя / А. С. Барабаш. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 1997. — 131 с.

96. Басков В. И. Деятельность прокурора в рассмотрении уголовных дел в порядке надзора / В. И. Басков. — М.: Юрид. лит., 1975. — 200 с.

97. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2010. — 688 с.

98. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учебник / Б. Т. Безлепкин. — М.: Проспект: Велби, 2003. — 301 с.

99. Беляев В. П. Теоретические аспекты надзорно-процессуального производства / В. П. Беляев // Журн. рос. права. — 2006. — № 1. — С. 98–107.

100. Биленчук П. Д. Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П. Д. Биленчук. — Киев, 1983. — 196 с.

101. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.; СПб.: Большая российская энциклопедия: Норинт, 1997. — 1456 с.

102. Валиуллин Р. Р. Ошибки правоприменителей при решении вопроса о содержании под стражей до вынесения приговора [Электронный ресурс] / Р. Р. Валиуллин // За правовое государство: проект адвоката Валиуллина Рустама Рафаэловича. — Электрон. дан. — [Б. м., б. г.]. — URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/analytics/errors-of-lawyers-at-the-decision-of-a-question-on-holding-in-custody-before-adjudgment.html> (дата обращения: 05.02.2018).

103. Вандышев В. В. Уголовный процесс: конспект лекций / В. В. Вандышев. — СПб.: Питер, 2002. — 528 с.

104. Васильев А. М. О правоприменении и процессуальном праве / А. М. Васильев // Гр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. Проблемы соотношения материального и процессуального права. — М., 1980. — С. 8–10.

105. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д. П. Великий. — М., 2001. — 211 с.

106. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / С. И. Вершинина. — Тольятти, 2017. — 449 с.

107. Вершинина С. И. Залог в системе мер пресечения [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. И. Вершинина. — Самара, 1998. — 177 с.

108. Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ / С. И. Вершинина // Журн. рос. права. 2017. — № 6. — С. 115–125.

109. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: НОРМА, 2009. — 432 с.

110. Волошин В. М. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу / В. М. Волошин, А. О. Зайцев // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. — 2017. — № 5. — С. 19–2.

111. Галаган И. А. Теоретические проблемы административной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.711 / И. А. Галаган. — М., 1971. — 43 с.

112. Головинская И. В. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу / И. В. Головинская, С. В. Гуцин // *Соврем. право.* — 2018. — № 11. — С. 120–126.

113. Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. — 303 с.

114. Горшенёв В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенёв, И. Б. Шахов. — М.: Юрид. лит., 1987. — 176 с.

115. Григорьева А. Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Е. Григорьева. — Красноярск, 2008. — 194 с.

116. Гриненко А. В. Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными // *Журн. рос. права.* — 2005. — № 3. — С. 96–99.

117. Гриненко А. В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ / А. В. Гриненко // *Журн. рос. права.* — 2003. — № 9. — С. 47–53.

118. Громов Н. А. Понятие процесса доказывания / Н. А. Громов, Е. Ю. Жога, И. В. Новиков // *Право и политика.* — 2005. — № 2. — С. 42–46.

119. Громов Н. А. Уголовный процесс России: учеб. пособие / Н. А. Громов. — М.: Юристъ, 1998. — 552 с.

120. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Гусельникова. — Томск, 2001. — 242 с.

121. Гуськова А. П. К вопросу об эффективности правосудия / А. П. Гуськова // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* — 2008. — N1(14). — С. 38–41.

122. Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, А. В. Головки; ред. Б. А. Филимонов. — М.: Зерцало-М, 2002. — 528 с.

123. Давлетов А. А. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // *Рос. юстиция.* — 2018. — № 9. — С. 58–60.

124. Давлетов А. А. Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому / А. А. Давлетов, О. Е. Политыко // *Рос. юстиция.* — 2018. — № 6. — С. 50–52.

125. Давлетов А. А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства /А.А. Давлетов // Рос. юрид. журн. — 2012. — № 6. — С. 97–102.

126. Демидов И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса /И.Ф. Демидов // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конференции. — М.; Тюмень, 1995. — С. 24–25.

127. Диков Г. Право на освобождение обвиняемого под залог: (в свете практики ЕСПЧ) [Электронный ресурс] / Г. Диков // Адвокатская практика. — 2009. — № 3. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

128. Добровольская Т.Н. Принципиальное единство уголовно-процессуальной формы — важная гарантия законности правосудия и прав личности /Т.Н. Добровольская, П.С. Элькиндр // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе: межвуз. темат. сб. / под ред. Я.О. Мотовилова. — Ярославль, 1977. — Вып. 2. — С. 3–9.

129. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права / А. А. Добровольский. — М.: Изд-во МГУ, 1965. — 190 с.

130. Доля Е. А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе / Е. А. Доля // Государство и право. — 1994. — № 10. — С. 118–128.

131. Доля Е. А. Уголовно-процессуальная форма и содержание уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] / Е. А. Доля // Законность. — 2009. — № 10. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

132. Дудникова Г. В. Арбитражная процессуальная форма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Г. В. Дудникова. — Саратов, 2005. — 202 с.

133. Дьячкова Ю. Е. Проблема научно-психологического прогноза в деятельности следователя / Ю. Е. Дьячкова // Следователь. — 2003. — № 4. — С. 44–45.

134. Дьячкова Ю. Е. Психологический прогноз поведения участников следственных действий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 19.00.06 / Ю. Е. Дьячкова. — М., 2004. — 277 с.

135. Енаева Л. К. Уголовный процесс: учеб. пособие / Л. К. Енаева. — М.: Форум, 2007. — 320 с.

136. Ерохина О. С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. С. Ерохина. — М., 2014. — 22 с.

137. Есина А. С. Вопросы совершенствования мер пресечения в современном уголовном процессе России / А. С. Есина, О. Е. Жамкова, А. В. Борбат // Рос. следователь. — 2019. — № 1. — С. 23–25.

138. Жданов А. Законность или обоснованность ареста? / А. Жданов // Рос. юстиция. — 1999. — № 1. — С. 48.

139. Железняк Н. С. Процессуальное положение прокурора в рамках предварительного следствия / Н. С. Железняк, О. Г. Иванова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 84–88.

140. Зайков Д. Е. Криминология: учеб. минимум / Д. Е. Зайков. — М.: Юриспруденция, 2008. — 24 с.

141. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. О. Зайцев. — М., 2017. — 38 с.

142. Зайцев А. О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. О. Зайцев. — М., 2017. — 201 с.

143. Закалюк А. П. Опыт создания и применения методики прогноза индивидуального преступного поведения / А. П. Закалюк // Вопросы борьбы с преступностью / отв. ред. И. И. Карпец. — М., 1985. — Вып. 43. — С. 14–23.

144. Зипунникова Ю. К вопросу о пределах действия процессуальной формы [Электронный ресурс] / Ю. К. Зипунникова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2008. — № 8. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

145. Зорин В. Толковый словарь «Евразийская мудрость от А до Я» / В. Зорин. — Алматы: СОЗДИК-СЛОВАРЬ, 2002. — 408 с.

146. Иванова О. Г. Анализ практики следственных и судебных органов Красноярского края в свете применения ст. 97 УПК РФ / О. Г. Иванова // Проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. — Красноярск, 2011. — Т. 2. — С. 336–340.

147. Иванова О.Г. Есть ли усмотрение в уголовном процессе / О.Г. Иванова // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества: сб. докладов Междунар. научной конф. — Красноярск, 2011. — Т. 2. — С. 339–341.

148. Иванова О.Г. Избрание меры пресечения российскими судами в свете практики Европейского суда по правам человека / О.Г. Иванова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Ч. 55. — С. 28–32.

149. Иванова О.Г. Некоторые полномочия суда при избрании меры пресечения / О.Г. Иванова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. — Томск, 2013. — Ч. 59. — С. 40–43.

150. Иванова О.Г. О производстве по избранию мер пресечения судом / О.Г. Иванова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Ч. 51. — С. 87–91.

151. Иванова О.Г. Полномочия прокурора и суда при избрании меры пресечения в судебном порядке / О.Г. Иванова // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 14, Право. — 2017. — Т. 8, № 2. — С. 209–216.

152. Иванова О.Г. Понятие и виды уголовно-процессуальных производств / О.Г. Иванова // Право и общество. — 2011. — № 7. — С. 30–37.

153. Иванова, О.Г. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства / О.Г. Иванова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12. — С. 199–206.

154. Иванова О.Г. Соблюдение адвокатской тайны [Электронный ресурс] / О.Г. Иванова // Адвокатская палата Красноярского края. — Электрон. дан. — Красноярск, 2012. — URL: <https://www.krasadvpalata.ru/publikacii/54.html> (дата обращения: 25.06.2019).

155. Иванова О.Г. Установление причастности лица к совершению преступления при избрании меры пресечения судом / О.Г. Иванова // Сиб. уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2012. — № 1. — С. 58–65.

156. Иванова О.Г. Цели и основания избрания мер пресечения / О.Г. Иванова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Ч. 47. — С. 148–150.

157. Канафин Д. К. Понятие и дифференциация процессуальной формы уголовного судопроизводства / Д. К. Канафин. — Алматы, 1998. — 187 с.

158. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н. И. Капинус. — М., 2001. — 547 с.

159. Каретников А. С. Является ли деятельность суда по рассмотрению и разрешению ходатайств должностных лиц органов предварительного расследования судебным контролем? / А. С. Каретников, К. А. Арзамасцева // Российская юстиция. — 2010. — № 4. — С. 66–69.

160. Катъкало С. И. Судопроизводство по делам частного обвинения / С. И. Катъкало, В. З. Лукашевич. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. — 208 с.

161. Качалова О. В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 38–42.

162. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Качалова. — М., 2016. — 482 с.

163. Качалова О. В. Нужен ли российскому уголовному судопроизводству судебный следователь? / О. В. Качалова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. — Вып. 3. — С. 252–258.

164. Качалова О. В. Критерии определения ускоренных производств в российском уголовном процессе / О. В. Качалова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф: в 2 т. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. — Т. 1. — С. 231–235.

165. Качалова О. В. Как определить обоснованность подозрения при заключении лица под стражу / О. В. Качалова // Уголов. процесс. — 2017. — № 11 (155). — С. 64–67.

166. Качалова О. В. Обоснованность подозрения как условие заключения под стражу: позиции Европейского суда по правам человека и российская практика / О. В. Качалова // Рос. правосудие. — 2018. — № 3 (143). — С. 100–105.

167. Качалова О. В. Заключение под стражу: как преодолеть пропасть между теорией и практикой / О. В. Качалова // Законность

в Российской Федерации: проблемы обеспечения, тенденции, перспективы: сб. ст. участников Школы-семинара молодых ученых-юристов /под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой. — М., 2018. — С. 86–91.

168. Качалова О.В. Основания заключения под стражу в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова // Предварит. расследование. — 2017. — № 2 (2). — С. 29–33.

169. Качалова О.В. Современные подходы к применению мер пресечения в российском уголовном процессе / О.В. Качалова // Предварит. расследование. — 2018. — № 2 (4). — С. 41–47.

170. Качалова О.В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве / О.В. Качалова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 38–42.

171. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство / А. Квачевский. — СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1870. — Вып. 2. Ч. 3: О предварительном следствии. — 314 с.

172. Керимов Д.А. Категория цели в советском праве / Д.А. Керимов // Правоведение. — 1964. — № 3. — С. 34–39.

173. Керимов Д.А. Методология права: (предмет; функции; проблемы философии права): монография / Д.А. Керимов. — М.: Аванта+, 2001. — 560 с.

174. Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.С. Кесаева. — Н. Новгород, 2017. — 34 с.

175. Кобликов А.С. Сущность и задачи уголовного процесса: учебник уголовного процесса / А.С. Кобликов [и др.]; под общ. ред. А.С. Кобликова. — М., 1995. — С. 13.

176. Ковтун Н.Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н.Н. Ковтун, Е.Н. Сулова // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 3. — С. 7–15.

177. Козьявин А.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы как аксиологическое явление в современной социальной практике [Электронный ресурс] / А.А. Козьявин Е.С. Цуканова //

Рос. право в Интернете. Спецвыпуск. — 2010. — № 4. — Электрон. версия печат. публ. — URL: http://rpi.msal.ru/prints/201004_42Kozyavin.html (дата обращения: 19.09.2018).

178. Корнуков В. М. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков, С. И. Вершинина // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 5. — С. 19–23.

179. Котляров И. В. Теоретические основы социального проектирования / И. В. Котляров; под ред. Е. М. Бабосова. — Минск: Наука и техника, 1989. — 188 с.

180. Крипиневи́ч С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства / С. С. Крипиневи́ч // Мировой судья. — 2018. — № 9. — С. 27–35.

181. Крюков В. Ф. Курс лекций по прокурорскому надзору: учеб. пособие для юрид. вузов и факультетов / В. Ф. Крюков. — Курск: ГУ ИПП, 2000. — 464 с.

182. Крюков В. Ф. Прокурорский надзор: учебник для вузов / В. Ф. Крюков. — М.: Норма, 2006. — 784 с.

183. Ксендзов Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. Ю. Ксендзов. — СПб., 2010. — 271 с.

184. Курбатов В. И. Социальное проектирование: учеб. пособие / В. И. Курбатов, О. В. Курбатова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2001. — 416 с.

185. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — М.: Юрид. лит., 1989. — 640 с.

186. Лазарева В. А. О цели доказывания в уголовном судопроизводстве / В. А. Лазарева // Юрид. аналит. журн. — 2005. — № 3–4. — С. 5–11.

187. Лазарева В. А. Истина как основание дифференциации процессуальной формы / В. А. Лазарева // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. Сер. Юрид. науки. — 2018. — № 2 (33). — С. 31–35.

188. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб. / В. А. Лазарева. — М.: Юрайт, 2018. — 263 с.

189. Лалиев А. И. Судебный контроль и правосудие: понятие, признаки, проблемы соотношения / А. И. Лалиев // Общество и право. — 2010. — № 3. — С. 224–227.

190. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. — СПб.: Лань, 2001. — 384 с.

191. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе / П. И. Люблинский. — СПб., 1906. — 703 с.
192. Малышева Ю. В. Обоснованность российской практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в контексте правовой позиции Европейского суда по правам человека / Ю. В. Малышева // Рос. юстиция. — 2017. — № 8. — С. 67–70.
193. Манова Н. С. Возможно ли принятие судом решения о применении меры пресечения при отказе прокурора поддерживать ходатайство следователя? / Н. С. Манова // Рос. судья. — 2019. — № 5. — С. 18–23.
194. Манова Н. С. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения / Н. С. Манова, К. А. Рыгалова // Законность. — 2017. — № 12. — С. 6–10.
195. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н. С. Манова. — М., 2005. — 443 с.
196. Мельников В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. Ю. Мельников. — М., 2014. — 68 с.
197. Мельников В. Ю. Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых / В. Ю. Мельников // Рос. судья. — 2007. — № 7. — С. 64–68.
198. Мельников В. Ю. Судебный контроль в условиях состязательности уголовного процесса / В. Ю. Мельников // Рос. судья. — 2010. — № 8. — С. 8–11.
199. Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве / В. А. Михайлов. — М.: Академия МВД СССР, 1991. — 190 с.
200. Михайлов В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов. — М.: Центр информ. технологий ИЗП, 1997. — 643 с.
201. Михайлов В. А. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов // Публ. и частное право. — 2014. — № 1 (21). — С. 91–114.
202. Михайлов В. А. Методологические основы мер пресечения / В. А. Михайлов. — М.: Акад. упр. МВД РФ, 1998. — 188 с.
203. Михайлов В. А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Публ. и частное право. — 2010. — № 4 (8). — С. 28–62.

204. Михайлов В. А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Михайлов. — М., 1996. — 47 с.

205. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2006. — 189 с.

206. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2003. — 142 с.

207. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Мищенко. — Оренбург, 2014. — 458 с.

208. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Мищенко. — М., 2014. — 59 с.

209. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу / А. Д. Назаров // Рос. юстиция. — 2010. — № 4. — С. 39–43.

210. Недбайло П. Е. О юридических гарантиях правильного применения норм советского права / П. Е. Недбайло // Советское государство и право. — 1957. — № 6. — С. 22.

211. Нигматулин И. Р. Средства обеспечения правомерного поведения подозреваемых и обвиняемых на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Р. Нигматулин. — Ижевск, 2005. — 25 с.

212. Никитина В. В. Теоретико-методологические основы социально-экономического прогнозирования реформ [Электронный ресурс] / В. В. Никитина // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2012. — № 357. — Электрон. версия печат. публ. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-sotsialno-ekonomicheskogo-prognozirovaniya-reform> (дата обращения: 01.07.2019).

213. Никитина Н. Тенденции развития процессуальной формы в уголовном судопроизводстве России / Н. Никитина // Право и жизнь. — 2010. — № 5. — С. 128–134.

214. Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. — Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. — 896 с.

215. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф.

дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Носкова. — Томск, 2011. — 23 с.

216. Носкова Е. В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. В. Носкова. — Томск, 2011. — 225 с.

217. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз., 1990. — 921 с.

218. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 57000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.

219. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ю. К. Орлов. — М.: Проспект, 2000. — 138 с.

220. Пертли Л. Ф. Мера пресечения в виде заключения под стражу по российскому и зарубежному законодательству / Л. Ф. Пертли // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. — 2015. — № 1. — С. 17–21.

221. Петров И. В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] / И. В. Петров // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. — 2011. — № 9. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-podozreniya-v-rossiyskom-ugolovnom-protseste> (дата обращения: 03.07.2019).

222. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. — М.: Наука, 1989. — 256 с.

223. Петрухин И. Л. Понятие, принципы и общие положения уголовного процесса и уголовно-процессуального права / И. Л. Петрухин // Уголовный процесс: учебник / под ред. И. Л. Петрухина. — М., 2001. — С. 7.

224. Плоткина Ю. Б. Применение мер пресечения, избираемых по решению суда, в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. Б. Плоткина. — М., 2010. — 227 с.

225. Поволоцкий Л. И. Дела особого производства / Л. И. Поволоцкий, В. А. Лисковец, А. С. Соминский. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 115 с.

226. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие: в 2 ч. / В. А. Давыдов

[и др.]; под ред. В. М. Лебедева. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2016. — Ч. 1. — 231 с.

227. Прошляков А. Д. О недопустимости повторного участия судьи в производстве по уголовному делу / А. Д. Прошляков, Л. А. Александрова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 6. — С. 105–113.

228. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. — М.: Юрид. лит., 1991. — 143 с.

229. Протасов В. Н. Юридическая процедура / В. Н. Протасов. — М.: Юрид. лит., 1991. — 79 с.

230. Процессуальные нормы и процессуальные отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях) / под ред. И. А. Галагана. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 157 с.

231. Прутченкова Г. Н. Процессуальная форма и её значение для совершенствования правовой регламентации предварительного расследования: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. Н. Прутченкова. — М., 1992. — 20 с.

232. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. — М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. — 672 с.

233. Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: монография / С. Б. Россинский. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 224 с.

234. Рудич В. В. О гарантиях прав участников процедуры избрания меры пресечения по уголовному делу / В. В. Рудич // Уголовное право. — 2018. — № 3. — С. 114–117.

235. Рудич В. В. Об исследовании мировым судьей обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения по уголовному делу с обвинительным актом / В. В. Рудич // Мировой судья. — 2018. — № 3. — С. 29–32.

236. Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Руновский. — М., 2012. — 26 с.

237. Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы: учеб. пособие для вузов / Х. Ц. Рустамов. — М.: Закон и право: ЮНИТИ, 1998. — 304 с.

238. Рыжаков А. П. Анализ разъяснений практики применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога

и домашнего ареста: комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 29 окт. 2009 г. № 22 [Электронный ресурс] / А. П. Рыжаков // ГАРАНТ: информ. правовое обеспечение. — Электрон. дан. — М., 2019. — URL: <http://base.garant.ru/5854299/#ixzz5sOmSkfXA> (дата обращения: 01.07.2018).

239. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева. — М.: Юрид. лит., 1964. — 108 с.

240. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 676 с.

241. Седелников П. В. Полномочия прокурора по обращению в суд с ходатайством о продлении срока избранной в отношении обвиняемого меры пресечения / П. В. Седелников, Е. Е. Коробкова, Р. А. Бескембиров // Законность. — 2019. — № 1. — С. 49–53.

242. Серёгина В. В. Социальное проектирование и конструирование как социально-философская теория и общественная практика [Электронный ресурс] / В. В. Серёгина, Л. Н. Шаповалова, М. Н. Середина // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. — 2016. — Т. 40. — С. 59–63. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/56901.htm> (дата обращения: 03.04.2018).

243. Скабелин С. И. Совокупность данных, являющаяся достаточной для избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве / С. И. Скабелин // Адвокат. — 2015. — № 11. — С. 38–43.

244. Смирнов А. В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] / А. В. Смирнов // Междунар. Организация Содействия Правосудию. — Электрон. дан. — [Б. м.], 2005–2018. — URL: <http://www.iauaj.net/node/1723> (дата обращения: 05.03.2018).

245. Смирнов А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — М.: КНОРУС, 2008. — 704 с.

246. Сорокина В. В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. В. Сорокина. — Саратов, 2009. — 22 с.

247. Стародубова Г. В. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого: объективная основа и субъективная оценка / Г. В. Стародубова // Рос. юстиция. — 2017. — № 12. — С. 62–64.

248. Стойко Н. Г. Доказывание при прекращении уголовных дел: вопросы реабилитации и освобождения от уголовной

ответственности: учеб. пособие / Н.Г. Стойко, А.С. Барабаш. — Красноярск, 1996. — 48 с.

249. Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / Н.Г. Стойко. — Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. — 104 с.

250. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: монография / Н.Г. Стойко. — СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та: Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2006. — 264 с.

251. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н.Г. Стойко. — СПб., 2009. — 374 с.

252. Стойко Н.Г. Принуждение в уголовном процессе и личностно-ориентированная модель его организации / Н.Г. Стойко // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 5. — С. 42–48.

253. Строгович М.С. Актуальные вопросы судебной этики / М.С. Строгович // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. — М., 1985. — С. 10–13.

254. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович; отв. ред. Н.Н. Полянский. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 703 с.

255. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович: в 2 т. — М.: Наука, 1968. — Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. — 468 с.

256. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М.С. Строгович // Соц. законность. — 1974. — № 9. — С. 50–52.

257. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / М.С. Строгович. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 151 с.

258. Судницын А.Б. Значение данных о совершении преступления определенной степени тяжести при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу / А.Б. Судницын // Рос. следователь. — 2016. — № 1. — С. 21–25.

259. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: науч.-практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса РФ / под ред. В.М. Лебедева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2011. — 999 с.

260. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С. А. Ворожцов [и др.]; под общ. ред. А. И. Карпова. — М.: Юрайт, 2008. — 732 с.

261. Талынева З. З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / З. З. Талынева. — Уфа, 2008. — 26 с.

262. Тарасенко Е. А. Полномочия органов предварительного следствия по отмене или изменению меры пресечения в виде заключения под стражу / Е. А. Тарасенко // Законность. — 2017. — № 11. — С. 53–55.

263. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — 776 с.

264. Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. — Харьков: Изд-во при Харьков. гос. ун-те изд. объединения «ВИЩА ШКОЛА», 1983. — 180 с.

265. Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда / К. Д. Титаев // Экон. социология. — 2014. — Т. 15, № 3. — С. 88–118.

266. Тришева А. Институт следственных судей — необходимое условие состязательности судопроизводства / А. Тришева // Законность. — 2009. — № 7. — С. 3–9.

267. Трубникова Т. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения заключения под стражу в современном уголовном судопроизводстве / Т. В. Трубникова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Экономика, юридические науки. — 2003. — № 4. — С. 49–51.

268. Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / Т. В. Трубникова. — Томск, 1997. — 264 с.

269. Трунова Л. К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л. К. Трунова. — М., 2002. — 419 с.

270. Тукиев А. С. Понятие и сущность уголовно-процессуальной формы / А. С. Тукиев // Вестн. Карагандин. юрид. ин-та Мин-ва внутренних дел Республики Казахстан. — 2004. — Вып. 2 (10). — С. 60–66.

271. Уголовно-процессуальное право: учебник для вузов по специальности «Юриспруденция» / под ред. П. А. Лупинской. — 2-е изд. — М.: Юристъ, 1997. — 590 с.

272. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. — 1008 с.

273. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П. А. Лупинской. — М.: Юристъ, 2005. — 815 с.

274. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М.: Юристъ, 2003. — 797 с.

275. Уголовный процесс: учебник для студентов юрид. вузов и факультетов: (с источниками норматив. материалов, образцами процессуал. док., схемами и библиогр.) / под ред. К. Ф. Гуценко. — М.: Зерцало: ТЕИС, 1996. — 509 с.

276. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юрид. вузов / О.И. Андреева [и др.]. — Ростов н/Д.: Феникс, 2015. — 445 с.

277. Уланова Ю. Ю. Влияние постановлений Европейского суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Уланова // Рос. судья. — 2010. — № 4. — С. 11–13. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

278. Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. М. Фетищева. — Н. Новгород, 2016. — 33 с.

279. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 574 с.

280. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с.

281. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. — 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.

282. Францифорова С. Ю. Уголовно-процессуальная форма — гарантия обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] / С. Ю. Францифорова // Уголовное судопроизводство. — 2008. — № 3. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

283. Хатуаева В. Упрощенное судопроизводство как способ дифференциации уголовно-процессуальной формы / В. Хатуаева // Государство и право. — 2007. — № 4. — С. 40–46.

284. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О. В. Химичева. — М., 2004. — 46 с.

285. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О. В. Химичева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. — 232 с.

286. Химичева О. В. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография / О. В. Химичева, Ю. Б. Плотников. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 287 с.

287. Цоколова О. И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу / О. И. Цоколова // Рос. следователь. — 2005. — № 5. — С. 8–12.

288. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / О. И. Цоколова. — М., 2007. — 60 с.

289. Цыганенко С. С. Проблемы процессуальных производств и их типов в новом УПК / С. С. Цыганенко // Правоведение. — 2002. — № 4 (243). — С. 13–21.

290. Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в российском уголовном процессе / С. С. Цыганенко. — Ростов н/Д.: Проф-Пресс, 2003. — 448 с.

291. Чельцов М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 624 с.

292. Червоткин А. С. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста и залога / А. С. Червоткин // Уголовный процесс. — 2014. — № 2. — С. 10–19.

293. Черемисина Т. В. Взаимодействие следователя и суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / Т. В. Черемисина // Рос. следователь. — 2018. — № 2. — С. 29–32.

294. Чувилев А. А. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: лекция / А. А. Чувилев. — М.: МВШМ, 1989. — 48 с.

295. Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука / М. Д. Шаргородский // Правоведение. — 1971. — № 1. — С. 40–50.
296. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. — М.: НОРМА, 2009. — 125 с.
297. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. — Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1974. — 173 с.
298. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби; под ред. В. А. Успенского. — М.: Изд-во иностр. лит., 1959. — 432 с.
299. Южанин В. Е. Оптимизация процесса изучения личности осужденного, применение принудительных и воспитательных мер в ИТУ / В. Е. Южанин // Педагогическое наследие А. С. Макаренки и проблемы исправления и перевоспитания осужденных: материалы науч.-практ. конф. — Рязань, 1988. — С. 134–162.
300. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. В. М. Горшенева [и др.]. — М.: Юрид. лит., 1976. — 280 с.
301. Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю. К. Якимович, А. В. Ленский, Т. В. Трубникова; под ред. М. К. Свиридова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 300 с.
302. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю. К. Якимович. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — 168 с.
303. Якимович Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России / Ю. К. Якимович. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — 104 с.
304. Якимович Ю. К. Уголовно-процессуальные производства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Ю. К. Якимович. — М., 1992. — 369 с.
305. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. — М.: Юрид. лит., 1981. — 144 с.
306. Якупов Р. Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / Р. Х. Якупов; под ред. В. Н. Галузо. — М.: Зерцало, 1998. — 448 с.
307. Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice / A. Ashworth. — L.: Butterworths, 1995. — 393 p.
308. Bell W. Futuristics and social behavior // Images for the future: the twenty first century and beyond / eds. W. Bell., J. A. Mau. — Buffalo, 1976. — P. 6–44.

309. Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases / Ch. Fricke. — L. A., California: California University Press, 1968. — 159 p.
310. Goldschmidt J. Der Prozeß als Rechtslage / J. Goldschmidt. — B., 1925. — 602 S.
311. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices» // Yale Law Journ. — 1970. — Vol. 79, № 3. — P. 359–417.
312. Jones Th. Options for the future. A comparative analysis of policyoriented forecasts / Th. Jones. — N.Y.: Praeger, 1980. — 348 p.
313. Perkins R. Criminal Law / R. Perkins. — 2 ed. — Mineola; N. Y., 1969. — 1115 p.
314. Polak F.L. Responsibility for the future // Images for the future: the twenty first century and beyond. — Buffalo, 1976. — P. 11.
315. Pradel J. Procédure pénale / J. Pradel. — 9 éd. — P., 1997. — 1088 p.

Приложения

Приложение А

Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N52, ст. 4921; 2002, N22, ст. 2027; N30, ст. 3015; 2003, N27, ст. 2706, 2708; N50, ст. 4847; 2005, N23, ст. 2200; 2007, N18, ст. 2118; N24, ст. 2830, 2833; 2008, N49, ст. 5724; N52, ст. 6235; 2009, N1, ст. 29; N29, ст. 3613; N52, ст. 6422; 2010, N19, ст. 2284; N30, ст. 3986; N31, ст. 4164; N49, ст. 6414; 2011, N1, ст. 16, 45; N15, ст. 2039; N25, ст. 3533; N45, ст. 6322, 6334; N48, ст. 6730; N50, ст. 7362; 2012, N10, ст. 1162, 1166; N24, ст. 3071; N31, ст. 4330; N53, ст. 7635; 2013, N14, ст. 1662; N26, ст. 3207; N27, ст. 3478; N30, ст. 4031, 4050, 4078; N44, ст. 5641; N51, ст. 6685; N52, ст. 6947, 6997; 2014, N6, ст. 556; N11, ст. 1094; N19, ст. 2335; N26, ст. 3385; N30, ст. 4278; 2015, N1, ст. 71, 81, 83; N6, ст. 885; N10, ст. 1417; N29, ст. 4354, 4391; 2016, N26, ст. 3859; N27, ст. 4257; N28, ст. 4559; 2017, N24, ст. 3484; N31, ст. 4752, 4799; 2018, N1, ст. 51; N18, ст. 2584; N27, ст. 3940; N31, ст. 4817) следующие изменения:

1) Переименовать статью 97 «Основания для избрания меры пресечения» на «Цели избрания мер пресечения».

2) Часть 1 статьи 97 дополнить и изложить в следующей редакции:

«1. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных

настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу;

4) если оставление обвиняемого, подозреваемого на свободе может привести к общественным волнениям и/или нарушению общественного порядка».

2) Переименовать статью 99 «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения» на «Обстоятельства, подлежащие доказыванию при избрании меры пресечения».

3) Статью 99 дополнить и изложить в следующей редакции:

«1. При избрании меры пресечения подлежат установлению следующие обстоятельства:

– указывающие на причастность лица к совершению преступления;

– характеризующие личность обвиняемого или подозреваемого;

– свидетельствующие о необходимости и целесообразности избрания конкретной меры пресечения.

2. Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения к конкретному лицу органы предварительного расследования должны представить суду достаточные сведения, в том числе указанные в статье 91 УПК РФ, дающие основания обоснованно подозревать конкретное лицо в причастности к совершению инкриминируемого ему деяния.

3. При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определения ее вида в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления должны учитываться также тяжесть и степень общественной опасности преступления, состояние здоровья, способствование раскрытию и расследованию преступления, и другие обстоятельства.

4. Все обстоятельства, указанные в настоящей статье, должны подтверждаться доказательствами, полученными в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ».

4) Часть 1 статьи 109 изложить в следующей редакции:

«При избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения устанавливаемый судом срок содержания под стражей не может превышать 1 месяца».

5) Часть 2 статьи 109 изложить в следующей редакции:

«В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 1 месяца и при наличии оснований для продления меры пресечения этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня в порядке, установленном частью третьей статьи 108 настоящего Кодекса, на срок до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела и при наличии оснований для продления этой меры пресечения судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя в случаях, предусмотренных частью пятой статьи 223 настоящего Кодекса, с согласия прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора, до 12 месяцев».

6) Часть 7.1. статьи 108 изложить в следующей редакции:

«При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе, с учетом исследованных в судебном заседании обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или домашнего ареста».

7) Дополнить статью 108 частью 7.2. в следующей редакции:

«При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу по мотиву недостаточной обоснованности причастности лица к совершению инкриминируемого ему преступления следователь или дознаватель не вправе избрать обвиняемому или подозреваемому иную меру пресечения».

8) Дополнить Уголовно-процессуальный кодекс статьей 108.1 «Отказ от поддержания ходатайства об избрании или продлении меры пресечения» в следующей редакции:

1. отказ прокурора от поддержания заявленного следователем ходатайства в судебном заседании не прекращает производство по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения; в указанном случае судебное разбирательство откладывается с вызовом в суд следователя для предоставления ему права поддержать в судебном разбирательстве заявленное ходатайство;

2. отказ следователя от поддержания заявленного им ходатайства обязателен для суда в случае, если прокурор также откажется поддерживать рассматриваемое ходатайство;

3. дознаватель не вправе отказаться от поддержания заявленного им ходатайства без согласия прокурора;

4. отказ прокурора от поддержания заявленного дознавателем ходатайства обязателен для суда;

5. отказ прокурора от поддержания ходатайства об избрании или продлении меры пресечения может быть заявлен только после исследования материалов, представленных в судебное заседание.

Статья 2

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня официального опубликования настоящего Федерального закона.

Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения

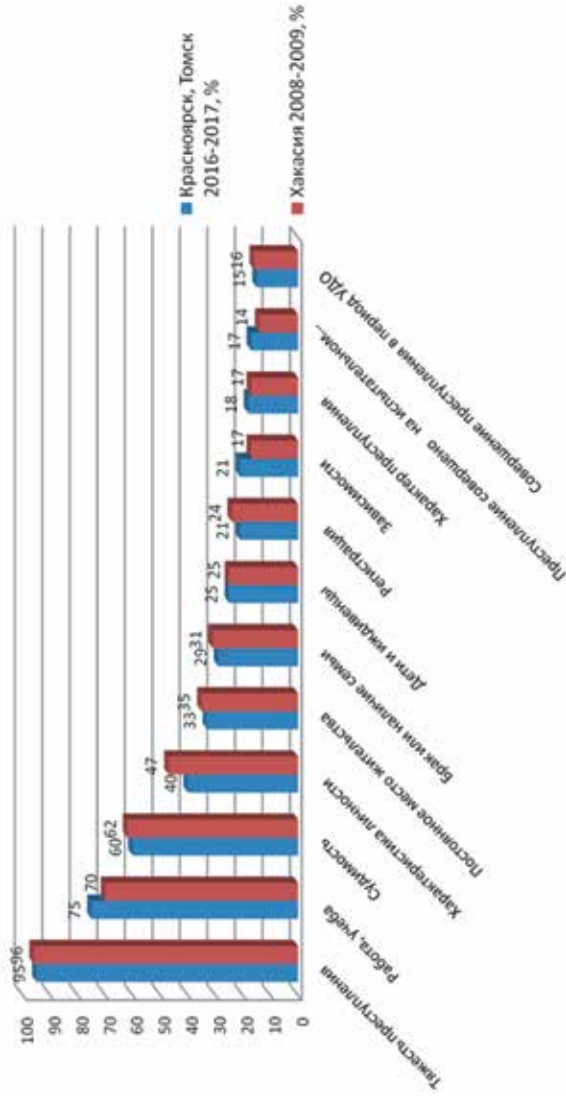

Рис. Б.1. Анализ постановлений судов об избрании меры пресечения (частота упоминания)

Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения

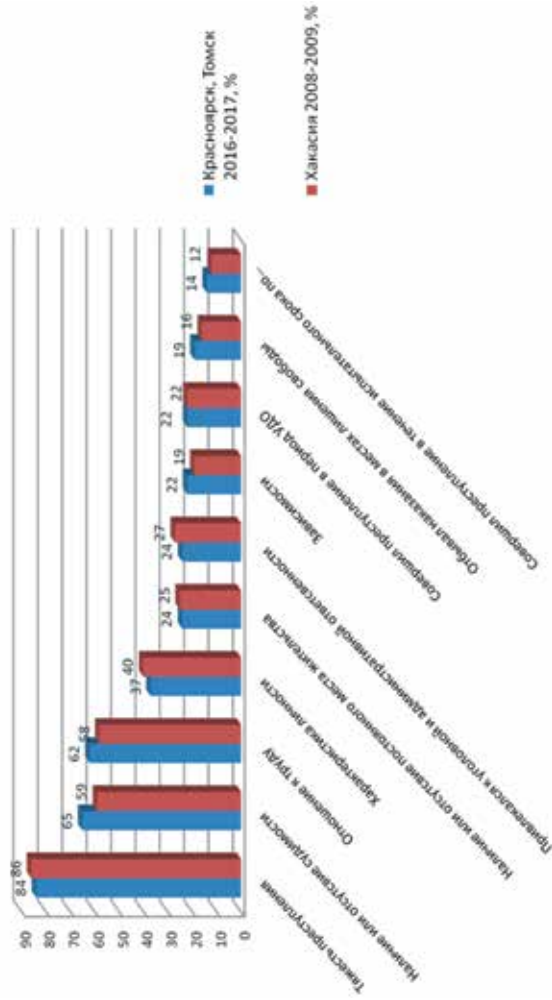

Рис. В.1. Анализ ходатайств следователей об избрании меры пресечения (частота упоминания)

**Статистика рассмотрения ходатайств
об избрании мер пресечения судом по данным
Судебного департамента при Верховном суде РФ
за 2015–2018 годы**

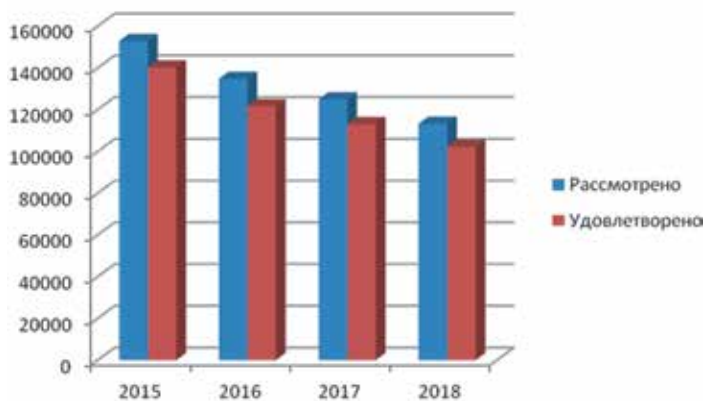

Рис. Г.1. Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

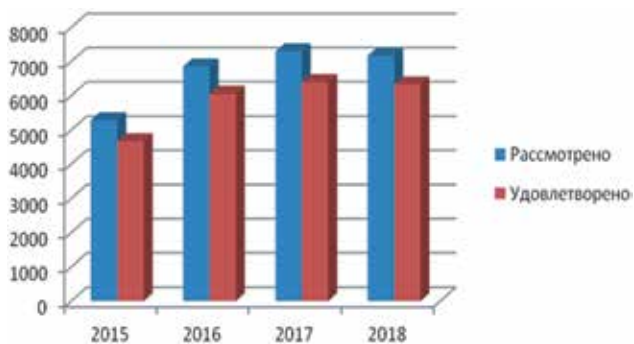

Рис. Г.2. Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста

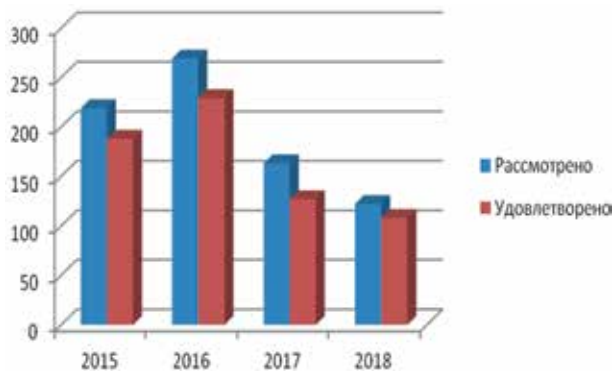

Рис. Г.3. Рассмотрение ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога

Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2015–2018 годы

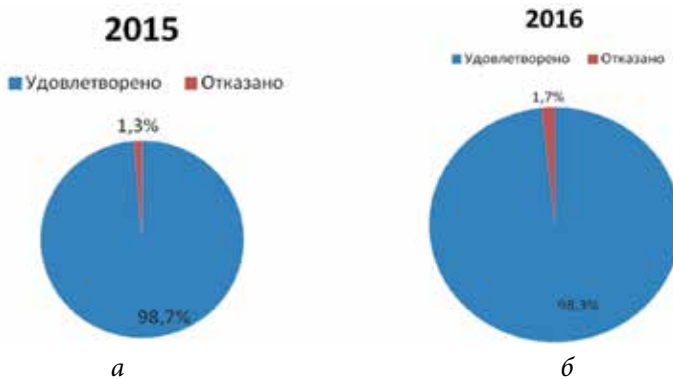

Рис. Д.1. а, б. Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2015–2016 гг.

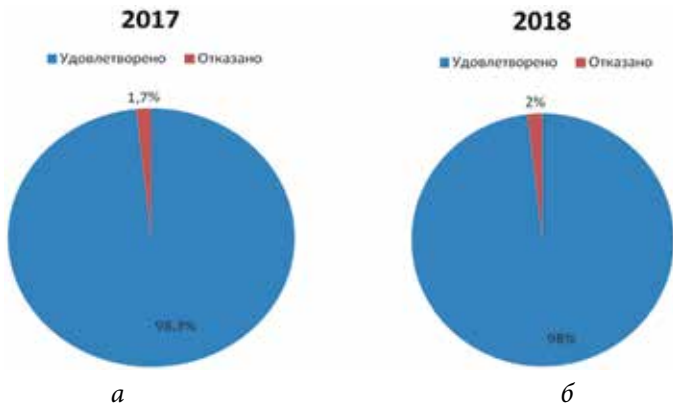

Рис. Д.2. а, б. Статистика рассмотрения ходатайств о продлении заключения под стражей по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2017–2018 гг.

Научное издание

Иванова Ольга Геннадьевна

**Уголовно-процессуальное производство
по избранию судом меры пресечения**

Монография

Редактор Т. М. Пыжик
Корректор В. Р. Наумова
Компьютерная верстка И. В. Гревцовой

Подписано в печать 26.12.2019. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 500 экз. Заказ № 9440

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

